

**Вестник
Рязанского
государственного
университета
имени *С.А. Есенина***

**Научный журнал
2007 № 4/17**

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Журнал выходит с 1993 года

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПЕДАГОГИКА. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

- Лиферов А.П.** Организация научных исследований
в университетах Соединенных Штатов Америки 3
- Агапова Н.Г.** Парадигмальные ориентации современного
образования в контексте философии культуры: оппозиции,
различия и возможности синтеза 20
- Симакова Е.С.** Риторическая компетенция в профессиональной
подготовке педагога 40

ПОЛИТОЛОГИЯ. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Козлов Г.Я.** Проблемы сочетания теоретического и прикладного
аспектов в подготовке политологов
..... 51
- Медведев Н.П.** Стабильность политической системы: теория
и российская практика 63

Южанин В.Е. Ответственность за многократный рецидив преступлений (исторический аспект)	71
Артемьев Н.С., Полищук Е.Г. Вопросы типологии жертв преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений ..	82

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Никитин О.В. Речевые средства деловой письменности и их функционально-стилистический орнамент в «Словах и делах государевых»	91
Скрябина О.А. Письменная речь как когнитивно-коммуникативная деятельность	118
Решетова А.А. Паломник, посланник или негоциант? (исследование историко-литературной основы «Хождения» Василия Гагары)	130
Сведения об авторах	148

ПЕДАГОГИКА. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

А.П. Лиферов

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УНИВЕРСИТЕТАХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Объективная реальность такова, что вузы, как правило, испытывают хронический недостаток финансовых средств и ресурсов для реализации стоящих перед ними задач. В силу этого и сегодня, и в обозримой перспективе актуальной остается проблема поиска дополнительных к бюджету источников финансирования. Особую значимость она приобретает для сферы научных исследований, проводимых вузами. Научно-исследовательская деятельность, ставшая с конца XIX столетия на Западе одним из важнейших условий успешного функционирования академического учреждения, становится сегодня приоритетом и для финансового благополучия отечественной высшей школы.

Необходимость существенного усиления в современных условиях инновационно-исследовательской составляющей в деятельности российских вузов не вызывает сомнений. Дискуссии могут вестись лишь по поводу наиболее эффективных путей достижения этой цели, одним из которых, по нашему убеждению, может и должно стать изучение опыта развитых стран в превращении университетов в ведущие инновационные центры. Несомненно показателен в этом отношении опыт высшей школы Соединенных Штатов Америки.

К началу XXI века на долю США приходилось примерно 44 процента всех расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР), реализуемые в 30 наиболее развитых странах мира. Доля же непосредственно США в общемировых расходах на научно-исследовательские работы в начале текущего столетия приближалась к 40 процентам¹.

Исторически сложилось так, что в формировании и реализации инновационной системы США, стимулировании НИОКР, направленных на

создание новых перспективных продуктов и технологий, решающая роль принадлежит федеральному правительству. В частности, в силу этого федеральные расходы на научно-исследовательские работы (НИР) после стагнации 90-х годов прошлого века возросли в период 2000–2005 годов с 73,9 миллиарда долларов до рекордного за всю историю США уровня – 114,2 миллиарда долларов, то есть более чем в 1,5 раза². Это позволило США не только сохранить, но и укрепить свои позиции как мирового лидера в сфере подготовки научных кадров.

К началу XXI века численность лиц с высшим образованием оценивалась во всем мире примерно в 240 миллионов человек, свыше $\frac{1}{5}$ из которых (больше, чем в любой другой стране мира) трудились в США. Только в 2003 году учебные заведения страны подготовили 40 тысяч ученых и инженеров. К этому времени уже насчитывалось 10 миллионов человек, имеющих ученые степени или инженерное образование. Следует иметь в виду, что в настоящее время в США проживает и работает около 400 тысяч специалистов из стран Европы, причем до 75 процентов физиков, защитивших свои докторские диссертации в Америке в 1990-х годах, возвращаться на родину не собираются. Одна из причин подобной ситуации – многочисленные трудности и препятствия, связанные с открытием и становлением собственного наукоемкого и высокотехнологичного бизнеса в Европе. В значительной мере этим объясняется и тот факт, что, хотя Европейский союз и опережает США по выпуску специалистов-исследователей и технологов, лишь немногие из них связывают свое будущее с реальной исследовательской работой. Этот парадокс имеет в своей основе высокую конкуренцию на европейском рынке труда, связанного с деятельностью наукоемкого бизнеса. Возможность заняться бизнесом реально получают лишь около 50 процентов европейских исследователей, тогда как среди американских – до 83 процентов³.

Соединенные Штаты Америки продолжают лидировать и по числу научных публикаций и патентов, печатая в среднем 650 тысяч научных статей и оформляя 88 тысяч патентов в год⁴. В первые годы нынешнего текущего столетия расходы США на НИОКР достигли рекордного уровня – 276 миллиардов долларов (вместо 162 миллиардов долларов в 1994 году) – и продолжают оставаться примерно на том же уровне.

По прогнозам Национального научного фонда, занятость в науке и инженерных профессиях в США будет расти с 2000 года по 2010 год в 3,5 раза быстрее, чем в среднем по экономике, при этом почти 90 процентов этого прироста придется на профессии, связанные с информатикой и компьютерными технологиями⁵.

Однако следует сразу оговориться, что современная американская наука имеет и ряд острых, кризисных проблем. Самым тревожным их ин-

дикатором стало относительное падение роли и значения науки в американском обществе. Особенно очевидно это проявилось в том, что в 90-е годы – впервые после Второй мировой войны – в США стала сокращаться численность лиц высшей научной квалификации – докторов наук. По данным американской печати, если в 1998 году выпуск таких специалистов достиг своего максимума – 42 645 выданных докторских дипломов, то уже к 2003 году он сократился до 40 710⁶. В обеспечении кадрами академической науки США достаточно четко вырисовываются две основные проблемы: существенное замедление темпов роста численности ученых и инженеров, занимающихся НИОКР, и заметное старение кадров академической науки. Эти тенденции, хотя и обусловлены несколько иными факторами, очевидно, присутствуют и в российской науке. Что же касается США, то с начала 1980-х годов специалисты после получения докторской степени постепенно оставляют исследовательскую деятельность и переходят на работу в частный бизнес или в государственные органы. Например, если в 1975 году свыше половины докторов наук (53,4 процента) после присуждения им степени посвящали себя исследовательской и педагогической деятельности, то к 2001 году данный показатель сократился до 44 процентов. Эта негативная тенденция особенно ощутима в академических центрах⁷. Процесс старения академических кадров столь же очевиден. Так, если в 1975 году средний возраст докторов, занятых академическими исследованиями, составлял 42,4 года, то к 2001 году он увеличился до 47,4 года, а доля ученых в возрасте до 35 лет сократилась за это же время с 25,9 процента до 12,0⁸.

Необходимо заметить, что еще двумя важнейшими критическими параметрами состояния современного научного потенциала США являются наличие достаточного количества полезных площадей, находящихся в распоряжении академических центров для проведения научно-исследовательских работ, а также соответствие потребностям реальных расходов на приборно-инструментальную базу. Наличная материальная база американских академических центров, конечно, несопоставима с той, которой располагают отечественные университеты и НИИ. Однако, вопреки распространенному мнению и несмотря на огромные расходы на постановку научно-исследовательских работ, американские академические центры испытывают серьезную потребность в расширении площадей и улучшении инфраструктурного оснащения научных исследований. В начале XXI века, по мнению американских специалистов, лишь около 30 процентов площадей академических центров отвечали современным требованиям. При этом, как замечает отечественный исследователь В.С. Васильев, парадокс американской ситуации состоит в том, что наиболее бурно развивающиеся отрасли знаний, в частности медико-

биологические и компьютерные науки, испытывают и наибольшую нужду в площадях для проведения НИР⁹. Свыше 80 процентов академических исследовательских центров страны заявляют о своих дополнительных потребностях в площадях для проведения НИР¹⁰.

Сходная ситуация сложилась и в совершенствовании инфраструктурной базы НИР. Несмотря на то, что к началу XXI века годовые затраты в США на приборно-инструментальную базу достигли 1,5 миллиарда долларов, увеличившись по сравнению с 1983 годом более чем в 3 раза, специалисты академических центров характеризуют ее как требующую существенной модернизации¹¹.

Рост расходов на исследования и конструкторские разработки – общая тенденция для большинства развитых стран мира, причем значение инвестиций со стороны крупного бизнеса постоянно растет. Так, на одном из совещаний в 2002 году Европейской комиссией был поставлен вопрос о необходимости к 2010 году увеличения инвестиций в НИОКР до 3 процентов внутреннего валового продукта. В решении этой задачи ведущая роль отводится частным компаниям, при этом вложения государственного сектора в европейских странах, чтобы достичь планируемого уровня расходов на НИОКР, предполагается увеличивать ежегодно на 6,5 процента, в то время как частного – на 9,5 процента. Хотя США по доле расходов на НИОКР в объеме внутреннего валового продукта и занимают лишь пятое место после Швеции (3,8 процента), Финляндии (3,4 процента), Японии (3,0 процента), Исландии (2,9 процента), их общий объем капиталовложений в науку почти в 3 раза превосходит аналогичные расходы Японии – второй в мире страны по масштабам инвестиций в эту сферу. Превосходят США по расходам на научные цели и государства – члены Группы 8¹². Что касается стран Западной Европы в целом, то средний уровень расходов на НИОКР там за последние несколько лет увеличился лишь на 5,6 процента, в то время как в США он возрос на 15,4 процента¹³.

Будучи по своей структуре многоуровневой, американская система организации научно-исследовательских работ включает пять основных секторов, осуществляющих подобные работы:

- 1) академические научно-исследовательские центры, финансируемые из федерального бюджета, но подчиненные частным структурам;
- 2) федеральное правительство с находящимися в его собственности и подчиненными ему научно-исследовательскими институтами, центрами и научными лабораториями;
- 3) университеты и колледжи;
- 4) промышленность (научно-исследовательские центры и подразделения американских корпораций и фирм);
- 5) «бесприбыльные организации» и институты.

Безусловно, вклад этих секторов в общенациональную «научную копилку» неодинаков, но их присутствие на рынке исследований и разработок отличается достаточным постоянством, при этом у каждого из них сложились собственные приоритетные источники финансирования.

В среднем в развитых странах мира до 30–50 процентов всех ассигнований на НИОКР приходится на государство. Другими субъектами стимулирования инновационных процессов в науке выступают бескорыстные энтузиасты новых идей, готовые вкладывать личные средства в их практическое воплощение, так называемые «бизнес-ангелы», а также корпорации, венчурные фонды и фонды прямых инвестиций.

В США в 2002 году федеральный бюджет оплачивал свыше 28 процентов всех осуществляемых в стране научно-исследовательских работ. Однако важнейшим источником их финансирования были собственные средства американских корпораций, на долю которых приходилось 65,5 процента всех расходов на НИОКР. Средства федерального правительства и промышленности – два основных источника финансовой подпитки НИОКР, доля которых составляет 93,8 процента всех американских затрат на научно-исследовательские цели¹⁴. Несмотря на то, что вклад частного бизнеса в общий объем финансирования научных исследований является определяющим, федеральное правительство США несет главную ответственность за выработку государственной стратегии и практики в научной сфере. Положение об определяющей роли государства в области науки зафиксировано законодательно и неоднократно подчеркивалось во всех основных документах законодательной и исполнительной власти. Например, в аналитической записке к федеральному бюджету страны на 2006 год говорилось: «Исследования и разработки критически важны для поддержания нации экономически конкурентно способной, они позволят решить существенные вызовы в таких сферах, как здравоохранение, оборона, энергетика и окружающая среда»¹⁵.

Характерно, что средства федерального бюджета направляются прежде всего в сферу фундаментальных научных исследований, где они составляют до 60 процентов всех расходов. Промышленность же тратит на такие цели лишь около 4 процентов своего совокупного бюджета, тогда как основные средства «концентрируются на краткосрочных прикладных исследованиях по совершенствованию выпускаемой продукции»¹⁶. В использовании практически всех основных источников финансирования НИОКР ведущая роль принадлежит американским университетам, имеющим для их выполнения необходимый кадровый потенциал, соответствующую исследовательскую инфраструктуру и наработанный десятилетиями опыт взаимодействия с государственными структурами и бизнесом.

В 2003 году все университеты США выполнили исследовательских работ на общую сумму 47,7 миллиарда долларов, однако лишь 10,7 миллиарда долларов составили собственно университетские исследования, в то время как основная их масса относилась к категории спонсируемых¹⁷.

К университетским в США принято относить исследования, выполнение которых финансируется за счет источников, принадлежащих непосредственно университету или контролируемых им. Эти источники формируются за счет доходов от внутриуниверситетских фондов, от ценных бумаг, принадлежащих университету, от роялти по лицензиям, контролируемым университетом, от даров, сдачи в аренду недвижимости и от других видов непрофильной деятельности. Направления и объемы таких исследований определяются самим университетом. Средства, идущие на финансирование внутренних исследований, могут объединяться в «общееуниверситетский исследовательский фонд, который так же, как и внешние фонды, ежегодно проводит кампанию по отбору наиболее перспективных проектов»¹⁸.

Характерно, что подавляющая часть университетских средств направляется на развитие фундаментальных исследований. Подобная практика освоения вложений, выделяемых на научно-технические исследования и разработки, непосредственно связана с особенностями деятельности университетов и их общественным статусом – исследования должны способствовать общему прогрессу знания, а их результаты должны быть совместимы с учебным процессом.

Важнейшей составляющей всего диапазона научно-технических усилий США являются академические научные центры. К академическим в США относят научные исследования, проводимые в университетах и колледжах, в исследовательских центрах и научных лабораториях, в частных научно-исследовательских центрах, использующих средства федерального бюджета. При этом конституирующим признаком считается признание «в качестве академического такого института, который присуждает ученые степени докторов, относится к числу университетов и колледжей, имеющих отдельный бюджет, из которого финансируются научно-исследовательские работы, или любой другой институт, который тратит ежегодно на проведение этих работ в рамках отдельной бюджетной позиции не менее 150 тысяч долларов¹⁹. Финансовое обеспечение таких центров постоянно нарастало и к 2002 году достигло 13 процентов общих расходов США на научно-исследовательские работы²⁰.

К концу XX столетия на долю академических центров США приходилось более половины всех фундаментальных научных исследований, ежегодно проводимых в стране. В 2002 году академические институты и центры израсходовали на проведение научно-исследовательских работ

36 миллиардов долларов, из которых 26,7 миллиарда долларов (74 процента) пришлось на фундаментальные научные исследования, 8 миллиардов долларов (22 процента) – на прикладные и 1,3 миллиарда долларов (4 процента) – на опытно-конструкторские разработки. Между академическими научными центрами ведется постоянная конкурентная борьба, в результате которой их иерархическая структура претерпевает непрерывные изменения. Так, к 2001 году по сравнению с 1985 годом только пять из ранее ведущих центров сохранили место в первой десятке.

Несмотря на то, что все большее число академических учреждений США вовлекаются в проведение фундаментальных исследований, наибольшая их часть концентрируется в крупнейших исследовательских университетах. На сто ведущих университетов страны приходится свыше 80 процентов всех федеральных ассигнований на академическую науку, а двадцать самых крупных и престижных исследовательских университетов получают почти $\frac{1}{3}$ всех федеральных ассигнований и имеют примерно такую же долю в ассигнованиях на академические исследования²¹. По объему средств, направляемых на научные исследования, эта группа университетов представлена в таблице 1.

Таблица 1

Университеты США с наибольшими расходами на научные исследования в 2003 финансовом году, млн долл.²²

Университеты	Расходы	
	всего	федеральные
1	2	3
Расходы на академические НИОКР	40 077	24 734
Расходы на ведущие университеты:	12 284	7 828
1. Университет Джонса Хопкинса	1 244	1 107
2. Калифорнийский университет (Лос-Анджелес)	849	421
3. Мэрилендский университет	780	517
4. Университет штата Висконсин в Мэдисоне	721	369
5. Университет штата Вашингтон	685	566
6. Калифорнийский университет (Сан-Франциско)	671	372
7. Калифорнийский университет (Сан-Диего)	647	400
8. Стэнфордский университет	603	484
9. Пенсильванский университет	565	416
10. Корнеллский университет	555	321
11. Университет штата Пенсильвания	533	301
12. Университет Дьюка	520	307
13. Университет штата Миннесота	509	293
14. Калифорнийский университет (Беркли)	507	238
15. Университет штата Огайо	496	198

Окончание таблицы

1	2	3
16. Университет штата Иллинойс в Урбана-Шампейн	494	266
17. Массачусетский технологический институт	486	356
18. Калифорнийский университет (Дэвис)	482	208
19. Вашингтонский университет (Сент-Луис)	474	357
20. Медицинский Бэйлор-колледж	462	303
Прочие институты	27 794	16 906

Представленный выше перечень двадцати университетов – лидеров в области научных исследований и в объемах полученных на эти цели средств (прежде всего федеральных), включает в себя ведущие американские вузы, однако не исчерпывает всего их списка. Как замечает В. Суньян, «многие престижные университеты по общему университетскому рангу опережают лидеров по ассигнованиям среди НИОКР. Нередко размер таких университетов (число студентов) уступает крупным, особенно государственным вузам – уже одно это уменьшает их возможности в освоении средств на фундаментальные исследования»²³. Следует при этом заметить, что восемь университетов среди указанных в таблице 1 являются частными, в том числе и абсолютный лидер – университет Джонса Хопкинса.

Федеральный бюджет продолжает оставаться основным источником финансирования исследований в университетах США (табл. 2). Средства федерального бюджета, ассигнованные на академические научно-исследовательские работы, достигли в 2003 году 24,7 миллиарда долларов и составили 61,7 процента всех ассигнований на академическую науку. За период 1990–2003 годов федеральная поддержка научных исследований возросла на 72 процента (в постоянных ценах). Заметим, что расходы из других источников (правительство штатов, местные органы власти, промышленность и институциональные фонды) в 2003 году составили только 5,7 процента²⁴.

Характерно, что расходы на академическую науку из сферы промышленности в этот период сократились до 2,2 миллиарда долларов (5,4 процента общих расходов) и оказались самыми низкими показателями по сравнению с 1983 годом²⁶.

Высшая школа России, пытающаяся воссоздать свой творческий потенциал после потрясений 1990-х годов, пока не способна стать реальным лидером становления инновационно-ориентированной экономики. По мнению некоторых специалистов, в том числе и в результате такого положения, «объем инновационной продукции России в общем объеме произведенной продукции инновационно активных предприятий, по самым оптимистическим оценкам, не превышает 10 процентов, что в 7–8 раз мень-

ше, чем в ведущих зарубежных странах... При этом основным источником финансирования инновационной деятельности предприятий остаются их собственные весьма ограниченные средства, а роль бюджетных ассигнований и частных инвестиций на эти цели крайне мала»²⁷.

Таблица 2

Расходы на научные исследования в университетах и колледжах в 1998–2003 финансовых годах, млн долл.²⁵

<i>Источники финансирования и направления исследований</i>	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Источники финансирования:						
Всего	25 855	27 530	30 067	32 797	36 370	40 077
в том числе:						
– федеральное правительство	15 150	16 101	17 535	19 223	21 860	24 734
– правительство штатов и местных органов	1 944	2 021	2 200	2 231	2 506	2 653
– промышленность	1 888	2 033	2 156	2 220	2 187	2 162
– институциональные фонды (университеты и колледжи)	5 002	5 380	5 923	6 607	7 128	7 683
Направления исследований:						
– фундаментальные исследования	19 040	20 366	22 442	24 385	27 280	29 981
– прикладные исследования и разработки	6 815	7 163	7 625	8 412	9 090	10 097

Тревожным является тот факт, что общие расходы на НИОКР в стране едва превышают 1 процент внутреннего валового продукта, тогда как в развитых странах мира они составляют 2–3 процента. Безусловно, что сохранение подобного положения способно надолго задержать научно-техническое развитие страны и повлиять на ее конкурентоспособность на мировом рынке. По официальным оценкам, сегодня 40 процентов мирового рынка высоких технологий контролируют США, в то время как на долю России приходится менее 0,5 процента. Падает и патентная активность нашей страны. Если в 1995 году российским заявителям было выдано 20 830 патентов, то в 2000 году – только 14 436²⁸. В недавно опубликованном докладе Мирового банка, посвященном состоянию НИОКР в Восточной Европе и Центральной Азии, из 15 исследованных государств по инновационным способностям Россия, несмотря на крупнейшие в регионе научные кадры (более 3400 исследователей на 1 миллион населения), заняла лишь одиннадцатое место²⁹. В основу ранжирования, осуществленного специалистами банка, были положены показатели уровня развития образования, экономического стимулирования инновационной деятельности, эффективность работы государственных институтов, со-

стояние информационной технологической инфраструктуры. Основной целью своего исследования авторы ставили стимулирование совместной деятельности исследователей и бизнеса, представляющую, по их мнению, основу успеха инновационных начинаний.

С учетом опыта развитых стран, на наш взгляд, одним из наиболее универсальных и эффективных инструментов активизации инновационной деятельности отечественных вузов может также стать первоначальная консолидация на основе мощной государственной поддержки научного потенциала в нескольких крупных университетских центрах (например, в виде действующей программы создания группы федеральных университетов) с последующим целенаправленным выравниванием инновационного потенциала регионов, развитием венчурных механизмов освоения нововведений, созданием специально ориентированных на инновации технопарков и льготных условий для частных инвестиций в вузовских НИОКР, технологических трансферов и т.п. На этом пути вузы могут стать инновационными центрами формирующихся в стране шести особых экономических зон. Первая из них довольно активно развивается в Зеленограде и позволит в случае успеха выпускать ежегодно новой наукоемкой продукции в среднем на 140 миллиардов рублей³⁰.

Одна из особенностей современной научной политики США заключается в том, что расходование средств, выделяемых академическим центрам, находится в прямой зависимости от приоритетности того или иного направления для инновационного развития страны в каждый конкретный период времени. Об этом, в частности, свидетельствует таблица 3.

Таблица 3

Структурные сдвиги в финансировании
различных отраслей научных знаний в США в 1975–2001 годах
(постоянные цены 1996 года)³¹

Научные дисциплины	1975		1985		1995		2001	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Медико-биологические	4 916	55,8	7184	54,5	12 429	55,0	17 529	58,6
Технические	985	11,2	1929	14,6	3 585	15,8	4 567	15,3
Физические	906	10,3	1563	11,9	2 300	10,2	2 558	8,6
Науки о Земле	660	7,5	960	7,3	1 462	6,5	1 669	5,6
Социальные	662	7,5	522	4,0	1 039	4,6	1 311	4,4
Компьютерные	118	1,3	382	2,9	696	3,1	871	2,9
Физиология	208	2,4	215	1,6	378	1,7	532	1,8
Математические	103	1,2	174	1,3	284	1,3	326	1,1
Прочие	258	2,8	254	1,9	435	1,8	529	1,7
Итого	8 815	100	1382	100	22 608	100	29 892	100

Как свидетельствует таблица, в последнюю четверть XX века три области научных знаний – медико-биологические, технические и компьютерные науки – уверенно наращивали свою долю в затратах США на академические научно-исследовательские работы. В этот период из средств федерального бюджета обеспечивалось 57–70 процентов всех проводимых исследований в сфере физических, математических, компьютерных наук, физиологии, до 65 процентов – в области наук о Земле, почти 60 процентов – медико-биологических и технических наук. Вместе с тем ряд гуманитарных направлений исследований финансировались правительством значительно слабее: политологические – на 29 процентов, социологические – на 45 процентов ³².

Приоритетность упомянутых научных направлений достаточно часто прослеживается в структуре расходов на научные исследования в американских университетах (табл. 4).

Таблица 4

Расходы на научные исследования в университетах и колледжах США по областям науки, млн долл. ³³

<i>Отрасль исследования</i>	<i>Все академические НИОКР</i>	<i>Федеральные академические НИОКР</i>	<i>Министерство обороны</i>	<i>Министерство образования</i>	<i>Министерство здравоохранения и социальных услуг</i>	<i>НАСА</i>	<i>Национальный научный фонд</i>	<i>Министерство сельского хозяйства</i>	<i>Прочие ведомства</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
Всего	40 077	24 734	2 008	822	10 930	938	2 404	634	6 998
В том числе:									
– сельскохозяйственные	2 555	762	10	15	30	15	54	369	269
– биологические	7 392	5 017	97	64	3 428	41	295	135	957
– компьютерные	1 304	936	297	29	21	28	291	2	268
– исследования окружающей среды	2 188	1 440	91	72	22	182	344	25	704
– математические	429	295	31	6	34	5	124	2	93
– медицинские	12 787	8 249	156	37	5 846	42	26	21	2 122
– физические	3 273	2 353	246	303	304	280	559	6	656

Окончание таблицы

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
– психологические	769	553	22	2	364	9	37	0	117
– общественные	1 661	667	18	10	229	12	82	31	283
– инженерные	5 999	3 608	969	266	158	308	526	27	1 333

Эти же тенденции в известной мере подтверждаются и рейтингами крупнейших международных корпораций, прежде всего американских, (в порядке убывания), затративших в 2005–2006 годах наибольшие средства на проведение НИОКР (табл. 5).

Таблица 5

Рейтинг крупнейших международных корпораций по объему расходов на НИОКР в 2005–2006 годах³⁴

<i>Наименование корпорации и страна пребывания</i>	<i>Отрасль экономики, в которой действует корпорация</i>	<i>Рейтинг</i>	
		<i>2005 г.</i>	<i>2006 г.</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Ford Motor (США)	автомобильная	3	1
Pfizer (США)	фармацевтическая	2	2
General Motors (США)	автомобильная	6	3
Daimler Chrysler (Германия)	автомобильная	1	4
Microsoft (США)	производство программного обеспечения	7	5
Toyota Motor (Япония)	автомобильная	4	6
Johnson & Johnson (США)	фармацевтическая	14	7
Siemens (Германия)	электронная	5	8
Samsung Electronics (Республика Корея)	электронная	17	9
Glaxo Smith Kline (Великобритания)	фармацевтическая	11	10
IBM (США)	производство программного обеспечения	9	11
Intel (США)	производство технологического оборудования	16	12
Novartis (Швейцария)	фармацевтическая	20	13
Volkswagen (Германия)	автомобильная	10	14
Matsushita Electric (Япония)	производство бытовой электроники	8	15
Sanofi-Aventis (Франция)	фармацевтическая	12	16
Nokia (Финляндия)	производство технологического оборудования	13	17

Окончание таблицы

1	2	3	4
Sony (Япония)	производство бытовой электроники	15	18
Roche (Швейцария)	фармацевтическая	19	19
Honda Motor (Япония)	автомобильная	18	20

Подобный опыт концентрации ресурсов и усилий с учетом производственной и сырьевой базы, «портфеля научных заделов» и наличия высококвалифицированных кадров необходимо использовать и в нашей стране. Отдельные специалисты справедливо считают, что Россия могла бы поставить и решить задачу приоритетного развития до 2025 года по 12–16 макротехнологиям из 50 существующих в мире³⁵. В срок же до 2010 года основными могли бы стать не более 6–7 таких технологий, где суммарно накопленный научно-исследовательский потенциал находится на уровне мирового или превосходит его (ядерные, авиационные и космические технологии, спецметаллургия и т.п.). Только «доводка» этих технологий до конкурентоспособного уровня, по имеющимся расчетам, позволила бы России подняться на мировом рынке наукоемкой продукции с нынешних 0,3 процента до 10–12 процентов занимаемой в ней доли. В экспортном выражении это дало бы стране дополнительно 100–120 миллиардов долларов в год³⁶. На решение подобных задач должны быть направлены и усилия вузовской науки.

В США государство и отдельные штаты финансируют образование как общественную функцию. Университеты также получают бюджетное финансирование как общественные институты высшего образования. Иное дело наука, которая финансируется целевым образом, по проектам. При этом на каждый исследовательский проект заключается отдельное соглашение (договор). В соответствии с законодательством США предусматриваются три типа подобных соглашений между заказчиком и исполнителем работ (в данном случае университетом), достаточно практикуемые и в России: грант, контракт, кооперативное соглашение.

Грант предполагает безвозмездную передачу средств для выполнения исследовательских работ из бюджета федерального правительства, штатов и муниципалитетов, а также благотворительных организаций и фондов. Итогом выполнения заказа должен быть результат, представляющий общественно значимую ценность.

Контракт – это форма соглашения между исполнителем и финансирующей стороной, в ходе осуществления которого все преимущества получает заказчик работ. Контрактная форма соглашения используется

в основном при выполнении прикладных и опытно-конструкторских работ, в которых ожидаемый конечный результат может быть predetermined с большой степенью вероятности. Предусматривается, что полученные результаты могут быть защищены патентами.

Кооперативные соглашения, как и гранты, применяются в тех случаях, когда имеется несколько источников финансирования и каждый из них в отдельности заинтересован в получении общественно важного результата.

В США в отличие от ситуации в современной России традиционно важным источником финансирования университетов выступают также спонсорство и дарение. Что касается спонсирования исследовательской деятельности университетов, то в этом случае между ним и организацией-спонсором заключается договор, в котором указаны цели проведения работ, календарный план их выполнения, обязанности и права участников, объемы финансирования и процедура отчетности. Специальным пунктом договора о спонсируемых исследованиях является соглашение о правах на интеллектуальную собственность, которая может быть получена как результат их проведения. Как правило, соглашения предусматривают получение выгоды обеими сторонами.

В случае же дарения сторона, предоставляющая финансирование, передает университету некоторые средства (в виде денег или недвижимости) в его полное распоряжение, не рассчитывая при этом на существенные для себя выгоды. Однако даритель имеет право оговаривать использование средств на одни цели и запрещение направлять их на другие. При дарении не устанавливаются конкретные сроки использования средств и требований отчетности перед дарителем. Но, учитывая, что дарение является более или менее постоянным источником дохода университетов, последние в порядке «доброй воли» отчитываются перед дарителями об эффективности своей работы и полученных результатах.

В соответствии с законодательством США университетам предоставляется право использовать дарение двумя основными способами. Первый – расходовать полученные средства непосредственно на проведение научных исследований. Второй – для создания капитальных фондов, или индаументов, определенных финансовых механизмов, при помощи которых поступившие средства вуз размещает в ценные бумаги, а затем уже поступающие от ценных бумаг доходы использует, например, для финансирования исследовательских работ. Второй способ имеет довольно широкое распространение, и индаументы отдельных университетов достигают внушительных размеров. Так, например, на конец 2005 года крупнейший в США индаумент принадлежал Гарвардскому университету и составлял почти 30 миллиардов долларов. Индаументы суммой свыше 1 миллиарда долларов имеют около сотни американских университетов³⁷. В практике дея-

тельности российских университетов такая форма пока еще представлена мало.

Достаточно распространенной формой пополнения бюджетов американских вузов являются доходы от патентов и лицензий. Хотя, как и другие виды выполняемых университетами работ, патентная политика ориентирована прежде всего на реализацию главной общественной обязанности – генерировать и распространять знания, а не на получение той экономической выгоды, которую могут давать результаты исследований и их патентование. Вся политика вузов в этой области направлена на то, чтобы открытия и изобретения, ставшие результатом их исследовательских работ, могли быть доступны обществу. Что же касается финансовой стороны патентной деятельности, то американские университеты используют достаточно широкий спектр способов ее стимулирования. В частности, общепринятым является способ, когда изобретатель получает определенную долю от вознаграждения (роялти), причитающейся университету как владельцу патента. Естественно, эта доля вознаграждения выплачивается сверх их штатных ставок заработной платы.

В силу хорошо отработанной системы стимулирования, увеличение числа патентов и лицензий в американских университетах имеет устойчивую тенденцию роста. Так, если в 1980 году все университеты США получили около 250 патентов в год, то к 2002 году их число возросло до 3673. Университеты страны, как правило, не продают разработанные технологии, а осуществляют передачу прав на их использование на основе патентных лицензионных соглашений. Рост числа подобных соглашений также очевиден. Если в 1995 году университетами было заключено 2616 лицензионных соглашений и доход от их реализации составил 424 миллиона долларов, то в 2002 году заключено 4673 соглашения с доходом в 1267 миллионов долларов. В 2002 году на основе университетских лицензионных соглашений на рынок было представлено по меньшей мере 569 новых коммерческих продуктов. В целом же экономический эффект от лицензионной деятельности американских университетов достаточно высок и является серьезным аргументом в пользу целесообразности заимствования опыта в этой области. Общий же годовой объем продукции, произведенной на основе университетских лицензий в масштабах страны, составил к 2002 году свыше 40 миллиардов долларов.

Характерно, что учет и использование выполненных преподавателями и студентами изобретений строго регламентированы, включая их незамедлительное декларирование в специально созданных для этих целей еще в начале 80-х годов прошлого столетия управлениях технологического лицензирования. Этими управлениями, в частности, осуществляется экспертиза тех условий, в которых то или иное изобретение было выпол-

нено, и на ее основе принимается решение о том, оставлять ли его в собственности лица, сделавшего его, либо передать изобретение в распоряжение университета. Университет может получить право на распоряжение интеллектуальной собственностью в том случае:

а) если выполняемая работа полностью или частично финансировалась самим университетом, или за счет внешних источников, управляемых вузом;

б) полученные результаты достигнуты в ходе выполнения вузовским работником прямых должностных обязанностей;

в) изобретение было сделано с полным или частичным использованием университетского оборудования и ресурсов (при подобной жесткой регламентации право на использование изобретений в большинстве случаев закрепляется за университетом).

Распределение доходов, полученных от патентов и лицензий, также имеет в американских университетах довольно разнообразную практику. Однако чаще всего в нем присутствуют три неизменные части: первая – это доля, причитающаяся изобретателю; вторая – часть средств, направляемых на счет подразделения, где данное изобретение было выполнено и, наконец, третья – средства, отчисляемые на поддержку исследовательской инфраструктуры и науки в масштабах всего университета³⁸.

Представляется, что действующая ныне в России практика оценки, стимулирования лицензионной деятельности, учета и использования патентов совершенно не отвечает требованиям формирования инновационно-ориентированного способа производства и в значительной степени сдерживает раскрытие исследовательского потенциала отечественных вузов. Творческий подход к изучению и использованию опыта американских университетов в этой области, несомненно, был бы насущным и продуктивным.

На протяжении последних десятилетий одним из источников пополнения университетских бюджетов в США стали доходы от технологических венчуров. Университетская профессура активно сотрудничает с бизнесом в создании на основе принадлежащей вузам интеллектуальной собственности быстрорастущих венчурных фирм. К примеру, в таком регионе, как Силиконовая долина, находящемся в непосредственной близости от Стэнфордского университета, предпринимательская активность ученых очень высока. К началу 2006 года этот университет участвовал в более чем ста технологических компаниях и получал ежегодно от уже реализованных пакетов акций примерно 22 миллиона долларов дохода. Однако ни в одной из совместно образованных фирм университет не имеет более 10 процентов участия³⁹.

Следует заметить, что подобная деятельность связана с высокими рисками, доходы от которой трудно прогнозировать. Поэтому поступающие средства, как правило, не учитываются в бюджетном финансировании. В целом же для американских университетов доходная часть от фирм, создаваемых с использованием их интеллектуальной собственности, существенно ниже, чем, например, поступления от вышерассмотренных патентной и лицензионной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Васильев, В.С. Американская политика в области науки // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2005. – № 7. – С. 64.

² См. там же. – С. 78.

³ См.: Кадомцева, В.А. Интеллектуальный потенциал и инновационная политика в ЕС // Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика. – 2007. – № 2. – С. 112.

⁴ См.: Бюллетень иностранной коммерческой информации. – 2005. – № 52. – С. 10.

⁵ См.: Супян, В.Б. США: фундаментальные науки и государство // США – Канада. Экономика, политика, культура. – 2006. – № 11. – С. 7.

⁶ См.: Science and Engineers Doctorate Awards: 2003. NSF 05-300. – Washington, 2004. – P. 3.

⁷ Science and Engineering Indicators. – Vol. 2: Appendix Tables. – 2004. – P. A 5–25.

⁸ См. Ibid.

⁹ См.: Васильев, В.С. Указ. соч. – С. 77.

¹⁰ См.: Science and Engineering Indicators. – P. A 5–20.

¹¹ См. Ibid. – P. A 5–23.

¹² См.: Супян, В.Б. Указ. соч. – С. 4.

¹³ Бюллетень иностранной коммерческой информации. – 2006. – № 142. – С. 11.

¹⁴ См. там же. – С. 65.

¹⁵ U.S. Budget. Fiscal year 2006. Analytical Perspectives. – Washington, 2005. – P. 61.

¹⁶ Is Today's Science Policy Preparing U.S. For The Future? – Washington, 1995. P. 19.

¹⁷ См.: National Science Foundation. Division of Scientific Resource Statistics, National Patterns of R and D Resources: 2003. – Arlington, 2005.

¹⁸ Кочетков, Г.Б. Финансирование исследований в университетах США // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 7. – С. 109.

¹⁹ См.: Science and Engineering Indicators. – P. A 5–8.

²⁰ См. Ibid.

²¹ См.: Супян, В.Б. Указ. соч. – С. 14.

²² См.: National Science Foundation. Survey of Research and Development Expenditures. – Arlington, 2005.

²³ Супян, В.Б. Указ. соч. – С. 14.

²⁴ См. там же. – С. 10.

²⁵ Science Resources Statistics, National Science Foundation. – 2005, July. – P. 1.

²⁶ См.: Супян, В.Б. Указ. соч. – С. 10.

²⁷ Быков, Е.Н. Инновационная политика в условиях глобализации // Актуальные проблемы развития мировой экономики : сб. статей / под ред. О.Т. Богомолова. – М., 2007. – С. 42.

²⁸ См.: Довженко, А.С. Концепция инновационных волн как основа инновационной стратегии корпораций высокотехнологических отраслей промышленности // Менеджмент в России и за рубежом. – 2006. – № 6. – С. 21.

²⁹ См.: World Bank Urges Action on R and D // The Moscow Times. – 2006. – 26 March.

³⁰ См.: Известия. – 2006. – 27 мая. – С. 6.

³¹ Science and Engineering Indicators. – P. A 5–9, A 5–10.

³² См. Ibid. – P. A 5–8.

³³ См.: Science Resources Statistics. – Arlington, 2005. – P. 2.

³⁴ См.: Бюллетень иностранной коммерческой информации. – 2006. – № 142. – С. 4.

³⁵ См.: Быков, Е.Н. Указ. соч. – С. 47.

³⁶ См. там же.

³⁷ См.: Кочетков, Г.Б. Указ. соч. – С. 112.

³⁸ См. там же. – С. 114.

³⁹ См. там же. – С. 115.

Н.Г. Агапова

**ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ:
ОППОЗИЦИИ, РАЗЛИЧИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ СИНТЕЗА**

Необходимость обращения к общему системно-структурному анализу образования как феномена культуры при рассмотрении современных образовательных парадигм диктуется тем, что без него невозможно ни действительно серьезное обсуждение содержательных различий предлагаемых образовательных моделей, ни тем более продуктивные поиски единых для них метаоснований и возможных путей их объединения и синтеза. В рамках такого анализа возникает возможность охарактеризовать общие основания для выделения, классификации и типологизации групп образовательных моделей систем (с позиций понимания собственно лежащих в их основе парадигм), объединяемых не по формальным или случайно присущим им свойствам, а по тем общим атрибутивным качественным признакам, которые определяют их существенное тождество или различие и противоположность, а также позволяют рассматривать сами эти группы как необходимые и достаточные элементы в пределах существования одной сущности – образования как целостного культурного феномена. Отличия содержательного плана, необходимые и достаточные для отнесения образовательных систем к одной из возможных общих парадигмальных групп, характеризуют их преимущественную общую ориентацию рассматриваемых образовательных систем на различ-

ные фундаментальные типы бытия, которые выделяются в рамках философии культуры. В контексте общего системно-деятельностного понимания предмета философии культуры такими общими типами бытия предстают, наряду с самой культурой как порождением человеческой деятельности, природа, общество и человек¹. Образование, как особый тип и система деятельности и одновременно как феномен культуры, может быть преимущественно ориентированным в своих проявлениях на тот или иной из этих типов бытия, что обнаруживается во всех существенных элементах и характеристиках соответствующих образовательных систем. При этом важно иметь в виду, что, с одной стороны, каждая из таких парадигмальных ориентаций имеет свою доминирующую функциональную, или целевую, направленность, а с другой – выдвигает свое особое понимание действительных глубинных источников и содержания образовательного процесса, сущности тех изменений и преобразований, которые реализуются в ходе образования. Таким образом, мы можем выделить и охарактеризовать с этой общей системной культурфилософской позиции такие попарно противоположные основные ориентации образовательных моделей, какими предстают доведенные до своего логического конца принципы природосообразности и культуросообразности, различающиеся с точки зрения понимания глубинного содержания и самого существа образовательного процесса, а следовательно, обоснования исходных представлений о способах его построения, с одной стороны, и социоцентристские и персонцентристские, функционально-целевым образом направляющие образование либо на обеспечение воспроизводства существующей социальной структуры и соответствующих общих или дифференцированных требований к социализации индивидов, либо, напротив, на реализацию индивидуальных запросов, интересов и развитие творческих проявлений конкретной человеческой личности и ее индивидуальности – с другой. Различными сочетаниями элементов, взятых из этих попарно противоположных ориентаций в объяснениях природы образовательного процесса и его функциональной направленности, объясняются и возникающие оппозиции современных образовательных систем, представляемых авторами и сторонниками в качестве различных парадигмальных моделей, призванных, по их представлениям, вывести современное образование из его нынешнего кризисного состояния.

При этом природо- и культуроориентированные образовательные системы и модели, представляющие различные, соответствующие им поиски способов преодоления кризиса устаревшей традиционной (знаниевой) парадигмы, имеют собственные истоки, средства и способы аргументации своих парадигмальных оснований, которые нередко воспринимаются и тракуются как прямо противоположные подходы к теории и практике

образования, а потому взаимно исключают друг друга. С одной стороны, в теоретических работах и педагогических инновациях все чаще проявляются тенденции усиления культуроориентированных компонентов образования, которые увязываются с тем или иным пониманием самой культуры, ее отношений и связей с образованием². С другой стороны, настойчиво напоминают и заявляют о себе сторонники принципа «природосообразности» образования, выдвигающие его в качестве основного инструмента для критики всей сложившейся системы образования, включая и те современные образовательные системы, которые взяли на вооружение принцип «культуросообразности» как ведущего подхода к ее реформированию. Речь, таким образом, идет о разных и даже, как представляется участникам дискуссий, противоположных магистральных путях развития сферы образования в целом, в том числе и высшее профессиональное, а также дополнительное повышение квалификации и переподготовку.

Принцип культуросообразности предполагает, что в понимании функций, целей, содержания и способов построения образования необходимо ориентироваться на задачи сохранения и воспроизводства человеческой культуры во всей ее целостности, а следовательно, в максимально возможной мере и степени на всестороннее культурное развитие каждого человека. В.В. Краевский отмечает, что именно стремление к отказу от жестких авторитарных схем, связанных с манипулированием учащимися, и ориентация на всестороннее развитие, проблемное обучение повлекли за собой усиление внимания к философскому, методологическому и теоретическому осмыслению педагогической науки и практики. Культурологический подход к построению концепции содержания общего среднего и высшего образования соответствует установкам гуманистического мышления³.

«Современная философия, – подчеркивает, в свою очередь, А.П. Валицкая, – видит перспективу человечества в становлении нового гуманитарного мышления и практики на основе принципов целостности бытия, культуры, личности. Образование – та область социокультурной жизнедеятельности, где совершается становление духовно зрелой, нравственно свободной личности, способной нести груз ответственности за судьбу земной цивилизации и культуры, защищать и отстаивать общечеловеческие ценности, творить целостный, гуманный мир, по «мере жизни» человеческой»⁴.

«Спасти культуру, – пишет Е.В. Бондаревская, – может образование, если возьмет на себя миссию воспитания человека культуры»⁵. По мнению ученых, это такой человек, который ориентирован на сотрудничество, диалог, не способен причинять вред ни людям, ни природе, ни самому себе, обладает многофункциональными компетенциями, толеран-

тен, у не-го развиты умения и навыки продуктивного взаимодействия с носителями различных культур, он становится свободной, духовной личностью, способной к творческому саморазвитию и самореализации, нравственной саморегуляции и адаптации в изменяющемся социокультурном пространстве, готовой к принятию решений и ответственности за сделанный выбор.

«Школу спасет педагогика. Но природосообразная», – выдвигает противоположный тезис В. Кумарин, критикуя педагогические системы, основанные на общем тезисе об изменяемости «человеческой природы в результате воспитания и воздействия окружающей среды, которая, в свою очередь, изменяется в результате человеческой деятельности»⁶. Именно природосообразная педагогика, по мнению автора, действительно научная и потому дееспособная, которой под силу любые задачи сегодняшней и завтрашней сложности. Основные же постулаты такой педагогики должны базироваться именно на исходном понимании и признании неизменности человеческой природы, врожденности способностей и зависимости их различий у людей от наследственного генетического фактора. Отсюда – тезисы о необходимости дифференциации учащихся «по способностям», обучении их в основном тому, к чему у них есть природная готовность и природные способности и что может им реально больше всего пригодиться в жизни и будущей профессиональной деятельности, обеспечивая тем самым лучшую социальную адаптацию, а также способствуя проявлению присущих им индивидуальных склонностей и задатков. Это отвечает к тому же потребности в сокращении программной нагрузки и сохранении здоровья⁷.

Таким образом, конструируется противоположная парадигмальная ориентация содержания образования, сочетающая в себе, как видим, достаточно органично принципы социоцентризма, с которыми связано требование обеспечения наилучшей социальной адаптации, с одной стороны, и с другой – принцип природосообразности, объясняющий и обосновывающий необходимость именно такого дифференцированного построения содержания образовательного процесса. На первый взгляд, близких позиций придерживается и А.М. Кушнир, выступающий с критикой исходных идей культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, теории и практики развивающего обучения как якобы обосновывающих и осуществляющих под флагом поэтапного приобщения к культуре педагогическое насилие над учащимся и исключая индивидуальный подход к нему. Однако к принципу «природосообразности» А.М. Кушнир прибегает таким образом уже как к средству обоснования индивидуально-центристской ориентации образования, предполагающей предоставление максимальной свободы выбора самим учащимся, поскольку выдвигается тезис

о наличии у каждого человека «собственных внутренних алгоритмов, производных от природы и индивидуального жизненного опыта, соединенных в единый, целостный сплав интуиции, воображения, мышления, воспоминаний, чувств и переживаний. Этот внутренний алгоритм способен «скакать через ступеньки», а иногда и возносить ум к решению, минуя все ступеньки... Свобода выбора вариантов, вариативного поведения от ориентировочного рефлекса до ценностно-ориентационного поиска – вот природная норма»⁸.

Нетрудно заметить, что при таком подходе и сама современная индивидуально-центристская парадигмальная ориентация образования опирается в своих обоснованиях преимущественно на понимание природного происхождения человеческих потребностей и способностей к образованию и что тем самым игнорируются, по сути, их общее социальное и культурное происхождение и генезис, связанные с ними общие закономерные ступени в формировании индивидуальных, личностных и собственно индивидуальных свойств и качеств людей, которые и создают основу для поэтапного формирования их собственно свободного творческого и действительно культурного самопроявления.

Общим основанием для выделения парадигм организации и осуществления образовательной деятельности, ориентированных преимущественно или всецело на природные факторы, является, таким образом, очевидная установка на использование и развитие имеющихся от рождения, наследуемых генетически биологическим путем задатков и способностей человека. Последние могут быть как общими, присущими всему роду человеческому, так и специальными, характеризующими в этом отношении дифференцируемые для различных групп индивидов особенности и «объясняющими» заодно появление и наличие индивидуальных уровней способностей и уникальных одаренностей. Один из сторонников создания современной «системы персоналистского образования» В.П. Беспалько, обосновывающий ее необходимость посредством обращения к наследуемым природным факторам, именно такое понимание и формулирует: «Концепция образования должна строиться на том основании, что каждый человек появляется на свет с заранее заданным набором способностей, *общих и специальных*. Первые у психически нормальных людей практически одинаковы и служат для усвоения простейших форм человеческого поведения в обществе, в природе и в быту. Специальные способности у всех разные как по направленности на определенные виды деятельности, так и по степени одаренности ими. К примеру, музыкальные способности относятся к разряду специальных, но одаренные люди обладают ими в разной мере. То же относится к естественно-научным, техническим и любым другим специальным способностям человека»⁹.

В этом отношении природоориентированные образовательные парадигмы столь же явным и вполне определенным образом противопоставляются парадигмам культуруориентированным, поскольку для последних характерна как раз противоположная позиция по вопросу происхождения человеческих способностей. Они рассматриваются в качестве продукта окультуривания человека, осуществляемого в ходе его социализации, общения с носителями культуры и собственной индивидуальной образовательной и преобразующей продуктивной деятельности, включая и деятельность профессиональную. Как подчеркивал С.Л. Рубинштейн, способности проявляются в человеческой деятельности и формируются только в ней. Исследуя общие и специальные способности как особые «индивидуальные внутренние психические свойства человека, которые позволяют эффективно выполнять одну или несколько деятельностей» и которые «не сводятся к обычным предметным знаниям, умениям и навыкам, но в то же время объясняют быстроту и легкость их усвоения»¹⁰, психологи пришли к выводу, что эти свойства включают в свой состав не только своеобразие протекания психических процессов, но и определенные общие ценностные ориентации, установки, личностные качества, необходимые для формирования целостных психофизиологических механизмов, связанных с реализацией личностью культурно обусловленных общих способов поведения и действий.

Противопоставление натуралистической ориентации в понимании процесса формирования психики и способностей человека со ссылкой на физиологические особенности мозга и генетически передаваемые соматические задатки, отождествляемые с собственно способностями (как ведущим и определяющим фактором) и деятельностного культуруориентированного подхода, в отечественной философии проявилось довольно ярко еще в дискуссии 60-х годов прошлого столетия, проходившей, на первый взгляд, в основном в контексте обсуждения вопроса о соотношении биологического и социального начал в этом процессе. За этими спорами одновременно скрывалось различие в подходах к пониманию основополагающих идеалов рациональности в науке. Теоретики, признающие эталоном построения научного знания стандарты и нормы естественнонаучного исследования, считали, что главные детерминанты развития психики и способностей человека надо искать в плоскости отношений «мозг – сознание», опираясь при этом на новейшие достижения нейрофизиологии, а также информатики и кибернетики. В противовес им Э.В. Ильенков предлагал рассматривать психику и специфические способности человека как продукт образования, то есть социокультурного процесса, в котором физиологические задатки – это только необходимые предпосылки и условия освоения и осуществления им культурных спо-

способностей. Согласно такому пониманию в этом процессе действительно ведущими и определяющими являются факторы социального порядка, а именно: способ организации и содержание образовательной деятельности, характер взаимодействия педагога с учащимися и воспитанниками и, главным образом, их собственная, пробуждаемая и умело направляемая образовательная активность. У человека изначально таким образом может и должна проявляться только некоторая исходная природная способность к образованию других, уже культурных, способностей. В том же русле пытались решать этот вопрос представители отечественной психологии А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, опиравшиеся на различные версии развиваемой ими психологической теории человеческой деятельности и ее интериоризации, подкреплявшие свои выводы убедительными результатами проводимых ими конкретно-научных психолого-педагогических исследований и формирующих экспериментов, имеющих дальнейшие прикладные последствия как для развития педагогической психологии, так и построения различных инновационных образовательных процессов, развивающих систем и моделей педагогической практики.

Казалось бы, стало ясно, чья позиция в этом научном споре, имеющем глубокое мировоззренческое и культурологическое значение, ближе к истине. Тем не менее, как показало время, дискуссии, имеющие парадигмальное теоретическое и практическое значение о примате биологического или социального, а точнее социокультурного, факторов в образовании человеческих способностей, не затухают. Их порождает к тому же (как, к примеру, это и происходит сегодня) не только и не столько внутринаучная ситуация постановки и решения очередных теоретических проблем и задач исследования процессов образования, сколько, по-видимому, общая социокультурная ситуация и изменяющееся конкретное состояние сферы образования, в том числе собственная оценка этого состояния занятыми в ней субъектами. Можно в этой связи согласиться с замечанием А.Н. Шиминой относительно того, что в «истории развития представлений о характере и типе взаимосвязи этих необходимых основ человеческого бытия... поочередно одерживала верх то одна, то другая позиция. Невольно приходишь к выводу, что причина смены приоритетов в данных объяснительных принципах лежит в плоскости не столько научного знания, сколько конкретных социально-исторических условий... Как только уровень социально-экономической жизни перестает удовлетворять значительную массу людей и ограничивается их доступ к культуре, взлетают вверх «акции» принципа природосообразности. К природе, как известно, претензий не предъявишь, ее нельзя оценивать по шкале позитивного и негативного, и, напротив, открывающиеся исторические перспек-

тивы, усиление оптимистического настроения в мировосприятии порождают концепции, связанные с доминантой социальных факторов и гуманизацией общественных отношений». Автор делает и более серьезный вывод, согласно которому «в ситуации неблагополучия, сложившейся в социокультурном мире современной России и в теоретической педагогике возобладал принцип приоритета биологического начала. Вновь на переднем крае науки произошел крутой поворот в трактовке способностей»¹¹.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что у природоориентированных образовательных парадигм, как бытовавших в прошлом, так и нынешних, зарубежных и отечественных, были и есть свои философско-методологические и концептуальные обоснования и соответствующие ценностные и целевые ориентации, а также вполне успешные и эффективные технологические конструкции, принципы и методы организации и осуществления образовательной практики.

Конкретные концепции и построенные на их основе образовательные практики при всех своих серьезных различиях имеют, однако, общую ориентацию на природные факторы, что дает основание отнести их именно к природоориентированным парадигмам. И заключается это, конечно же, не в том, что они прямо декларируют или придерживаются содержания взятого самого по себе принципа природосообразности, если под последним понимать признание необходимости внимательно учитывать в ходе образовательной деятельности имеющиеся природные предпосылки, задатки, проявляемые естественные склонности, первичные потребности человека, имеющие жизнедеятельностную биологическую основу. Под этим положением, безусловно, подпишутся и все самые горячие сторонники развивающего обучения, основанного хотя и на различных, но культуроориентированных по самому своему существу концепциях. Их всецело поддержат и те, кто разделяет идеи индивидуально и личностно ориентированных или так называемых гуманистических парадигм. Не будут всерьез возражать против этого принципа и те, кто отдает предпочтение социоцентристским образовательным системам.

Природоориентированность как парадигмальная характеристика, задающая инвариантный принцип построения общего основания для различных дисциплинарных матриц и создаваемых на их основе особых концепций и вытекающих из них практик образования, заключается в придании природным предпосылкам, факторам, процессам и механизмам статуса определяющих и единственно значимых. Тем самым снимается сам вопрос о каких бы то ни было особых культурно и социально обусловленных и специально формируемых человеческих потребностях и способностях, личностных качествах. Понимание их сути и действительного культурного содержания между тем необходимо в качестве ме-

тодологического и концептуального основания как для постановки особых культуроориентированных приоритетных образовательных целей, так и для организации успешного осуществления образовательных процессов и в части обучения чему-либо конкретному, и в части воспитания форм поведения, ценностных ориентаций, в особенности в целенаправленном развитии самих способностей к образованию и самообразованию. Вопрос об общих и специальных способностях, лежащих в основании успешности процесса обучения и воспитания, неслучайно поэтому становится той исходной основополагающей проблемой, в зависимости от способа решения которой можно определить принадлежность конкретной теории и практики образования к тому или иному противоположному парадигмальному типу – культуроориентированному или природоориентированному.

Природоориентированный тип образования может быть определен по этому основанию как такой, в рамках которого сами способности, задействованные в ходе образования, во-первых, понимаются как данные человеку уже от природы (или от самого Бога – это как кому нравится), поэтому и в образовательном процессе остается только умело на них опираться, задействуя присущие им естественные механизмы реализации, а, во-вторых, сами эти механизмы трактуются как ничем принципиально не отличающиеся по своему устройству и действию от таких же или подобных им механизмов, проявляющихся в жизнедеятельности животных и процессах их «научения» и передающиеся в биологическом процессе генетического наследования. По существу, в ряде концепций они понимаются как общие, свойственные человеку и животному механизмы научения и воспитания, а также способности, проявляющиеся в одних и тех же способах формирования ориентации индивидуального поведения в стереотипных или проблемных ситуациях.

В истории педагогики можно найти множество примеров природоориентированных взглядов на способности человека и вытекающих из них соответствующих общих выводов относительно должного построения содержания и всей практики образования. Среди современных зарубежных теорий образования к наиболее известным природоориентированным теориям прежде всего можно, пожалуй, отнести концепцию бихевиоризма, нашедшую затем свое развитие и продолжение в известной теории подкрепления и оперантного обусловливания поведения Б.Ф. Скиннера, на основе которой была создана система так называемого программируемого обучения¹². Кроме того, можно упомянуть в этом ряду также получившие некоторое прикладное педагогическое применение и значение концепции поведенческого подхода, предложенные Э. Торндайком, изучавшим общие для животных и человека механизмы научения методом

проб и ошибок, ранние и более поздние варианты когнитивного подхода в психологии обучения, разработанного гештальтпсихологами, исследовавшими общие закономерности образования инсайта, а также современные универсальные модели обработки информации, построенные на использовании теоретических основ кибернетики¹³.

Как обнаружили современные исследования, у высокоразвитых животных проявляются некоторые зачатки обучения подрастающих детенышей методом показа взрослыми особями действий, значимых для приспособления к окружающей среде, добычи и выбора пищи, а также поощрения повторений детенышами этих своих действий и даже отдельного намеренного побуждения к ним. С другой стороны, отмечается встречное естественное стремление детенышей высокоорганизованных животных к самостоятельному повторению этих действий и поведенческих актов, чтобы научиться их выполнять.

Вместе с тем при всей схожести процессов и механизмов научения животных с процессами и механизмами обучения и учебной деятельностью человека все чаще отмечается ограниченность возможностей проведения аналогий между ними и прямого переноса опыта животных на людей и обратно. Уже такие «простейшие» функции человека, как ощущения и восприятие им информации об окружающем мире при помощи, казалось бы, исключительно природных органов чувств – зрения и слуха, являются социально и культурно обусловленными и потому становятся по мере их развития весьма сложными по своему строению именно и в первую очередь культурными «новообразованиями», включающими в себя многообразные и многослойные группы человеческих потребностей и способностей. Как отмечает в этой связи М.С. Каган, «действие зрения и слуха, связывающих человека с природой, не сводится к выполнению тех ориентационно-информационных функций, которые они осуществляют в жизни животных; они обретают у людей многослойную структуру: над нижним слоем – *биофизическим* – возвышается второй, *психологический*, над ним – *социально-психологический*, еще выше – *эстетический* и, наконец, на самой вершине – *мировоззренческий*. Три последних уровня можно было бы объединить общим понятием «*культурный*», ибо в отличие от двух первых, стабильно характеризующих зрение и слух на протяжении всей истории человечества, они отличаются исторически изменчивым содержанием, да и в пределах каждого этапа истории оказываются зависимыми от многообразных условий общественного бытия и общественного сознания. Люди видят и слышат одинаково и одновременно по-разному, ибо глаз и ухо у людей одинаковы, но их «работа» непосредственно зависит от прямого влияния общественного

сознания, которое динамично и разнообразно по своей интерпретации действительности. Это дает основание считать зрение и слух не только *органами чувств*, но и органами культуры»¹⁴. Таким образом, уже такие, казалось бы, «простые» способности, обеспечивающие «зрительное и слуховое восприятия человеком мира, являются не чисто физиологическими или психофизиологическими процессами, но процессами культурно-психологическими... по этой причине под прямым влиянием исторических изменений производственно-практической деятельности людей меняется и восприятие ими пространства и времени»¹⁵.

Системно-структурная связь содержаний культуроориентированных и природоориентированных образовательных парадигм может быть выявлена и правильно понята при условии учета различий природных задатков и собственно способностей, а затем выявления и учета существенных различий тех первичных потребностей и способностей, которые сближают человека с животными и характеризуют начальные стадии его развития и очеловечения, и тех, которые, напротив, отличают его от животного и превращают в подлинно культурное существо. Потребности и способности к подражанию, действиям методом проб и ошибок, и даже инсайта, подготовляемого неудачными попытками в рамках уже привычных способов поведения, механизмы подкрепления и оперантного обусловливания поведения и общие механизмы обработки информации в контурах прямых и обратных связей можно рассматривать в культурологическом аспекте их анализа как первичные, естественные и докультурные основы процесса образования человека, функционирующие в пределах *«физиологической и общепсихологической реакции организма на определенные раздражения*, в том числе и «гармонизирующие», то есть доставляющие положительные эмоции организму как человека, так и животного»¹⁶. Несостоятельность попыток абсолютизировать значение природоориентированных концепций и практик образования обусловлена тем, что они ограничивают ареал всех способностей человека, задействуемых в ходе образования, природными задатками, игнорируя при этом высшие его потребности и способности, социальные и культурные по своему происхождению и генезису. Вместе с тем культуроориентированные концепции не должны игнорировать наличие природных естественных основ в процессе образования человека, напротив, необходимо учитывать их специфику, чтобы иметь затем возможность на этом фундаменте создавать условия для органичного надстраивания и «выращивания» над ними наиболее оптимальным и эффективным образом высших собственно культурных слоев и типов человеческих потребностей и способностей. Только в этом случае система образования становится полной и завершенной в том смысле, что в ней будут задействованы оптимальным

и непротиворечивым образом и природные, и социокультурные факторы, обуславливающие формирование человека как физически и психологически здорового и развитого, зрелого в социальном и культурном отношении целостного существа.

Выделенные же нами выше две противоположные ориентации теорий и практик образования либо преимущественно на общество, то есть на удовлетворение внешних, средовых для отдельного человека объективных потребностей социума и мира социально организованной деятельности в подготовке и воспитании людей определенных формаций, профессий и специальностей, носителей требуемых жизненных и деятельностных ценностей, норм и правил поведения, либо, напротив, на удовлетворение внутренних индивидуальных потребностей, интересов и склонностей отдельного человека, создание условий для самоопределения и самореализации личности находятся также в непростых отношениях друг к другу и образуют сложные системные связи. На первый взгляд, они предстают как прямо противоположные и нередко противопоставляются друг другу как образовательные парадигмы: с одной стороны, личностно отчужденные, то есть ориентированные исключительно на требования социума, чуждые потребностям индивидуального развития, с другой – напротив, персонально и личностно ориентированные и потому противостоящие «общественному давлению». При этом игнорируется то обстоятельство, что первая ориентация также отвечает интересам самого человека, способствует наилучшей его адаптации к требованиям социума, общим и конкретным условиям жизни в нем, что составляет существенную часть процесса не только социализации, но и инкультурации индивида. Вторая же – позволяет ему творчески, а потому критически относиться к этим исторически сложившимся требованиям и узаконенным нормам поведения и деятельности, стремиться и пытаться изменять их, опираясь на свой потенциал, формируя тем самым новые возможности способствовать общественному прогрессу, что также являет собой другую сторону процесса становления человека как зрелого культурного и при этом социально организованного существа.

Встречающиеся сегодня предложения по простой замене одной, якобы устаревшей, ориентации целей и ценностей процесса образования и образовательной деятельности на другую, прямо противоположную, как более прогрессивную и к тому же отвечающую новым демократическим формам общественной организации, современным общим либеральным и гуманистическим ценностям, представляются в этой связи не более чем проявлением односторонне абстрактной и крайней точки зрения. В рамках ее фиксируется только противоположность названных позиций в ориентации образования и образовательных парадигм, возведенная в абсо-

лют, да еще окрашенная пристрастным отношением и оценками со стороны носителей вполне определенных общественно-культурных ценностей, противопоставляемых при этом другим как несостоятельным.

С позиций системного подхода требуется увидеть не только противоположность этих разных позиций в образовании и учесть аргументы и основания, предъявляемые их сторонниками и адептами, но и те отношения и связи, которые делают социоцентристские и антропоцентристские ориентации необходимыми элементами и сторонами единого образовательного процесса как феномена культуры, находящегося, в свою очередь, в определенных связях и отношениях как с обществом, так и с отдельным человеком, представляющим собой единство индивида, личности и индивидуальности.

С одной стороны, необходимо поэтому учитывать и сопоставлять друг с другом те окультуренные человеческие потребности и способности, которые должны быть сформированы в рамках индивидуально-центристской, или персоналистской, ориентации процесса образования как фактора становления человека творчески реализующим себя культурным существом, с другой – те общественно значимые потребности и способности, которые характеризуют человека как культурно-общественное, или социокультурное, существо и формируются как следствие явного или неявного воздействия со стороны общества в качестве средств успешной социализации, делают человека носителем общезначимых норм поведения, общения, коммуникации и совместной, коллективно организованной деятельности. Лишь после этого возможна демонстрация необходимых отношений и связей этих разных по своим источникам, но единых по своему культурному (а отнюдь не природно-биологическому, генетическому) происхождению специфически человеческих потребностей и способностей как продуктов процесса образования, организованного системным образом.

Попробуем с учетом этого общего направления анализа соотнести потребности и способности, рождающиеся в лоне процессов индивидуальной жизнедеятельности, поведения и деятельности человека, с потребностями и способностями, выражающими общественную природу его жизни и социально-организованной деятельности. При этом мы можем ограничиться несколькими группами сопоставляемых способностей и потребностей, не претендуя на исчерпывающую полноту их состава, так как нам важно увидеть и показать их принципиально значимые структурные соотношения и связи в составе общей системы человеческой деятельности и культуры в целом.

Человек с культурфилософской точки зрения предстает как носитель преобразованных культурой различных потребностей, начиная с индиви-

дуально проявляемых витально-первичных (физиологических и биологических) потребностей в еде, питье, защите от холода, в безопасности и т.п., а также вторичных – потребностей в общении с себе подобными, принятии ими, признании в общественной иерархии и заканчивая высшими, специфически человеческими – в реализации своих индивидуальных познавательных и иных интересов и склонностей, в самоактуализации и самореализации. В процессе образования человек приобретает и соответствующие способности, призванные в той или иной мере и степени удовлетворять эти потребности. Однако при этом как потребности, так и способности прямо и непосредственно не служат еще общему человеческому делу, сохранению, воспроизводству и укреплению социума, в котором он живет и действует.

Потребность индивида, к примеру, в общении с себе подобными и ее удовлетворение ограничиваются при этом в пространстве его индивидуальной жизнедеятельности и поведения рамками, связанными, возможно, с попытками использовать другого человека в качестве средства для реализации своих утилитарных интересов, затем также – с поисками теплых, близких отношений с другими людьми с целью нахождения поддержки и сочувствия с их стороны, а в более развитых вариантах – с поисками и реализацией отношений любви и дружбы в той степени, в которой он в этих отношениях нуждается.

В пространстве же социально организованного поведения и деятельности, напротив, потребность и способность к общению выражаются в стихийном и спонтанном или же в намеренном и целенаправленном (к примеру, при участии в профессионально проводимых переговорах) использовании самого процесса общения как такой искусственно и целенаправленно создаваемой среды, в которой и посредством которой осуществляется согласование различных и противоположных интересов будущих или актуальных участников совместной деятельности, их взаимный учет, сопровождаемый коррекцией стремлений к реализации своих интересов и притязаний на основе использования механизмов идентификации с другими людьми, понимания и признания правомерности их интересов, потребностей и мотивов.

Познавательные потребности и способности к усвоению информации и знаний, получаемых как продукт индивидуального процесса удовлетворения любопытства, реализации чисто познавательного интереса, приносящего познающему субъекту особое удовольствие и даже решение познавательной задачи в ее прикладном значении как средства прагматического удовлетворения каких-либо индивидуально значимых других его потребностей, реализуемых в пространстве индивидуального поведения и деятельности, не совпадают прямым и непосредственным образом с те-

ми познавательными потребностями и способностями, которые реализуются в пространстве социально организованной исследовательской и проективной деятельности.

Потребность в информации и знаниях в последнем случае обусловлена и опосредована необходимостью лучшей ориентации в окружающей среде и в понимании внутреннего состояния и возможностей самого человека как участника и субъекта коллективной кооперативно-организованной совместной деятельности, в которой он должен занимать определенное место. Даже такое высокое по уровням своей абстрактности и трудное для непосредственного практического приложения знание, каковым является философское знание, может пониматься, строиться и использоваться совершенно различным образом в зависимости от того, какие потребности и способности познания при этом реализуются. Одно дело философствовать главным образом для собственного удовольствия и проявления эгоцентричного самовыражения, и другое – определяя и давая себе отчет в том, какими общезначимыми культурными средствами и способами это делается, а главное – зачем и почему именно это, получаемое таким образом знание, нужно другим субъектам деятельности, человечеству здесь и теперь или потребуется в будущем, осуществляя тем самым свое адекватное профессиональное самоопределение¹⁷.

Познание в социально организованном его виде предполагает наличие у человека развитых культурных потребностей и способностей, включающих его в совместную познавательную и преобразовательную практику, что обеспечивается в соответствии с требованиями системно-деятельностного подхода за счет адекватного самоопределения, рассмотрения себя самого как активного и сознательно действующего субъекта, отвечающего за нормальное функционирование и развитие более сложных систем и сфер деятельности, в которых индивидуальная деятельность перестает быть выражением произвольного поведенческого эгоцентризма или просто средством для удовлетворения и реализации личных потребностей и мотивов.

Исходя из предложенных выше различий и оснований, можно точнее оценить современные модные инновации в образовании, ориентированные исключительно на обслуживание индивидуальных интересов и склонностей учащихся, когда их спонтанные субъективные мнения и суждения по поводу какой-либо учебной проблемы рассматриваются и интерпретируются в качестве процедуры подлинного производства знаний, имеющей некое культурное значение. Подобного рода ситуации – не более чем курьез, связанный с отсутствием понимания различий в составе познавательных потребностей и способностей, совершенно разных по уровню их культурного и социокультурного оформления и развитию

внутреннего структурного строения. Одни из них связаны с наличием индивидуально значимых потребностей, проявляющихся в пространствах индивидуальной деятельности, поведения и общения и предполагающих соответствующие им формы реализации способностей, в культурном отношении находящиеся на примитивном, так сказать, детско-эгоцентрическом и потому, по сути, природном уровне развития. Другие требуют от человека социального «взросления» и формирования культурно обусловленных субъектных и личностных качеств. Третьи характеризуют человеческую индивидуальность как диалектическое единство индивида и личности, воплощающего «всю полноту биосоциальных качеств конкретного человека»¹⁸, делающих его полноценным и в то же время уникальным и неповторимым представителем человечества, вносящим свой вклад в его культуру. Познавательные способности, соответствующие этим, несомненно, более развитым и высшим уровням, не могут появиться в процессе образования сами собой без формирования одновременно с этим и соответствующих этому уровню потребностей в овладении и применении культурных средств и способов организации и осуществления собственной познавательной деятельности, а также потребностей в мотивации и адекватном самоопределении по отношению к процессу их освоения.

Равным образом и по аналогии с этим можно говорить и о существенно разных ступенях в процессах формирования культурных потребностей и способностей в человеческом общении, в организации и осуществлении коммуникаций различного рода и вида, в управлении собственным поведением, эмоциями и чувствами, овладении культурными способами их реализации. Крайности в этом вопросе появляются, конечно, неслучайно и за ними скрываются всегда какие-то социальные и культурологические основания, не всегда осознаваемые их авторами и сторонниками. Но важно искать при этом и метаоснования, лежащие более глубоко и позволяющие найти пути преодоления тех или иных крайностей или избежать их вовсе. Считать, что одна образовательная система или парадигма опровергает и сменяет полностью исторически предшествующую ей другую, будучи по отношению к ней альтернативной, бессмысленно, поскольку в действительности каждая из них представляет собой воплощение конкретной ступени и определенный необходимый структурный элемент в процессе развития образования как единого в своей сущности феномена культуры. В частности, ориентированные исключительно на развитие способностей к индивидуально самовыражению образовательные теории и практики, основанные на тезисе об изначальной от природы уже имеющейся и генетически заданной «самодостаточности человека» при всей их натуралистической наивности, могут быть поняты в контексте

вышеизложенного анализа как необходимые элементы единого процесса образования. Им необходимо найти и предоставить адекватное место в начальных фазах процесса освоения учащимися новых культурных областей, а затем, но уже в совершенно ином и преобразованном виде, – на высших его ступенях, когда могут появиться действительные основания и предпосылки для проявлений подлинной индивидуальности и самостоятельного творчества в рамках культурно организованного процесса самообразования человека и проявления его развитых потребностей и способностей к культурному творчеству.

На начальных фазах процесса образования существует особая необходимость обнаружения самими «образовываемыми» принципиальной ограниченности своего первоначального «знания», существующего пока в виде субъективных мнений, и приобретенного случайного и ограниченного опыта до встречи с подлинно культурными общезначимыми образцами познавательной деятельности, понятиями, категориями, способами и нормами их использования. В соответствии с общими принципами проблемного обучения, обосновывающими необходимость этой фазы в организации образовательного процесса, учащимся должна предоставляться возможность актуализации своего наличного опыта, осуществления первичных попыток его изменить и расширить за счет собственных сил и средств и затем уже, после того как эти попытки не принесут требуемого успеха, можно и нужно организовывать освоение нового культурного арсенала организации и осуществления своего нового индивидуального поведения и деятельности при помощи педагога и под его управлением. Впрочем, если потребность в освоении таких культурных средств и способов уже сформирована в достаточной мере, можно обойтись и без столь сложных форм организации образовательного пространства. Тогда учащемуся вполне достаточным будет самому проблематизировать свой уровень готовности путем сопоставления наличных потребностей и способностей к определенному виду поведения и деятельности с известными типичными неправильными формами их организации и осуществления. Так, например, попыткам поиска и нахождения согласованности и взаимопонимания в процессах общения предшествуют естественным образом обычные действия и поступки людей, обнаруживающие рассогласованность их интересов и отсутствие понимания друг друга и только все больше усугубляющие их в ходе выражения взаимных претензий, что является следствием эгоцентрического самовыражения и поведения, стремления использовать другого человека главным образом в качестве средства для удовлетворения своих интересов. Такое поведение гораздо ближе к обусловленным, биологически наследуемым потребностям, механизмам реализации процессов индивидуальной жизнедеятельности,

нежели к собственно социальному и культурно опосредствованному бытию человека. Таким же образом в процессах познания подлинному знанию, обусловленному применением адекватных культурно значимых познавательных средств и способов к объектам и материалу исследования, предшествует субъективное мнение, необоснованное, неправильное, неистинное, а потому и равносильное незнанию.

При таком системно-деятельностном видении и понимании действительного культурного содержания индивидуально-ориентированной антропоцентристской и социоцентристской парадигм в построении содержания образования снимается их противоположность и они предстают для нас в качестве различных ступеней становления человека как социального и одновременно подлинно культурного существа, которые представляют собой общие закономерности этого процесса. В чем выражается тогда их тождественность, характеризующая системно-структурную связь данных ориентаций?

Последняя заключается именно в том, что и ранние, эгоцентрические, формы проявления потребностей и способностей человека, и более поздние, в том числе связанные с освоением им высших культурных форм, средств и способов их организации и осуществления, возникают, формируются и проходят различные стадии в своем развитии только в обществе и представляют собой не непосредственно биологические и генетически индивидуально наследуемые человеческими особями элементы, а социокультурные по своей природе новообразования, всецело и только в разной степени зрелые продукты освоения и наследования имеющегося в обществе культурного богатства. Они представляют собой продукты процесса культурного становления человека, который в онтогенезе и в определенной конкретной социальной среде в снятом и сокращенном виде повторяет основные стадии культурного филогенеза человечества.

Биологически генетические механизмы и ступени созревания человеческого организма создают при этом необходимые предпосылки для культурного становления, особенности которого в значительной мере определяются в свою очередь конкретно-историческим характером культурных ценностей и ориентаций социального окружения.

В самой своей основе определенная социальная ориентация содержания образования обнаруживает себя как объективный факт при самых разных культурных ценностных основаниях, доминирующих в том или ином обществе. Так, и индивидуально-ориентированные, персоналистски направленные ценностные ориентации в образовании представляют собой в этом отношении не что иное, как общую культурную доминанту данного общества или во всяком случае каких-то его социальных групп, слоев и общностей, поддерживаемую и культивируемую ими, а потому

уже не являющуюся чем-то совершенно противоположным социоцентристской ориентации. Последняя представляет собой противоположность индивидуалистической ориентации в пределах существования одной сущности, а не по самой своей сущности. На универсальной общечеловеческой шкале социального и культурного развития человечества и отдельного человеческого индивида эти ориентации можно поэтому расположить как последовательные ступени. Их можно будет представлять при этом как взаимодополняющие друг друга диалектические стороны единого процесса становления человека культурным и социализованным существом. При этом чем выше будет уровень его общекультурного развития, тем более развитой становится и социальная, добровольно принимаемая им, а не навязываемая и поддерживаемая извне, как это бывает в начале его культурного становления, ориентация на учет и реализацию интересов других людей, социума, в котором он живет, человечества в целом.

Если обратиться в свете вышеизложенных выводов непосредственно к самой образовательной практике, то имеющиеся в ней различные способы организации взаимодействия педагогов с учащимися и воспитанниками можно оценивать как более или менее приближающиеся по своим парадигмальным основаниям и ценностям либо к социоцентристской, либо к персонально-центристской ориентации в зависимости от того, какие культурно и социально обусловленные онтологические взгляды на отношения культуры с обществом и человеком и на его природу они разделяют. Так называемая авторитарная педагогика является крайним выражением социоцентризма, поскольку педагог обосновывает свой стиль и методы поведения и воздействий тем, что именно он является носителем, полномочным проводником и транслятором культуры, присущей данному обществу и которой соответственно изначально лишены его подопечные.

«Педагогика манипулятивная» признает необходимость учета того обстоятельства, что только сам человек, будучи при этом положительно мотивирован, может усваивать культурные способы поведения и действий, как бы открывая или изобретая их для себя вновь. Но при этом полностью самостоятельно делать это он не в состоянии, а потому организующее и руководящее воздействие и своевременную помощь должен оказывать педагог, пользуясь для этого преимущественно косвенными методами, создавая проблемные ситуации и организуя затем учебную деятельность в форме поисковой, исследовательской и проектировочной работы.

«Педагогика поддержки» оказывается еще ближе к антропологической, а потому и персонально ориентированного образовательного процесса. За учащимися признается способность самостоятельно делать выбор, принимать и реализовывать решения, добывать новые знания и фор-

мировать свои умения, что становится возможным и посильным при оказании ему индивидуально дозированной помощи, поощрении самостоятельности со стороны педагога.

Педагогики «свободного воспитания», «вариативного образования», лично ориентированного обучения, персонально-центристского образования, парадигма культуротворческая в разной степени и в различных модификациях представляют собой крайние выражения индивидуально-ориентированного образовательного процесса, построенного на постулатах либо о врожденных общих и специальных способностях у людей, передающихся генетическим путем, либо об изначальной самодостаточности человека, готовности его к самообразованию, правильному выбору индивидуальной образовательной траектории, творчеству культурных ценностей, для которого необходимо только создавать внешние благоприятные условия.

Все вышеперечисленные в определенной последовательности и подобные им парадигмальные ориентации в педагогических теориях и образовательной практике, как нетрудно теперь увидеть, являют собой различные ступени зрелости единого образовательного процесса, которые могут становиться востребованными, вполне адекватными и уместными в тесной и органической зависимости от степени культурной зрелости субъекта учебной деятельности, уровня его личностного развития, наличия потребностей и способностей к ответственным и свободным проявлениям подлинной индивидуальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Каган, М.С. Философия культуры. – СПб., 1996. – С. 36.

² См., например, работы В.С. Библера, Е.В. Бондаревской, А.П. Валицкой, И.Е. Видт, И.А. Колесниковой, В.В. Краевского, В.В. Макаева, В.В. Серикова, Х.Г. Тхагапсоева, О.П. Щолокова, Е.А. Ямбурга и др.

³ См.: Краевский, В.В. Чему учить? // Вопросы образования. – 2004. – № 3. – С. 10–11.

⁴ Валицкая, А.П. Российское образование: модернизация и свободное развитие // Педагогика. – 2001. – № 7. – С. 19.

⁵ Бондаревская, Е.В. Теория и практика лично ориентированного образования. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2000. – С. 58.

⁶ Кумарин, В. Школу спасет педагогика. Но – природосообразная // Народное образование. – 1998. – № 7. – С. 10–12.

⁷ См. там же. – С. 10–20.

⁸ Кушнир, А. Природосообразность или педагогический волюнтаризм? // Народное образование. – 1998. – № 9–10. – С. 143–144.

⁹ Беспалько, В.П. Не пора ли менять стратегию образования? // Педагогика. – 2001. – № 9. – С. 90.

¹⁰ Теплов, Б.М. Психология. – 7-е изд. – М. : Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1953. – С. 224.

¹¹ Шими́на, А.Н. Педагогические аспекты философского наследия Э.В. Ильенкова // Педагогика. – 2004. – № 6. – С. 75.

¹² См.: Такман, Б.У. Педагогическая психология: от теории к практике. – М. : Прогресс, 2002. – С. 81–96.

¹³ См. там же. – С. 45–65, 153–158.

¹⁴ Валицкая, А.П. Указ. соч. – С. 76–77.

¹⁵ Там же. – С. 324.

¹⁶ Там же. – С. 77–78.

¹⁷ См.: Каган, М.С. Диалоги / М.С. Каган, Е.Г. Соколов. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2006. – С. 40–41.

¹⁸ Каган, М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). – М., 1974. – С. 266.

Е.С. Симакова

РИТОРИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПЕДАГОГА

В образовательном пространстве современного педагогического вуза риторическая компонента занимает по ряду причин важное место. Формирование профессиональных компетенций педагога не будет полным без умения анализировать все составляющие различных ситуаций педагогического речевого взаимодействия и умелого применения стратегий и тактик кооперативного общения, что в конечном итоге приводит к эффективности коммуникации. Для понимания данного постулата представляются важными следующие положения.

1. К ситуациям педагогического общения относятся все те речевые ситуации, которые часто встречаются в профессиональной деятельности педагога: от доверительной беседы с учениками и родителями до публичного выступления перед большой аудиторией коллег, от приватной беседы в учительской (в которой, несмотря на неофициальный характер общения, все же статус педагога определяет в той или иной степени образ отправителя и получателя речи, а значит влияет на характер коммуникации в целом) до официального выступления педагога в средствах массовой информации и публикаций в профессиональных изданиях.

2. Кооперативным следует считать общение, направленное на исключение конфронтации, установление отношений взаимопонимания и взаимоуважения между всеми участниками коммуникации, на гармонизацию

этих отношений; противостоит кооперативному речевому поведению поведение конфликтное. Кооперативный тип речевого поведения отличается доминирующей установкой в общении на партнера по коммуникации¹.

3. Речевая стратегия – это комплекс речевых действий, к которым прибегает коммуникант для реализации цели общения. Так, например, чтобы убедить ребенка, учитель формулирует тезис (мысль, которую надо доказать), прибегает к разъяснению и комментированию, приводит примеры, обращается с призывами, показывает негативные последствия невыполнения просьбы или же избирает иную стратегию – строжайшего запрета либо апеллирования к авторитету третьих лиц (администрация школы, родители). Выбор речевой стратегии зависит от ситуации общения, опыта говорящего, статусно-ролевых особенностей коммуникантов. Таким образом, речевая стратегия представляет собой планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана². Речевая тактика представляет собой один из вариантов реализации стратегии, который выбирает говорящий в ходе оперативного реагирования на изменяющуюся ситуацию общения. Например, часто используемая в педагогическом общении стратегия обращения с просьбой может быть реализована через тактики прямой просьбы, косвенной просьбы, рекомендации, намека, подсказки и т.д.

4. Эффективным считается общение, при котором коммуникативное намерение (интенция) говорящего реализовано полностью, то есть говорящий достиг цели как практического, так и духовного свойства. Противостоит полному достижению коммуникативной цели коммуникативная неудача (цель общения не достигнута) или коммуникативный промах (цель достигнута лишь частично).

Очевидно, что успешная педагогическая деятельность возможна тогда, когда в период вузовского обучения будущий педагог приобретет системные знания о речи как важнейшем инструменте воздействия на ребенка, примеряемых в педагогической сфере речевых жанрах, правилах эффективного общения, а также научится такому общению. А это значит, что выпускник педагогического вуза должен обладать сформированной риторической компетенцией.

Термин «риторическая компетенция» сегодня можно встретить в трудах исследователей риторики и методики ее преподавания, однако содержание этого понятия еще нуждается в уточнении, как и тот путь, который ведет к формированию риторической компетенции, и условия эффективного прохождения этого пути. Нам видится, что риторическая компетенция может быть определена через совокупность знаний об общении как общечеловеческом феномене, специфике его реализации в сфере повы-

шенной речевой активности конкретной профессиональной или социальной группы и риторических умений, то есть способах действий, которые субъект может применять в стандартных и нестандартных речевых ситуациях. Кроме того, понимание риторической компетенции будет узким без включения в ее содержание этического компонента, который служит основанием выбора способов воздействия одного субъекта на мыслеречевую деятельность другого и который позволит отмежевать риторическое знание от технологий манипулятивного воздействия. Известно, что со времен античной древности тремя китами риторики считались: этос – этическая составляющая, логос – мысль, воплощенная в слове, и пафос – чувства и эмоции, передаваемые ритором. Если без логоса, то есть глубокого постижения предмета мысли, речь, по мнению Цицерона, становится «пустой и даже ребяческой болтовней», то без этоса всякая риторика вырождается в демагогию, поэтому нам риторическая пирамида, состоящая из трех названных звеньев, видится следующим образом: этос составляет основу, платформу, на которой зиждутся и мысли, и чувства оратора (рис. 1).

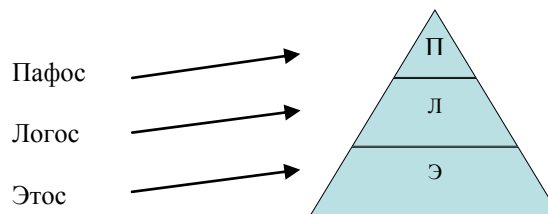

Рис. 1. Составляющие деятельности ратора

В педагогической риторике этос оратора близок категории педагогического такта. Педагог имеет дело с тончайшей материей – формирующимся сознанием ребенка, поэтому любое бестактное, грубое воздействие учителя на мысли и чувства воспитанника есть зло, ибо оно не только оскорбляет личность, но и воспринимается как образцовое речевое поведение, а значит воспроизводится в будущем речевом поведении и обучаемого. Исходя из этого риторическое учение об этосе, логосе и пафосе оратора в сфере профессионального педагогического общения мы считаем краеугольным.

Связующим звеном между риторическим знанием и умениями служит речевой жанр.

Речевой жанр (РЖ) – это типические ситуации социального взаимодействия людей в их словесно-знаковом оформлении. Это разновидности устных и письменных текстов и высказываний, сопровождаемые невербальным оформлением, которые существуют в различных сферах общения, воспроизводятся говорящим и пишущим в соответствии с их коммуникативными намерениями (интенциями) и узнаются по их языковым средствам. М.М. Бахтин определил речевой жанр как «относительно устойчивые тематические стилистические и композиционные типы высказывания». Он писал: «Богатство и разнообразие речи необозримо, поскольку каждая из сфер человеческой деятельности связана с «целым репертуаром» РЖ. <...> К РЖ мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога... и бытовой рассказ, и письмо (во всех его разнообразных формах), и короткую стандартную военную команду, и довольно пестрый репертуар деловых документов... и разнообразный мир публицистических выступлений, но сюда же мы должны отнести и многообразные формы научных выступлений и все литературные выступления»³. М.М. Бахтин считал, что можно великолепно владеть языком и чувствовать себя беспомощным из-за невладения теми или иными жанрами. Основные постулаты его теории сводятся к следующему:

1. Речевой жанр – единственная первичная форма существования языка. По мнению ученого, «если бы РЖ не существовало, и мы не владели бы ими, если бы нам приходилось их создавать впервые в процессе общения, свободно и впервые строить каждое высказывание, речевое общение было бы почти невозможно»⁴.

2. Речевой жанр живет в определенной ситуации общения, имеет собственную «нормативную экспрессию» и обязательно предназначен определенному адресату, причем говорящий предполагает, что в ответ на использованный речевой жанр последует типичная реакция адресата.

3. Каждая речевая среда вырабатывает собственный репертуар речевого жанра, язык в целом располагает его номенклатурой. Повседневное общение формирует первичные речевые жанры, на основе которых строится система вторичных, в том числе литературных.

Ученые насчитывают более 400 разновидностей речевых жанров. Выделить их виды и описать жанрообразующие особенности нелегко, так как речь отражает изменения в окружающем мире и на наших глазах появляются новые жанры (например, резюме). Речевые жанры присутствуют в сознании языковой личности в виде готовых образцов (фреймов), влияющих на процесс разворачивания мысли в тексте. Разные речевые жанры требуют от говорящего (пишущего) использования неодинаковых моделей порождения речи.

Изучение системы речевых жанров опирается на лингвистическое описание каждого из них. В основу такого описания, которое Т.В. Шмелева назвала анкетой РЖ, легли следующие жанрообразующие признаки:

1. Коммуникативная цель.

Когда человек внутренне планирует высказывание, которое будет иметь место в конкретных условиях (дискурс), он руководствуется коммуникативным намерением, соответствующим ситуации. Это намерение определяет выбор жанрового сценария. В зависимости от коммуникативной цели Т.В. Шмелева выделяет 4 типа РЖ:

а) информационные (операции с информацией: объяснительный монолог, подтверждение, опровержение и др.);

б) императивные (вызов осуществления/неосуществления поступка, события: просьба, распоряжение, приказ и др.);

в) этикетные (осуществление события в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного общества: благодарность... вплоть до отречения от престола);

г) оценочные (изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки с принятой в обществе шкалой ценностей: от похвалы до хулы).

2. Образ автора.

В различных высказываниях автор предстает перед адресатом субъектом с разными, но приблизительно сходными характеристиками. Эти характеристики помогают осознать речевой жанр и определить его границы. Для этого важны такие характеристики автора, как полномочия, авторитет, информированность, заинтересованность, близость к адресату.

3. Образ адресата.

М.М. Бахтин подчеркивал, что каждый речевой жанр имеет типичскую концепцию адресата, то есть предполагает свой образ адресата. Так, для императивных речевых жанров – это возможность исполнить предписываемое действие, для жанров инструкции, совета, предостережения — заинтересованность адресата в исполнении действий. Жанр вопроса предполагает наличие более информированного адресата, чем автор, а жанр утверждения – наличие сомневающегося или возражающего слушателя.

4. Диктум – событийная основа речевого жанра.

Для выделения речевого жанра важно, какое событие лежит в его основе. Так, абсолютно необходимы события для использования таких жанров, как поздравление, извинение, обвинение и оправдание. Оценочные жанры отнесены в основном к событиям прошлого и настоящего, императивные касаются событий будущего. Также временную соотнесенность имеют информативные жанры: рассказ, воспоминание соотносятся

с прошлым, репортаж – с настоящим, а прогноз, предположение – с будущим.

5. Фактор прошлого.

Этот фактор подразумевает коммуникативное прошлое и делит все жанры на жанры с прошлым (реакции на предшествующие акты коммуникации: ответ на вопрос, согласие, возражение, разрешение, запрет и др.) и жанры без прошлого (инициативные, начинающие коммуникацию: вопрос, запрос и т.п.).

6. Фактор будущего.

Этот фактор предполагает построение высказывания с учетом возможности ответных реакций, ради которых оно и создается. Речевая реакция может быть запрограммирована альтернативой да/нет, согласие/отказ, благодарность/отвод и др.

7. Формальная организация (языковое воплощение).

Этот фактор имеет в виду наличие определенной модели, лежащей в основе любого жанра и позволяющей воспроизвести его, и описание его особых языковых примет (например, для императивных свойственно употребление глаголов в повелительном наклонении). Знание этих моделей ведет к легкому продуцированию речевых жанров и помогает сравнить разные жанры⁵.

Эффективность общения во многом зависит от сформированности жанрового репертуара говорящего и от правильности выбора речевого жанра. «Именно жанровое мышление становится центральным фактором формирования языкового сознания человека, входящего в дискурсивную деятельность», – считают И.Н. Горелов и К.Ф. Седов⁶. Следовательно, риторическая компетенция включает в качестве базовых компонентов знания о репертуаре речевых жанров, применяемых в сфере повышенной речевой активности (в данном случае – в педагогическом общении), и умение продуцировать текст определенного жанра: правильно выбирать жанр с учетом интенции, ситуации, образа адресата, воспроизводить структуру модели жанра, насыщать эту структуру языковым материалом, принимая во внимание стилевую отнесенность жанра. Каков же репертуар педагогических речевых жанров, владение которыми важно для формирования профессиональной компетенции будущего учителя? Прежде это всего устные жанры (объяснительная речь учителя (объяснительный монолог и диалог), обобщающая речь, оценочные высказывания), а также письменные жанры (характеристика лица, отчет, аналитическая справка, письма (побудительные, этикетные, эмоционально-оценочные и др.), биография, автобиография, отзыв и рецензия и некоторые другие).

В качестве примера, иллюстрирующего значимость овладения профессиональными речевыми жанрами, рассмотрим объяснительный монолог. Данный жанр востребован в ситуации объяснения нового материала на уроке. В качестве коммуникативного намерения в нем выступает стремление объяснить новые для слушателей (учащихся) факты, явления, события, сформировать базовые понятия, познакомить со способами действий. Говорящий представляется как лицо, владеющее новыми знаниями, а слушающие – как субъекты, готовые к восприятию нового. Жанр объяснительного монолога имеет коммуникативное прошлое (базовые знания) и будущее (вероятная востребованность переданных знаний в будущем). В качестве критерия его эффективности можно назвать понимание/непонимание объясненного материала слушателями, их способность ответить на вопросы, изложить материал своими словами и применить способы действий на практике. Достижение такого результата будет возможным, если педагог имеет представление о свойствах и функциях объяснительного монолога, способах передачи фактуальной и концептуальной информации, приемах ее популяризации, средствах привлечения внимания слушателей и приемах активизации их мыслеречевой деятельности. Важны знания о структуре объяснительной речи, обязательными элементами которого являются постановка проблемы (познавательной задачи), определение, иллюстрации, а также знания о стилистических особенностях объяснительной речи. В ходе объяснительной речи учитель прибегает к приемам убеждения, внушения, сравнения, побуждения к действию, адресации, диалогизации, демонстрации. Хорошая объяснительная речь доступна, так как она моделирует структуру мысли. Если же объясняющий не в полной мере владеет данным жанром, то он может допустить ошибки, приводящие к непониманию или недопониманию смысла адресатом. Например, такие ошибки могут заключаться в следующем: 1) говорящий не учел имеющиеся у слушателей знания и их связи с новыми сведениями, вследствие чего либо расширил объем речи за счет включения в нее уже известного, либо не воспроизвел в памяти школьников базовые знания, тем самым не обеспечил точку опоры в освоении нового учебного материала; 2) учитель несколько раз упомянул новое понятие, но лишь потом разъяснил его сущность; 3) говорящий не обеспечил четкость связей между частями монолога, в результате ход его рассуждения оказался для слушающих запутанным; 4) приведенные в ходе объяснения примеры не были убедительными или говорящий не прокомментировал их; 5) рассмотрев частные примеры, учитель не перешел к обобщению или не выделил то общее, что позволяет сделать вывод; 6) учитель не справляется с задачей привлечения и удержания внимания слушающих, изменения их эмоционального состояния и др. Избежать подобных оши-

бок можно лишь в том случае, если целенаправленно работать над рассмотренным речевым жанром на этапе формирования риторической компетенции будущего педагога. Таким образом, работа над профессионально значимыми речевыми жанрами в структуре подготовки студента педагогического вуза занимает важное место.

Еще одной составляющей риторической компетенции, на наш взгляд, являются значимые качества языковой личности, то есть такие нравственные и интеллектуальные свойства, которые обеспечивают как речевую деятельность говорящего, так и его взаимодействие со слушателями.

Обобщая сказанное, можно представить риторическую компетенцию схематично (рис. 2).

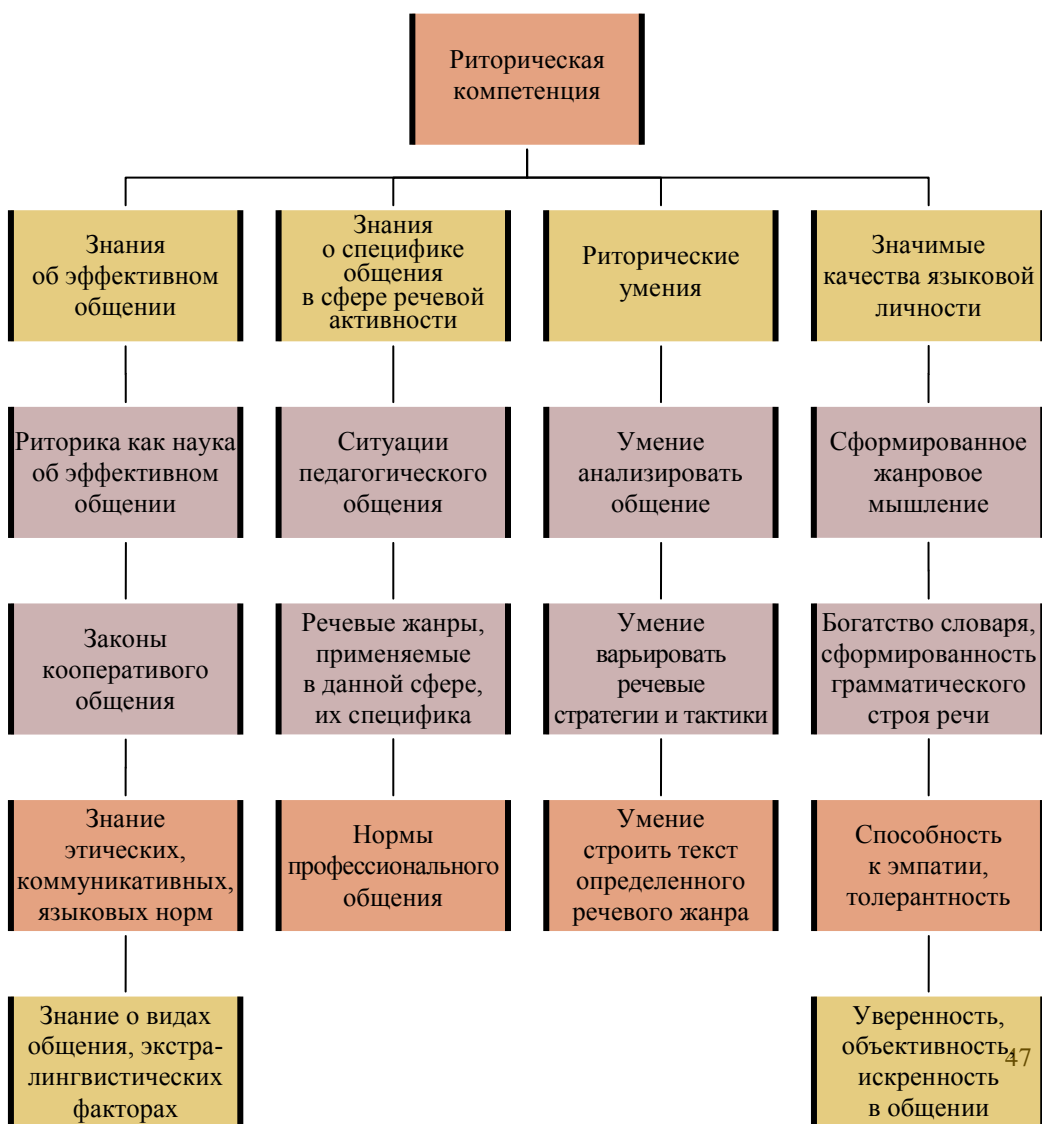

Рис. 2. Структура риторической компетенции

Для разработки методики формирования и совершенствования риторической компетенции важен вопрос условий, способствующих достижению эффективности образовательного процесса. Рассмотрим эти условия.

Процесс формирования риторической компетенции длительный и сложный. Он начинается еще в начальной школе, когда закладываются умения, связанные с повседневным общением. В средней школе учащиеся овладевают умениями общаться в деловой (прежде всего учебной) обстановке, а в старших классах (профильное образование) и в вузе будущий специалист, в том числе педагог, овладевает общением в профессиональной среде. Ведет ли этот путь к формированию риторической компетенции? Безусловно. Он открывает определенные возможности, если обеспечивает непрерывное пошаговое совершенствование коммуникативно-речевых и риторических умений, как это и предусмотрено в концепции Т.А. Ладыженской ⁷.

Однако, как показывает практика, далеко не во всех учебных заведениях изыскивается возможность включения в учебный план курса риторики, вследствие чего процесс формирования риторической компетенции происходит стихийно и не всегда завершается желаемыми результатами. Отсюда понятно, почему многие специалисты лишаются возможности приобрести одну из базовых профессиональных компетенций.

Мнение о том, что научиться профессиональному общению можно стихийно, ошибочно. Требование качественного образования, провозглашенного в ранге цели приоритетного национального проекта, не совместимо с игнорированием планомерной подготовки к эффективному общению в различных сферах, что может быть обеспечено только при таком обучении риторике, которое соответствует выдвинутому профессором Т.А. Ладыженской принципу учета динамических перспективных связей, когда процесс формирования риторических умений проходит стадию пропедевтики, собственно формирования, совершенствования и перенесения в новые условия.

Таким образом, минимальным условием формирования риторической компетенции является непрерывность и перспективность процесса обучения, на каждой ступени которого ставится цель сформировать и развить

ряд риторических умений. Отсюда видно, что проблему риторической компетенции нельзя решить без рассмотрения вопроса о риторических умениях. Как известно, к риторическим Т.А. Ладыженская относит умение анализировать общение и умение общаться⁸. Можно назвать эти умения макроумениями, которые складываются из конкретных микроумений, например:

<i>Макроумения</i>	
Умение анализировать общение	Умение общаться
<i>Микроумения</i>	
Понимать невербальные сигналы. Оценивать уместность использования невербальных средств общения. Выявлять подтекстовую информацию по невербальным реакциям.	Применять невербальные средства в соответствии с коммуникативной задачей и спецификой ситуации.

Интересным с точки зрения методики обучения является вопрос о природе риторических умений. Нет сомнения в том, что целесообразно говорить именно об умении как базисе риторической компетенции, а не о навыке, поскольку риторический процесс – это процесс творческий, осуществляющийся часто в типических, но все равно всегда в новых условиях. Следовательно, навык, как действие автоматизированное, инстинктивноподобное не может лежать в основе деятельности ратора. Разумеется, навыки обеспечивают процесс говорения (навык произнесения звуков и др.), но не обеспечивают эффективность общения, которая достигается при осознанном выборе коммуникативных стратегий и тактик, а значит не может быть достигнута автоматизированными действиями.

Риторическое умение появляется в результате длительной тренировки. Пассивное наблюдение за педагогом и ознакомление с риторическим знанием не даст положительных результатов в формировании риторических умений. Они возникнут тогда, когда обучаемый будет неоднократно проходить все стадии общения в разных ситуациях, осмысленно их планировать, осуществлять, корректировать, анализировать, что возможно в результате тренингов, поэтому новые методические подходы к формированию риторических умений должны лежать в русле разработки тренинговых методик.

Стоит отметить, что процесс формирования риторической компетенции не заканчивается аудиторной работой. Еще Цицерон говорил, что

«...слово должно выйти из укромной обстановки домашних упражнений и явиться в самой гуще борьбы, среди пыли, среди крика, в лагере и на поле судебных битв...»⁹. Значит обеспечить непрерывное совершенствование риторической компетенции можно только через риторизацию учебного процесса. И это есть важнейшее условие формирования риторической компетенции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Горелов, И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – С. 165.

² См.: Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд. 4-е. – М. : КомКнига, 2006. – С. 54.

³ Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 241–242.

⁴ Там же. – С. 242.

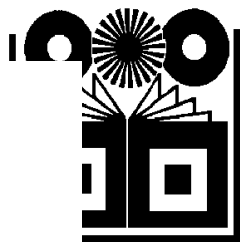
⁵ См.: Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 93–95.

⁶ Горелов, И.Н. Указ. соч. – С. 183.

⁷ См.: Ладыженская, Т.А. Уроки риторики в школе / Т.А. Ладыженская, Н.В. Ладыженская. – М., 2000. – С. 15.

⁸ См. там же. – С. 24.

⁹ Цит. по: Далецкий, Ч.Б. Практикум по риторике. – М. : АЗ, 1995. – С. 37.

ПОЛИТОЛОГИЯ. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Г.Я. Козлов

ПРОБЛЕМЫ СОЧЕТАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРИКЛАДНОГО АСПЕКТОВ В ПОДГОТОВКЕ ПОЛИТОЛОГОВ

Систему, а главное содержание политологического образования в том виде, в котором они сложились к настоящему времени в России, трудно назвать безупречными или хотя бы в достаточной степени эффективными. Не беремся судить обо всех возможных путях их совершенствования, но один для нас очевиден: необходимо кардинально усиливать связь образовательного процесса с практикой.

Об излишней затеоретизированности политического образования говорят и работодатели, и сами студенты, для которых политическая реальность не становится реальностью. Это печально, поскольку, по-видимому, студенты понимают, что в политической науке так и должно быть, привыкают, усваивают абстрактный, отвлеченный характер политического знания.

Теоретическая часть традиционного политологического образования включает в себя лекции и семинары, практическая часть – часто ознакомительную, производственную и преддипломную практику.

Что же в действительности представляют собой практические занятия?

Во время ознакомительной практики никакой возможности приложить свои знания у студентов нет.

Производственная практика зависит от того, насколько серьезно к своим обязанностям относятся ее руководители. Нередко, несмотря на то, что работа непосредственных руководителей практики со студентами

оплачивается, к работе своей они относятся формально. И если студент не проявит настойчивости, то вся практика может свестись к схеме «сиди и не мешай работать, а еще лучше иди, а я тебе все, что надо, поставлю». К сожалению, такая формальная практика мало что может дать студенту.

Преддипломная практика, пожалуй, самое серьезное практическое занятие студента. Но при этом в основном студента интересует лишь та часть практического приложения своих знаний, которая непосредственно связана с темой его диплома и, следовательно, страдает однобокостью.

Дисбаланс в сочетании теоретического и прикладного аспектов в подготовке политологов обусловлен не только оторванностью образовательного процесса от практики, но и несовершенством учебных планов, и недостатком хороших учебников, и неверной ориентацией в учебе самих обучаемых, и тем, что рынок еще не сформировал более или менее четко образовательного заказа на соответствующих специалистов. Ведь в России во многих регионах вообще отсутствуют структуры, профессионально занимающиеся политикой, политическим анализом. Их функции в лучшем случае берут на себя PR-агентства или пресс-службы, создаваемые на период проведения очередной избирательной кампании.

Между тем становится все более очевидным, что в политике наступает время профессионалов, а рынок профессиональных услуг требует сегодня не «политологов вообще», а политологов-управленцев, референтов, консультантов, партийных функционеров, политических журналистов, преподавателей политологии, политтехнологов и т.д.

Следовательно, высшая школа должна дать студентам не только теоретические знания, но и научить их современным политическим технологиям: методам политического анализа и прогнозирования, методикам разработки сценариев политического развития, расчета политического риска, технологиям политической мобилизации и т.п., то есть отличительную особенность образовательной программы по политологии должна составлять ориентация на подготовку специалистов, способных к самостоятельной управленческо-аналитической и политической деятельности.

Такая подготовка предполагает наличие целостной системы формирования профессиональных знаний, навыков, умений, позволяющих анализировать современную ситуацию, находить адекватные управленческие решения и возможна, когда профессиональные знания формируются не на узкоспециальной основе, а в широком контексте гуманитарного знания, предполагающего, что современный политолог хорошо знаком со спецификой политических представлений, культуры, традиций, а также с реальной политической практикой и владеет информационными технологиями. А для того чтобы специалисты обладали более глубокими знаниями, образовательный стандарт должен быть направлен на повышение

аналитической самостоятельности выпускников при принятии решений в сфере управленческо-политической деятельности.

Необходимо также усилить информационную составляющую подготовки специалистов в области политической науки. Политолог без элементов универсальности, без широкого гуманитарного взгляда на современную общественную жизнь, по нашему мнению, не политолог. К сожалению, в действующих образовательных нормативах подготовка политологов находится в одном ряду с другими профессиями, сохраняя общую для всех специальностей мировоззренческую парадигму. Учебные планы подготовки профессиональных политологов не в полном объеме сориентированы на формирование у них тех качеств и навыков, которые явно востребует политическая практика.

Решение этой проблемы видится в нахождении оптимального сочетания теоретических и прикладных дисциплин в подготовке политологов. Под прикладным блоком мы понимаем комплекс политико-управленческих дисциплин, ориентированных на разработку принципов и методов анализа проблемных ситуаций, принятия решений и осуществления политических воздействий.

Опыт подготовки профессиональных политологов в нашем университете показал необходимость введения в учебный план таких курсов, как «Методы и методики политологических исследований», «Теория управления», «Теория организации», «Основы избирательных технологий», «Управленческие решения», «Основы связей с общественностью», «Технология публичного выступления», практикумы по политическому анализу и менеджменту, социально-психологический тренинг «Я – лидер».

Кроме того, с 4 курса мы начинаем проводить дифференциацию студентов на тех, кто собирается работать аналитиком и чиновником в государственной сфере или в партиях, и на тех, кто связывает свое будущее с преподавательской деятельностью. Как нам представляется, такое сочетание общепрофессиональных, специальных и прикладных дисциплин в определенной степени может помочь будущему политологу избежать профессиональной невостребованности или недостаточной компетентности на рынке политических услуг, который уже становится весьма конкурентным. Разумеется, это лишь одна из попыток совершенствования учебного плана подготовки политологов.

Следующая серьезнейшая проблема – недостаток квалифицированных преподавателей, способных объединить фундаментальные теоретические знания и прикладные политические технологии, обладающих при этом навыками хороших лекторов. Преподаватель, даже если читает лекционный курс, должен видеть и понимать практическое содержание профес-

сии. В этом смысле для него весьма желателен личный опыт политической деятельности.

Многие из тех, кто озабочен качеством политологического образования, говорят, что нужно активнее привлекать к процессу обучения практикующих специалистов. Но при этом возникает своя проблема: у практиков, к сожалению, во-первых, нет времени, во-вторых, заинтересованности, в-третьих, соответствующих навыков. Тот, кто собирается учить других, должен уметь подняться до уровня методологического осмысления профессии. Будущим специалистам нужны не рассказы о случаях из жизни, а знания, технологии.

Влияние практиков на образование может быть весьма позитивным, если, кроме практического опыта, они обладают:

а) методическим талантом, то есть умеют хорошо показывать и объяснять;

б) интеллектуальными амбициями и способностью получать удовольствие от общения с университетской средой;

в) «филантропической» направленностью личности (сотрудничать с вузами за относительно невысокое вознаграждение).

Если какие-то из качеств отсутствуют, то сотрудничество оказывается недолгим.

Наши собственные контакты с практикующими специалистами мы стараемся развивать прежде всего по линии организации под их руководством студенческой практики, в свою очередь оказывая им необходимую помощь. Например, наши студенты участвуют в проведении различных исследований, а также в избирательных кампаниях.

Но, говоря о связях с чиновничьим корпусом, следует отметить, что ситуация здесь достаточно непростая: на уровне массового сознания у нас бытует представление, что политиком, как и политологом, способен стать каждый. Потому ряды российских политологов и политиков пополняются непрофессионалами безо всякой научной школы, ориентирующимися главным образом на здравый смысл со всеми соответствующими предубеждениями и сомнительными навыками.

Положение усугубляет традиционный российский обскурантизм: повсеместно проявляются неумение и нежелание бюрократии, чиновников пользоваться достижениями науки.

Между тем опыт показывает, что благодаря сложной системе отбора вспомогательных «умов» – аналитиков, консультантов, экспертов, как правило в основном ученых, западные политики практически не совершают грубых ошибок, а тем более таких, которые, по выражению Галейрана, «хуже преступлений», подобно обвальная приватизации, ввода войск в Чечню или создания финансовых пирамид.

Третья проблема – использование в учебном процессе лучших достижений научной мысли. Это существенный фактор качества обучения политологов. Приходится, однако, констатировать, что пока учебная литература, призванная содержательно синтезировать исследовательские направления и традиции, а также соответствующая подготовка преподавательских кадров в плане повышения их способности к компетентному отбору и интерпретации результатов научного анализа, оставляют желать лучшего. Именно из-за недостаточного развития в этих сферах многие достижения научных изысканий в России, интенсивное встраивание отечественной политической науки в мировые исследования явно не находят адекватного отражения в вузовских программах.

Но усовершенствование учебного процесса на базе включения в него результатов научных исследований в настоящее время может быть лишь частичным. Обусловлено это тем, что вузам так или иначе приходится компенсировать отсутствие у студентов начальных политологических знаний, которые они должны получать в средней школе. Кроме того, включение научных достижений в процесс преподавания затруднено в силу того, что не во всех высших учебных заведениях имеются соответствующие возможности для проведения исследований, а в преподавании политологических дисциплин все еще доминируют идеологические ценности и социокультурные архетипы вроде славянофильских предубеждений или педагоги демонстрируют излишнюю приверженность к каким-то одним методологическим приемам, развивают теоретические подходы, мало связанные с мировой политической мыслью и ее традициями.

А.И. Соловьев совершенно справедливо считает, что мало какой современный российский учебник способен упорядоченно и систематизированно представить панораму теоретических моделей и методов актуальных политических исследований. К этому добавим, что подавляющее большинство из них грешит почти полной оторванностью от сложнейших реалий российской политики.

По нашему мнению, в рамках классического вузовского образования следует также повышать уровень индивидуализации образования. Особое место в этом процессе должно отводиться использованию новых образовательных технологий, которые включают в себя компьютерные технологии обучения, контроля, тренинга, самоконтроля, технологии дистанционного обучения, выполнение научных исследований и саморазвития.

О самостоятельной работе студентов высшей школы хотелось бы сказать особо. Дело в том, что в последние годы в ней стали видеть только то, что студенты самостоятельно изучают вне рамок любых форм учебных занятий, поэтому ее организация перестала рассматриваться как часть учебной работы преподавателя, а это неизбежно привело к тому,

что преподаватели все в большей степени становятся лишь источником информации и все реже организаторами процесса усвоения. Функция управления учебным процессом уходила у них на второй план.

Очевидно, что самостоятельную работу студентов необходимо рассматривать с иной точки зрения – как органично вплетенную в общий процесс подготовки специалистов часть с выраженным сократовским принципом активного изучения: лучший способ понять что-либо – это открыть самому. А для того чтобы обучаемый наиболее эффективно изучил что-то, он должен самостоятельно открыть настолько большую часть изучаемого материала, насколько это в данных обстоятельствах возможно.

К сожалению, наши учебные планы, перегруженные обязательными занятиями, не способствуют рациональной организации самостоятельной работы студентов, мало дают им времени на самостоятельное открытие изучаемого материала.

На наш взгляд, разгрузка студента должна идти не только за счет пересмотра и упорядочения содержания изучаемых курсов. В преподавании базовых дисциплин не нужно стремиться к максимальному расширению учебного материала, а следует излагать сведения, составляющие ядро курса. Необходимо также четко распределять все учебное время. В основе его распределения лежат, как известно, два документа: учебный план и график выполнения обязательных заданий. Мы стремимся, чтобы учебный процесс основывался на принципе планирования всего учебного времени студента, включая не только обязательные занятия по расписанию, но и его самостоятельную работу.

В свою очередь планирование самостоятельной работы студентов предполагает обязательный анализ бюджета времени. Важно четко определять время, фактически затрачиваемое студентами на различные виды учебных занятий. Это можно сделать многими методами. Например, можно провести устный опрос студентов, контрольное выполнение задания преподавателями, контрольное решение задания студентами в присутствии преподавателя, анкетирование студентов. И, конечно, важно обеспечивать выполнение в срок всех даваемых кафедрой заданий с тем, чтобы у студентов создалась полная уверенность, что при систематической работе они сумеют все их сделать.

В этих целях необходима соответствующая система руководства самостоятельной работой студентов, которая должна обеспечивать:

- равномерность самостоятельной работы студентов в отношении правильного ее объема по отдельным дисциплинам и по неделям семестра;
- постепенность перехода от простых к более сложным формам самостоятельной работы и развитие ее видов, включающих научно-исследовательскую деятельность студентов;

– овладение современными научными методами и приемами работы.

Однако при этом следует исходить из того, что управлять всем процессом усвоения знаний в вузе призван прежде всего лектор – наиболее компетентный человек в той области знаний, которыми он вооружает студентов. И хотя лекционный курс лишь часть дисциплины, именно от лектора зависит и выбор трактовки, и содержание обучения, а потому только он способен непосредственно руководить самостоятельной работой студентов.

На нашем факультете мы стремимся использовать все формы проведения самостоятельной работы студентов, подразделяя их на три вида:

1. Подготовительная самостоятельная работа студентов: подготовка к лекционным, семинарским и практическим занятиям и практикумам, изучение и комментирование основной и дополнительной литературы, подготовка к контрольным работам, тестированию, сдаче зачетов и экзаменов. В этих формах самостоятельной работы студентов преподаватели взаимодействуют со студентами в основном посредством консультаций, методических указаний и рекомендаций, осуществления текущего контроля с выставлением соответствующих оценок.

2. Образовательная самостоятельная работа студентов: подготовка рефератов по специальным (узким) вопросам, выполнение учебных курсовых работ, овладение программным обеспечением, компьютерной техникой, исследовательские работы учебного характера, подготовка учебных наглядных пособий, в том числе и мультимедийных. В этом случае основное взаимодействие со студентами преподаватели осуществляют уже посредством обязательных групповых или индивидуальных консультаций. Кроме того, кафедрой политологии подготовлено и издано для студентов учебно-методическое пособие «Подготовка и защита курсовой работы». Более строгими выглядят и формы контроля в соответствии с графиком учебных занятий.

3. Творческая самостоятельная работа студентов: учебно-исследовательские работы студентов, курсовые работы, научные стажировки, индивидуальные задания по практикам, научно-исследовательская работа студентов и др. Взаимодействие преподавателя со студентами – сугубо индивидуальное. Контроль – реальный выход исследования, сообщения, доклада на научной конференции студентов и преподавателей, публикации, статьи по научно-исследовательской работе, участие в конкурсах, олимпиадах и т. п.

Для организации творческой работы мы предусматриваем в расписании специальный день для самостоятельных занятий, даем студентам начальные знания по методологии и технологии исследования, обеспечи-

ваем квалифицированное руководство и техническое оснащение учебно-исследовательской работы (оборудование, литература, помещение).

Творческая самостоятельная работа студентов – основное связующее звено между высшей школой, наукой и производством, практикой. Выпускная квалификационная работа или другое реальное задание, выполненное по предложению той или иной организации, – не только завершение учебной работы, но и начальный этап практической деятельности специалиста. Уже один тот факт, что студент работает над реальным объектом в коллективе, в производственной обстановке, заключает в себе могучее воспитательное воздействие.

К сожалению, отражение реального практического опыта в учебном процессе и самостоятельной работе студентов связано с немалыми трудностями, обусловленными, с одной стороны, отсутствием заказов на политологические исследования, а с другой – сложившейся в последнее десятилетие практикой расчета учебной работы преподавателя в вузе: в ее объем руководство самостоятельной работой студентов теперь не включается. В связи с этим давно назрела необходимость обсуждения проблемы самостоятельной работы студентов и других вопросов, с ней непосредственно связанных.

Было бы полезным, на наш взгляд, также усилить внимание к вопросам организации самостоятельной работы студентов в вузах в плане методического обеспечения учебного процесса. Речь идет не только о разработках для обучаемых, но и о пособиях для преподавателей, прежде всего молодых, начинающих.

В литературе встречаются разнообразные подходы в толковании как понятия «самостоятельная работа», так и в классификации ее форм. Полагаем, что необходимо бы определиться в терминах и разграничить понятия «форма самостоятельной работы» и «метод самостоятельной работы». Следует также различать самостоятельную подготовку как разновидность учебных занятий в вузе и самостоятельную работу студентов как форму их деятельности на аудиторных занятиях и во внеучебное время.

Формами самостоятельной работы студентов во внеучебное время, очевидно, являются:

– Работа с источниками учебной дисциплины. Однако в рамках данной формы самостоятельной деятельности обучаемых нужно распознавать изучение различных источников: научных, учебных, первоисточников политической практики, а также материалов средств массовой информации и Интернета. Такое различие обусловлено особенностями методов работы с каждым из названных видов источников. Например, исследование научной литературы предполагает развитие навыков библио-

графического поиска, а изучение материалов Интернета возможно только при условии компьютерной грамотности студента.

- Ведение конспектов первоисточников.
- Подготовка к устным публичным выступлениям.
- Составление словарей (тезаурусов) по учебному курсу.
- Решение задач и проблемных ситуаций.
- Подготовка письменных работ.

Особенности каждого вида таких работ должны быть обеспечены соответствующими рекомендациями. Обычно называют три вида пособий: по написанию докладов (рефератов, эссе), курсовых работ и выпускных квалификационных работ. Полагаем, что отдельно можно также готовить пособия по учебно-исследовательской деятельности студентов, которые должны содержать не только тематику, перечень источников, но и краткие рекомендации по каждой теме.

Наконец, совершенствованию всего процесса подготовки политологов в немалой степени способствовало бы применение новых обучающих способов и технологий, отличных от традиционных. В частности, мы связываем большие надежды с внедрением методов интерактивного обучения – обучения через опыт. Есть еще одно определение интерактивного обучения – «обучение, погруженное в процесс общения», то есть основанное на взаимодействии студента с другими студентами и с педагогом.

К сожалению, мы привыкли к ситуации, когда на семинарских и практических занятиях отсутствует заинтересованное общение как между преподавателем и студентом, так и между студентами: преподаватель нередко занимается еще каким-либо делом во время выступления студента, его сокурсники выполняют свои отдельные задания, групповая коммуникация разорвана и распылена. Таким образом, слово учащегося на занятиях не превращается преподавателем в учебную ситуацию.

Можно ли так изменить учебную ситуацию, чтобы преподаватель из лектора превратился во внимательного, заинтересованного собеседника и опытного проводника? Безусловно, если освоить и внедрить такие методы интерактивного обучения, как «мозговой штурм», дебаты, различные виды учебных дискуссий, игровое моделирование, большие и малые ролевые игры, деловые игры, обучающие и метафорические упражнения и т. п., способствующие вовлечению студента в активный процесс познания и переработки знаний. Эти формы обучения важны и в вузе, поскольку позволяют каждому студенту включиться в обсуждение и решение проблемы, выслушать другие точки зрения, увидеть многомерность задачи.

Интерактивное обучение, основанное на взаимодействии с областью осваиваемого опыта, с тренером, друг с другом, – чрезвычайно долговременный процесс. Для того чтобы без потерь интегрировать его приемы в рамки вузовского учебного процесса, связанного с жесткостью учебного расписания, сменой видов занятий, кабинетов и т. д., необходимо использовать самые разнообразные интерактивные способы взаимодействия с аудиторией.

Очевидно, что полный цикл интерактивного обучения трудно осуществить во время классического вузовского семинара, не создав для этого специальных условий. Оптимальным способом его организации, на наш взгляд, является тренинг.

Есть множество определений тренинга. Вот только некоторые из них:

Тренинг – это тренировка, в результате которой происходит формирование и отработка умений и навыков эффективного поведения.

Тренинг – форма активного обучения, развитие умений и навыков.

Тренинг – метод создания условий для самореализации.

Тренинг – совокупность активных методов, которые используются с целью самопознания и саморазвития.

Тренинг представляет собой сложно организованную деятельность, включающую в себя одновременно несколько функций:

– коммуникативную – установление эмоциональных контактов среди учащихся;

– информационную – обеспечение участников необходимой информацией, без которой невозможно реализовывать совместную деятельность;

– обучающую – развитие общеучебных умений и навыков (анализ, синтез, постановка целей и т. п.);

– интерактивную – возможность создания на основе индивидуальных вкладов каждого участника в общее дело динамики развития предмета (переход от старых знаний к созданию новых) и совместной деятельности (от единичного взаимодействия к полномасштабному сотрудничеству);

– релаксационную – учитывая то, что интенсивные формы работы иногда создают дополнительную нагрузку на нервную систему, необходимо в этом случае включать специальные упражнения на снятие негативного эмоционального и физического напряжения*.

Обязательная составляющая часть интерактивного обсуждения, игры, групповой деятельности – результаты. Применяются различные формы

* См.: Вакуленко, В. Интерактивные формы на семинарах учителей (как организовать тренинг) : методическое пособие по организации обучения учителей преподаванию права / В. Вакуленко, Н. Михайлова, С. Юсфин. – М., 1999.

и способы оценивания эффективности интерактивной деятельности и критерии оценивания.

В вузовских условиях это могут быть текущие и семестровые оценки (упомянем очевидную узость диапазона пятибалльной системы и выскажем пожелание ввести, хотя бы для внутреннего, тренингового использования, разработанную совместно со студентами семи-, десяти-, стобалльную систему, которая имела бы таблицу соотношений с общепринятой), подготовленные доклады и рефераты по соответствующей тематике, выступления на факультетских, вузовских и межвузовских конференциях, олимпиадах, отзывы коллег-преподавателей об изменении морального климата в группе и на занятиях.

Одним из самых объективных методов оценки, на наш взгляд, может стать метод сравнения с контрольной группой – группой, курсом, в которой проводятся «нетрадиционные» уроки без элементов тренинга и интерактива. Мы убеждены, что результаты такой сравнительной оценки будут в пользу инноваций.

Распространено мнение, что интерактивные методы обучения применимы чаще всего на семинарах, коллоквиумах или практикумах. В последнее время мы стали практиковать и так называемые интерактивные лекции, когда студентам еще до лекции раздается материал, который планируется изучить и в некоторых случаях, по усмотрению преподавателя, вопросы к нему.

На лекции рассматриваются заранее поставленные перед студентами вопросы, а также те проблемы, которые вызвали у них интерес или какие-либо затруднения при их изучении.

Раздаточные материалы должны включать в себя тексты и научные работы, отражающие различные точки зрения на одни и те же проблемы. Студенты должны иметь представление о взглядах различных ученых и уметь делать свои выводы на их основе. Роль преподавателя в данном случае – объяснить студентам направления в изучении темы и разъяснить возникающие у них в этой связи вопросы. Данный вариант развивает аналитические способности студента, умение аргументировать свою точку зрения, приучает к самостоятельной работе с источниками и документами. Таким образом, он превращается из пассивного, которому предлагается определенный объем информации, в активного, обладающего определенным контролем над объемом и качеством получаемых знаний.

Подготовке будущих специалистов к решению профессиональных задач на основе соединения теоретического обучения с практическим закреплением имеющихся навыков и умений способствуют также такие но-

вые формы обучения, как различные деловые игры: ролевые, имитационные, организационно-деятельностные.

Деловые игры в той или иной форме проводятся давно, в том числе и в нашем университете. Интерес к такого рода учебному занятию вызван прежде всего тем, что, во-первых, при использовании деловых игр процесс обучения приближен к реальной практической деятельности обучаемых, так как в деловой игре всегда используется, имитируется конкретная проблемная ситуация, во-вторых, она является игровым методом обучения и, в-третьих, коллективным методом обучения.

Участие студентов в деловых играх предполагает их хорошую предварительную самостоятельную подготовку, поэтому кафедра уделяет большое внимание подготовке учебно-методических материалов по организации и проведению деловых игр. На каждую деловую игру разработаны методические рекомендации как для преподавателя, так и для студентов. В методических рекомендациях для преподавателей по организации и проведению деловой игры отражаются:

- цели занятия;
- учебно-наглядное обеспечение;
- методы проведения;
- действия преподавателя по предварительной методической подготовке студентов к деловой игре (постановка задач, консультации, деление группы на игровые коллективы, распределение ролей и т.д.);
- подробный сценарий деловой игры, начиная со вступительного слова преподавателя и заканчивая подведением итогов деловой игры.

Накануне игры, за несколько дней до ее проведения, каждый студент получает методические рекомендации по подготовке к ней. В этих рекомендациях поставлена цель предстоящей деловой игры, приведено содержание проблемной ситуации, выносимой на игру, дан перечень учебно-методических материалов, которые необходимо изучить (повторить) самостоятельно, приведены контрольные вопросы, на которые следует подготовить ответы в ходе деловой игры и представить преподавателю в виде проекта решения, сообщения и пр. Проведение деловой игры особенно важно на заключительном этапе изучения предмета. К этому времени студенты накапливают известный уровень знаний, умений и навыков, опыт самостоятельной работы. Деловая игра должна быть обязательно профессионально направленной.

Сказанное свидетельствует о почти неисчерпаемых перспективах в совершенствовании системы подготовки политологов на основе соединения теоретического обучения с практическим.

В этой связи было бы целесообразно организовать постоянный форум для преподавателей, на котором можно было бы, обсуждая проблему «Чему и как следует учить будущих политологов», описывать свой опыт и трудности, дискутировать по конкретным вопросам, вырабатывать (если это возможно) общие представления о целях, содержании и методах, обсуждать существующие программы и учебники, а также вопросы о специализации студентов. Очевидно, таким форумом мог бы стать общедеревальный журнал «Политическое образование и наука», инициативу издания которого мог бы взять на себя научно-методический совет по политологии Министерства образования Российской Федерации.

Н.П. Медведев

СТАБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ТЕОРИЯ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Одна из главных проблем современной России заключается в научном обосновании перспектив и современных моделей развития различных сфер общественной жизни в условиях модернизации политической системы и поиске эффективных форм государственного управления. В этой связи проблема политической стабильности в Российской Федерации является важной теоретической и практической задачей. При этом в условиях российского политического транзита речь идет о фундаментальных и стратегических вопросах, связанных со способностью модернизированной российской политической системы обеспечить на перспективу стабильность и порядок в обществе.

В литературе существует широкий диапазон подходов к пониманию категорий внутренней политической стабильности государства¹. Поскольку государство по своей сущности есть политический инструмент, то его стабильность связывают прежде всего с жизнью соответствующего общества, и в той мере, в какой государство ощущает воздействие со стороны этого общества, говорят о «внутренней» стабильности, имея в виду, что взаимодействие со стороны других обществ и государств инициирует проблемы «внешней» стабильности данного государства.

Стабильность – один из важнейших компонентов любого государства, сущностная характеристика его политической системы. Под стабильностью государства часто понимается тенденция основных элементов его политической системы оставаться в рамках определенных и заранее установленных ограничений, даже если система испытывает воздействие со стороны среды. При этом нередко различается структурная стабильность государства, то есть продолжение во времени функционирования госу-

дарственного механизма без каких-либо значительных изменений его существенных элементов, и динамичная стабильность, под которой понимается движение государственного механизма к восстановлению равновесия, нарушенного воздействием внутренних или внешних сил. Обладая достаточной динамичной стабильностью, государство погашает испытываемые им воздействия среды за счет трансформации своего механизма, видоизменяя лишь отдельные его элементы. Структурная же нестабильность государства является уже следствием таких воздействий, которые приводят к изменению этой системы, к комплексному преобразованию всех ее существенных элементов².

Проблема политической стабильности действительно возникает в связи с процессом взаимодействия государства как политической системы и общества как его среды. Любое государство, каким бы оно ни было по своей природе, всегда взаимодействует с обществом и поэтому ощущает и реагирует на его воздействия. Однако когда политическая система подавляет общество, то стабильность достигается насильственной ориентацией государства на неизменность своей структуры. Если же государство воспринимает стратегию развития, поворачиваясь лицом к современной цивилизации, то оно не может не изменять свою структуру с учетом процессов развития, происходящих в обществе, не соразмерять свое устройство, режим и власти с постоянно меняющимися условиями и своей внутренней, и внешней среды. Концепция стабильности как неизменности политической системы, являвшаяся в годы застоя самоцелью Советского государства, в результате фактически изменившихся национально-государственное устройство и политический режим страны событий 1991 года не может ныне не уступить место концепции стабильности как устойчивости или направляемости политического развития, исходящей из предположения о возможности политической системы управлять социальными процессами, контролировать их функционирование, изменяя в этих целях, если потребуются, собственную политическую структуру.

По выражению известного политолога Э. Хейвуда, «государство должно иметь возможность поддерживать свое собственное существование и вместе с тем функционирование той или иной политической системы внутри себя. Здесь поэтому в первую очередь следует говорить о том, сколь прочна данная политическая система, сколь сильны ее исторические корни, от всего этого зависит способность государства сдерживать или разрешать возникающие в обществе конфликты»³.

Взаимодействие государства и общества в техническом смысле может быть представлено как управление исполнением и санкциями, с одной стороны, и как народная поддержка и манифестируемая оппозиция –

с другой⁴. Иными словами, взаимодействие политической системы и социальной среды, представляемой теми или иными группами или организациями, описывается в широком диапазоне взаимодействий – от сотрудничества до конфликта. И если одна или обе стороны в этом парном взаимодействии встают на путь внутреннего конфликтного поведения, то стабильность политической системы начинает зависеть от ее способности управлять возникшим конфликтом с обществом.

Сохранение государством своей структуры, как утверждает, в частности, В.-Д. Эбервайн, является совокупным положительным результатом: 1) оппозиции, выраженной в тех или иных формах влияния общества на власть, режим или общность; 2) правительственных санкций по предотвращению или подавлению этой оппозиции; 3) поддержки власти, режима или общности государства со стороны общества.

Очевидно, что при недостатке поддержки со стороны общества и неэффективности санкций воздействие оппозиции может достичь такой степени, при которой структурная нестабильность приведет к радикальному изменению власти, режима или целостности государства.

Стабильность государства, следовательно, производна от уровня и интенсивности происходящих в нем политических конфликтов, через которые непосредственно и проявляются как оппозиция или поддержка обществом власти, режима и целостности государства, так и правительственные санкции против оппозиции.

Нет нужды доказывать, сколь важное значение имеет политическая поддержка для обеспечения стабильности существующей политической системы.

Антиэнтропийная направленность политической поддержки объясняет позицию Д. Истона, который отождествляет стабильность с тем качеством функционирования конкретной политической системы, которая обеспечивает достаточную поддержку режима и власти со стороны общества. Иначе говоря, намерение стабильности власти, согласно этому взгляду, описывается в рамках процесса их политической поддержки⁵.

Истоновский взгляд на эту проблему развивался целым рядом западных исследователей. В частности, В.-Д. Эбервайн рассматривает политическую поддержку, наряду с оппозицией, санкциями и политическим насилием, в качестве составного элемента концепции политической стабильности. Он исходит из многомерности и комплексного понимания категории политической стабильности, в рамках которого стабильность выступает не эквивалентом неизменности существующих политических структур, а рассматривается в качестве процесса, обусловленного сложной структурой взаимодействия государства и общества. Думается, что

в применении к российской политической системе переходного типа этот подход позволяет адекватно описать существующую реальность. Таким образом, политическая поддержка теснейшим образом сопряжена с оценкой качества функционирования различных уровней политической системы – власти, режима и политической общности. При этом в ряде случаев категория поддержки получает расширительное толкование, включая в себя позитивные и негативные оценки функционирования различных уровней политической системы. На наш взгляд, подобная расширительная интерпретация категории поддержки игнорирует ряд существенных различий между собственно поддержкой и оппозицией как двумя сторонами отношения общества к государству.

Дело в том, что политическая поддержка в узком смысле этого термина манифестируется прежде всего в ходе рутинных процедур демократического процесса, таких, как выборы, референдумы и т.п. В крайнем случае речь может идти о массовых мероприятиях в поддержку конкретных лиц либо политических движений в рамках избирательных кампаний. Иначе обстоит дело с политической оппозицией власти, режиму и общности. Открытое выражение протеста, даже в рамках демократических политических систем, требует совершенно иных механизмов мобилизации.

Расширительное толкование категории политической поддержки игнорирует эти различия. Концепцией политической поддержки охватываются как оценочные ориентации политических акторов, так и их политическое поведение. В соответствии с этим различаются латентная поддержка, выражаемая в политических установках личности, то есть в ее поведенческой предрасположенности, и манифестируемая поддержка, проявляемая в параллельном действии политических акторов. Поскольку манифестация поддержки происходит во время выборов, плебисцитов, референдумов и т.д., решающее значение для прогнозирования исхода подобного рода политических мероприятий может иметь определение уровня латентной поддержки.

Вместе с тем переходный период в жизни российского общества ставит перед исследователями множество дополнительных проблем. В частности, огромное значение приобретает точность и адекватность оценки характера, места и потенциала новых российских элитных групп в политической жизни общества. В связи с этим, помимо разделения поддержки на латентную и манифестируемую, возникает необходимость введения понятий элитной и массовой поддержки.

В научной литературе в рамках теории элит существует множество определений данной категории. В их числе наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, организованное

меньшинство общества; люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой, наивысшим чувством ответственности и т.д.

В.-Д. Эбервайн отнюдь не случайно вводит в свою модель категорию элитной поддержки только применительно к политическим системам стран так называемого «второго» и «третьего» мира. В силу того, что особенностью данных систем является господство патронимических, корпоративистских и т.п. моделей отношений, подобное допущение выглядит вполне оправданным. Поскольку большинство этих государств репрессивны, массовая поддержка во многих случаях не является фактором политической стабильности.

Названные выше критерии позволили В.-Д. Эбервайну считать, что если «западные» системы полностью зависят от массовой поддержки, то в странах «второго» мира на массовую поддержку отводится лишь 25 процентов объема общей поддержки, а остальная часть приходится на элиту⁶.

Обращая внимание на некоторую произвольность такого утверждения, заметим вместе с тем, что степень демократичности конкретного государства непосредственно указывает на необходимый для обеспечения его стабильности баланс между обоими видами поддержки. Именно авторитарные политические режимы заинтересованы в консолидации и укреплении статуса элиты, получая от нее взамен ту поддержку, которая в виду присущей им оторванности от волеизъявления масс, становится для этих режимов жизненно необходимой в качестве средства поддержания системного равновесия.

Если спроецировать эти подходы на российскую политическую действительность, то в условиях нынешней России, на наш взгляд, следует выделить четыре основные элитные группы:

– политическая элита, в которую входят работники аппарата органов государственной власти и управления, включая депутатов представительных органов власти всех уровней;

– военная элита, в которую входят старший офицерский состав Вооруженных сил и ответственные сотрудники сил внутренней безопасности (ФСБ, МВД России и т.п.);

– бизнес-элита;

– гражданская элита, включающая в свой состав руководителей системы образования, здравоохранения, культуры и социального обеспечения, а также средств массовой информации.

Предлагаемая модель исходит из допущения того, что значительная часть граждан современной России в силу доминирования неизжитых архетипов патронимического мышления, особенностей складывающейся

корпоративной этики или иных причин прочно связана с соответствующими элитными группами. При этом отличительной чертой не только электорального, но и в целом политического поведения таких граждан является размытость их представлений о роли, особенностях и порядке функционирования приобретающей демократические черты политической системы страны, а также о собственном месте в рамках данной системы. Как следствие, формирование политических предпочтений и их экспликация практически полностью контролируются и направляются теми или иными элитными группами.

Таким образом, под элитной поддержкой понимается не только поддержка власти, режима или политической общности со стороны самих элит, но и контролируемых ими наименее затронутых процессами модернизации и демократизации групп населения.

Что касается массовой поддержки, то ее определение в рамках данной модели весьма специфично. Если в западной литературе под массовой поддержкой, как правило, понимается поддержка со стороны самых широких слоев населения, то в российских условиях следовало бы иметь в виду поддержку наиболее модернизированной, самостоятельно мыслящей части населения, не контролируемой перечисленными выше элитными группами.

В рамках концепции политической поддержки Д. Истоном и целым рядом его последователей, помимо специфической поддержки властей, опирающейся на оценку конкретных решений, политического курса, совокупности политических действий, публичных заявлений, общего «стиля руководства» и, наконец, личностных качеств политических лидеров, выделяется уровень так называемой диффузной поддержки, распространяющейся прежде всего на политический режим.

В отличие от специфической диффузная поддержка основывается в сущности на том, что представляет собой тот или иной объект оценки, а не на характере и правомерности его действий. Иными словами, диффузная поддержка воспринимается в качестве своеобразного «резервуара благоприятных аттитюдов (ориентаций) или же заряда доброй воли, который помогает членам сообщества принимать или терпеть такие результаты или такие последствия деятельности правительства, по отношению к которым они находятся в оппозиции или которые рассматриваются ими в качестве наносящих ущерб их собственным устремлениям»⁷.

Отличительной особенностью диффузной поддержки выступает ее тесная взаимосвязь с процессами социализации и приобретения индивидом личного жизненного опыта, в то время как специфическая поддержка сохраняет ориентацию на личные интересы.

Важнейшими компонентами диффузной поддержки выступают:

– доверие, которое возникает в силу удовлетворения политических акторов теми процессами, посредством которых управляется страна, то есть удовлетворения совокупностью норм и процедур, ролевой структурой политических отношений или, иными словами, правилами политической игры, формирующимися в рамках того или иного политического сообщества;

– легитимность – вера в правомерность существующего порядка вещей.

К числу основных факторов, воздействующих на массовую поддержку режима, относятся:

– эффект долговременного democratic performance;

– наличие экстремистских организаций;

– уровень проникновения государства в общество и экономику;

– темпы экономического роста.

Эффект democratic performance отражает характер средств, с помощью которых осуществляются властные полномочия. Подобные средства могут быть как чисто принудительными (опора властей на санкции и репрессивный аппарат), так и кооперативными (консенсусная модель взаимоотношений).

Наличие экстремистских организаций, нацеленных на дестабилизацию политической системы и представляющих собой организационную основу для антирежимной деятельности, однозначно выступает фактором, способствующим снижению массовой поддержки режима.

Уровень проникновения государства в общество и экономику отражает степень регулирования социально-экономических процессов. При этом сам по себе уровень вмешательства государства в перераспределение национального дохода не является однозначно негативным или, напротив, позитивным фактором с точки зрения поддержки режима. Определенное (положительное или отрицательное) значение приобретает им в зависимости от общей экономической ситуации и в конечном счете от темпов роста экономики. Положительные темпы роста расширяют ресурсную базу режима.

Основным фактором элитной поддержки выступает уровень социально-экономического развития, который определяет объем ресурсов, подлежащих перераспределению между различными элитными группами, а также уровень конкуренции по поводу распределения ресурсов в рамках конкретных элитных групп.

При разработке модели поддержки политического режима нельзя не учитывать специфичность ситуации, в которой оказалась ныне Россия. Совместными усилиями всех трех ветвей государственной власти ее ав-

торитет низведен сейчас, по-видимому, до отметки сомнительной поддержки. Современное Российское государство нередко утрачивало доверие общества, поэтому надеяться, что в этих условиях может быть выработан и внедрен свод универсальных, пользующихся всеобщим уважением правил, просто нереально, так как эти правила меняются с приходом новой власти и элиты. Обратная сторона недоверия к правилам – ориентация на конкретные личности, поэтому в течение обозримого будущего фактор харизматичности руководства России по-прежнему будет иметь ключевое значение.

С другой стороны, в процессе анализа невозможно игнорировать особенности «догоняющего» на протяжении последних столетий типа развития Российского государства, многократно усиленные в наши дни переходом от аномалий тоталитаризма к не менее пока чуждой для большинства россиян либерально-демократической модели политического развития.

Прежде всего эти проблемы касаются немодернизированной или в слабой степени модернизированной части населения, находящейся под прямым влиянием региональных или муниципальных элит, которая не способна в данных обстоятельствах провести четкую грань между властным и режимным уровнями и в лучшем случае может дать лишь инструментальную либо харизматическую оценку властей, автоматически экстраполируя ее результаты на поддержку политического режима. Именно в силу этого обстоятельства элитная поддержка политического режима в России, то есть поддержка со стороны мобилизуемых элитой наименее модернизированных социальных групп, рассматривается в качестве эквивалента поддержки политических властей.

Как показали прошедшие в декабре 2007 года выборы депутатов Государственной Думы пятого созыва, российская политическая практика не всегда строится на основе теоретических моделей, известных в политической науке и широко используемых политической элитой большинства государств с демократической системой управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Хейвуд, Э. Критерии стабильности // Политология. – М., 2005. – С. 502–504; Медведев, Н.П. Политическая стабильность // Политические институты и процессы: сравнительные исследования. – М., 2006. – С. 14–28; Скакунов, Э.И. Политическая стабильность: в поисках концепции // Рабочие тетради / ЦММИ ДА МИД РФ. – 1992. – № 1; Dowdiny, K.M. The Meaning and Use of «Political Stability» / K.M. Dowdiny, R. Kimber // European Journal of Political Research. – 1983. – № 11. – P. 229–236; Sanderrs, D. Patterns of Instability. – N. I., 1981. – P. 1–21.

² См.: Frankey, I. Contemporary International Theory and the Behavior of States. – Oxford, 1979. – P. 68.

³ Хейвуд, Э. Функционирование политической системы // Политология. – М., 2005. – С. 502–503.

⁴ См.: Eberwein, W.-D. Domestic Political Processes // The Globus Model Computer Simulation of Worldwide Political and Economic Developments. – Boulder, 1987. – P. 176.

⁵ См.: Easton, D. System Analysis of Political Life. – N.J., 1965. – P. 52.

⁶ См.: Eberwein, W.-D. Op. cit. – P. 245.

⁷ Easton, D. Re-Assesment of the Concept of Political Support // British Journal of Political Science. – 1975. – P. 444.

В.Е. Южанин

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МНОГОКРАТНЫЙ РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства не различало собственно рецидив преступлений и повторение преступлений. Последнее включало в себя совершение более одного преступления до осуждения и после осуждения. При этом законодатель обращает внимание на многократное (три и более раз) повторение преступлений как на особое обстоятельство, влекущее усиление ответственности, что свидетельствует об упорстве лица в достижении преступных целей, его неисправности и профессионализме.

Впервые «повторение преступлений» упоминалось в 1397 году в Псковской судной грамоте (ст. 8) и Двинской уставной грамоте (ст. 5). В качестве повторных преступлений в них выделялось лишь воровство (татьба), под которым понималась группа имущественных преступлений. При этом усиление ответственности предусматривалось за рецидив воровства, то есть его повторение после осуждения за предыдущее воровство. Примечательно еще и то, что за воровство в третий раз после осуждения за два предыдущих применялось наказание в виде смертной казни. Так, статья 8 Псковской судной грамоты гласит: «Если что-либо будет украдено на посаде, то дважды (вора) милуя, не лишая жизни, а уличив в третий раз, то в живых его не оставлять (так же), как вора, обокравшего Кремль»¹. То же самое предусматривалось и по Двинской уставной грамоте: «А уличат в третьие, ино повесити...»².

Таким образом, впервые на Руси указанные грамоты устанавливали повышенную ответственность за многократное (рецидивное) совершение преступлений. Различались простой и сложный рецидив воровства и предусматривалась дифференциация ответственности за них. По всей видимости, существовало представление о несправимости преступника, о чем свидетельствовало применение смертной казни за совершение третьего воровства после наказания за два предыдущих.

Следующими нормативными актами, в которых получило развитие многократное повторение преступлений, являются Судебник 1497 года и Уставная книга Разбойного приказа. Это время экономического подъема Руси, усиления политического влияния дворянства, начала закрепощения крестьян, завершения централизации государства.

Судебник 1497 года впервые ввел понятие «лихого человека», которым могло быть признано лицо не по составу преступления, а по опасности личности. «Применение смертной казни в зависимости от личности преступника, а не от состава преступления явилось ярким отражением усиления классового террора в период создания Судебника и феодально-сословного характера права»³. При этом Судебник выделял «квалифицированный» вид лихого человека – ведомого лихого человека. Им могло быть лицо, совершившее по злой воле особо опасное преступление (например, поджог) и совершающее преступления в качестве своего основного занятия.

Помимо кражи (татьбы), Судебник 1497 года уже знал усиление наказания за разбой, совершенный ведомым лихим человеком (ст. 8). Более конкретно ответственность за разбой регламентировалась статьей 10 Уставной книги Разбойного приказа. «По боярскому приговору, данному в Разбойный приказ Борисом Годуновым, смертная казнь применялась к тем разбойникам, которые участвовали в одном разбое, но в нем было совершено убийство или поджог, или к лицам, участвовавшим в трех и более разбоях, хотя бы без убийства и поджога. Разбойники, сознавшиеся в одном или двух разбоях, но без убийства и поджога, заключались в тюрьму и до государства указа»⁴.

Таким образом, согласно Судебнику 1497 года и Уставной книге Разбойного приказа предусматривалось усиление ответственности соответственно за совершение преступления ведомым лихим человеком в качестве своего основного занятия и лица, участвовавшего в трех и более разбоях.

Хотя по Судебнику 1497 года и последующему после него Судебнику 1550 года смертная казнь предусматривалась за вторую татьбу, однако акты местного управления (избные и земские грамоты, наказы) – только лишь за третью и последующие татьбы. Так, в соответствии со статьей 11

Медынского наказа «за первую кражу вора били кнутом и сажали в тюрьму, если не было людей, которые могли бы за него поручиться. За вторую татьбу после бития кнутом отсекали руку, а третья и последующие кражи влекли за собой смертную казнь»⁵.

Особое внимание заслуживает Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года, которое знало квалифицированные виды кражи, одним из которых являлось совершение кражи в третий раз. Так, статья 12 определяла: «А приведут татя, а доведут на него татьбы три или четыре или больши: и того татя пытав казнити смертию, хотя он и убийства не учинил, а животы его отдать истцом в выт». Как видно, за подобную кражу виновный подвергался смертной казни.

С 1649 года до начала самостоятельного правления Петра I (в 1696 г.) появляется большое количество различных законодательных актов, выраженных в форме царских указов, боярских приговоров, соборных определений и др. Одним из таких актов были Новоуказанные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах 1669 года, являющиеся крупнейшими памятниками истории русского уголовного права. Новоуказанные статьи в ряде случаев отменяют пытку, смягчают членовредительские наказания, стремятся по мере возможности заменить тюремное заключение ссылкой в Сибирь или окраинные города и т.д. Судебная практика также допускала отступления в сторону смягчения наказания.

Однако статья 10 Новоуказанных статей устанавливает правило усиления ответственности за повторность преступлений, согласно которому предусматривалась смертная казнь за троекратное и более (систематическое) совершение кражи. «А будет проведут татя, и заведут на него татьбы три, или четыре, или больше, и того татя пытав, казнити смертию, хотя он и убийства не учинил, а животы его отдать истцам в выти». Причем послаблений в отношении многократных воров ни при каких условиях не допускалось. По другим случаям смертная казнь, предусмотренная в законе, могла быть фактически и не применена.

В Новоуказанных статьях отдельно устанавливается ответственность по предмету кражи. Так, статья 15 предусматривает: «А будет кто из кого из пруда или из саду рыбу покрадет, и того татя изымают с поличным, а сыщется про то в правду, что он покрад в первые, и такого бить батоги; а будет в другие также с поличным изыман будет, и такого за такую вину быть кнутом; а будет в третие тот же изыман с поличным, и тому отсечь рука, и дав ему против осмой статьи письмо, отпустить на старину, а покраденое отдать истцу, или из животов его цену заплатить»⁶.

Как вытекает из приведенной нормы, ответственность дифференцируется в зависимости от того, украл виновный в первый, во второй или в третий раз.

Новоуказанные статьи вынуждены были обобщить и систематизировать, а в отдельных случаях и уточнить положения множества нормативных актов о разбое. Так, например, они предусмотрели, что объектом усиленной ответственности в разбойном процессе мог быть лишь «ведомый лихой человек», сделавший разбой своим основным занятием, в связи с чем главной задачей в этом процессе являлось выявление преступного прошлого лица⁷.

Государственные преобразования в эпоху Петра I потребовали принятия новых законодательных актов, регулирующих уголовную ответственность. Они формулировали устрашение как одну из основных целей применения наказания, что отразилось и на ответственности за рецидив преступлений, в том числе и за многократный. Так, например, Указ от 10 ноября 1721 года признавал рецидивом лишь третье воровство, а второе подпадало под понятие «повторение» и не влекло за собой усиления наказания.

Наибольший интерес из уголовно-правовых документов петровского времени представляет Артикул воинский 1715 года с кратким толкованием, предусматривавший усиление карательной политики, несоответствие между тяжестью преступления и характером наказания. Чаще наказанием была смертная казнь различных видов: простая (расстрел, повешение, отсечение головы) и квалифицированная (четвертование, колесование, заливание горла металлом, сожжение и др.). Применялись также телесные наказания: болезненные (битие кнутом, шпицрутенами) и членовредительские (отсечение руки, пальцев, носа, ушей и т.д.).

Глава первая Артикула посвящена преступлениям против веры. Артикулы 6 и 15 касаются ответственности за рецидив подобных преступлений, и наказание предусматривается лишь за учинение третьего. «А ежели слова одного ручателя никакова богохуления в себе не содержат, и токмо из легкомыслия произошли, а учинителя то единожды или дважды, тогда имеет преступитель четырнадцать дней в железа заключен быть и жалование его на месяц в шпигаль вычтено, или гонянием шпицрутен наказан, а в третие аркибузирова (разтрелен) быть» (артикул 6)⁸. Таким образом, за причинение третьего подобного деяния виновный подлежал расстрелу.

Согласно артикулу 15 предусматривалась ответственность священников за отправление службы в пьяном виде: за первый и второй раз полагалось «от начальника священника при войске жестокого за то наказан», а за третий «к духовному суду отослан и потом своего чина и достоинства лишен будет»⁹. Как видно, наиболее строгое наказание опять следовало за третье нарушение. Практически то же самое наблюдается и при определении ответственности за имущественные воинские преступления, ко-

гда, например, «есть ли кто свой мундир, ружье проиграет, продаст или в заклад отдаст, оный имеет в первые и в другорядь жестоко шпицрутенами, и заплатою утраченного наказан, а в третье розстрелян быть»¹⁰. Расстрел за подобное деяние, совершенное в третий раз, – очень суровая мера.

Артикулы 189 и 191 предусматривали усиление ответственности за квалифицированную кражу, причем она впервые в русском законодательстве дифференцировалась в зависимости и от суммы похищенного, и от количества совершенных краж. Так, артикул 189 устанавливал наказание за первую и вторую кражи на сумму, не превышающую 20 рублей, соответственно «шестью сквозь полк прогнать шпицрутен», а «в другорядь двенадцатью», а за третью – «отрезав нос и уши, сослать на каторгу, а украденное всегда от него отобрать». Согласно же артикулу 191 за кражу ценою более 20 рублей, а также совершенную в четвертый раз, преступник подвергался смертной казни через повешание.

Таким образом, по Артикулу воинскому 1715 года усиление наказания предусматривалось за третий и последующие рецидивы преступлений – от членовредительства и каторги до расстрела или повешения.

Как известно, в середине XIX века обострилась классовая борьба и правительство вынуждено было усилить уголовную репрессию. Так, согласно статье 113 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года возрастает ответственность за заранее непреднамеренное преступление, совершенное в третий раз. Данная ответственность приравнивается к ответственности за заранее обдуманное умышленное преступление, совершенное в первый раз. Дословно текст этой статьи выглядит следующим образом: «Учинивший какое-либо преступление, хотя и без обдуманного заранее намерения или умысла, но в третий раз, наказывается столь же строго, как учиненное в первый раз с обдуманным заранее намерением или умыслом»¹¹.

По Уложению впервые специальное повторение преступлений признавалось более общественно опасным, чем общее. Однако за общее повторение усиливалось наказание лишь в случаях, когда преступление совершено в третий раз. Так, статья 138 определяет, что «в случае, когда закон не назначает именно наказание за повторение того же преступления, или же за учинение оно в третий или четвертый раз и т.д., суд назначает всегда самую высшую меру наказания за то преступление или за повторение оно, или же за учинение в третий раз определенного»¹².

Особое место среди правовых актов проводимой в стране судебной реформы занимает Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года, так как в нем впервые был определен срок в 1 год, 2 года и т.д.

в зависимости от характера преступления, по истечении которого повторное преступление не могло быть признано рецидивным.

Однако ни в Уложении 1845 года, ни в указанном Уставе, ни в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года не было специальных норм, предусматривавших усиление ответственности за многократный рецидив преступлений. Лишь только в Уложении 1903 года были предусмотрены обстоятельства, усиливавшие ответственность многократных рецидивистов. Так, согласно статье 64 лицу, учинившему до провозглашения приговора два и более тождественных или однородных преступных деяний по привычке к преступной деятельности или вследствие обращения такой деятельности в промысел, ему определяется ответственность по правилам о совокупности, если закон не предусматривал за это особого наказания.

Далее статья определяет, что «сверх того суд может, назначая как тягчайшее наказание:

1) каторгу без срока, – воспретить перевод на поселение ранее истечения двадцати лет;

2) срочное лишение свободы, – продлить, если в законе назначен предельный высший срок – до высшего размера такого рода наказания, а если предельный высший срок не назначен, то каторгу – до двадцати лет, заключение в исправительном доме и крепости – до двух лет и арест до одного года;

3) денежную пеню, – определить, кроме того, арест на срок не выше одного месяца»¹³.

Таким образом, в данной статье за совершение преступной деятельности в виде привычки (или промысла) лицо, помимо основного наказания, подвергалось дополнительному воздействию или в виде воспрепятствования перевода на поселение, или в виде продления срока лишения свободы, или определения дополнительного, более строгого наказания (ареста), что являлось новым в уголовном законодательстве XIX века.

Можно сделать и другой вывод: законодатель предусматривал усиление меры борьбы с профессиональными преступниками, которые набирали силу в начале XX века.

Будучи министром юстиции того времени, И.Г. Щегловитов относительно подобных нововведений Уголовного уложения писал, что «касается собственно индивидуализации карательных мер в соответствии с подразделением преступников на случайных и профессиональных, то в этом отношении уголовное уложение ограничивается усилением репрессии для преступников обычных и рецидивистов...»¹⁴.

Первые годы советской власти, связанные с Гражданской войной, привели к падению экономики, разрухе, голоду. К тому же армию пре-

ступников пополняли деклассированные элементы, превратившие преступную деятельность в постоянное средство существования. В стране процветала профессиональная преступность. На это реагировали законы, в которых можно было встретить такие термины: «совершение преступления в виде промысла», «упорный рецидив», «систематически», «профессиональный преступник», «особо социально опасный»¹⁵ и пр. Усиливались меры в отношении лиц, систематически совершающих преступления, занимающихся профессиональной преступной деятельностью. Так, в соответствии со статьей 29 Временной инструкции «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» от 23 июля 1918 года распределительная комиссия наделялась правом представлять в местный революционный трибунал лиц, причисляемых к типу хулиганов, погромщиков или упорных рецидивистов, для решения вопроса о дальнейшей их изоляции после отбытия наказания. Здесь под упорным рецидивистом скорее всего подразумевалось лицо, трудно поддающееся исправлению. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года предполагали учитывать при назначении наказания, совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным (ст. 11), при этом согласно статье 11 профессиональным преступником (рецидивистом) могло быть признано судом лицо, преступная деятельность которого свидетельствовала о стойкости преступных устремлений.

Уголовный кодекс (УК) РСФСР 1922 года предусматривал как тождественные термины «профессиональный» и «промысел» и впервые разделял понятия «рецидивист» и «профессиональный преступник». Так, статья 25 требовала при назначении наказания учитывать, совершено ли преступление «профессиональным преступником или рецидивистом или оно совершено в первый раз»¹⁶.

В этом УК уже нашли отражение идеи социологической школы науки уголовного права, когда те или иные статьи в силу специфики совершенного преступления, связанной с профессиональной деятельностью преступника, могли признать его социально опасным и предусматривали соответствующую дополнительную меру наказания и меру социальной защиты. Так, согласно статье 48 «лица, осужденные судом и признанные им социально опасными вследствие систематических злоупотреблений при занятии своей профессией или промыслом при исполнении должности, могут быть приговором суда лишены на срок не свыше пяти лет права заниматься данной профессией или промыслом или принимать на себя выполнение определенных обязанностей». Как видно, подобную ответ-

ственность могли нести и рецидивисты, систематически занимающиеся преступным промыслом.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года также использовал для обозначения множественности преступлений такие термины, как «в виде промысла», «систематически», «неоднократно» и др. Этот Кодекс стремился к расширению сферы уголовной репрессии за систематическое повторение не только тождественных и однородных преступлений, составляющих основу профессиональной преступности, но и, что характерно, неоднородных преступлений. Эта тенденция сохранилась и в последующих законодательных актах.

Известным Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 года «О карательной политике и состоянии мест заключения» профессиональные преступники и рецидивисты по степени социальной опасности были приравнены к классовым врагам и к ним предполагалось применение суровых мер репрессии.

В дальнейшем в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года в статье 23 было закреплено понятие «особо опасный рецидивист», но содержание его не раскрывалось. В последующих законах это понятие получает дальнейшее развитие в плане придания все большего значения личности особо опасного рецидивиста. Так, в УК РСФСР 1960 года были указаны не только формальные признаки особо опасного рецидивиста (осуждение за предыдущее преступление, наличие судимости за него, определенное состояние многократности опасных преступлений), но и закрепилось положение о том, что при признании лица таковым суд должен учитывать личностные особенности виновного. Иначе говоря, суд должен быть твердо убежден в том, что виновный представляет значительную опасность для общества. Законом от 11 июля 1969 года в Основы уголовного законодательства была введена статья 23 «Особо опасный рецидивист», в соответствии с которой суд при признании лица особо опасным рецидивистом должен учитывать мотивы совершения преступлений, степень осуществления преступных намерений, степень и характер участия в совершении преступления и другие обстоятельства дела. Таким образом, этот закон уделил еще большее внимание особенностям личности преступника.

Уголовный кодекс 1996 года впервые в истории уголовного законодательства дает определение понятия «рецидив преступления», а также устанавливает признаки опасного и особо опасного рецидива преступлений, определяющим главным образом на основании систематичности (многократности) совершения преступлений определенной категории тяжести за них к реальному лишению свободы. Вначале законодатель опре-

делил совершение преступления при опасном и особо опасном рецидиве в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков некоторых составов преступлений, а затем Федеральным законом № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 года исключил их в качестве таковых, оставив только в виде отягчающих наказание обстоятельств (ст. 63 УК РФ).

Закрепление в УК признаков опасного и особо опасного рецидива преступлений приветствовалось многими учеными в связи с тем, что они представляют собой объективную реальность, имеют внешнюю форму выражения и потому, якобы, не поддаются объективной оценке: исчислению, классификации и т.д. К тому же объективные признаки опасного и особо опасного рецидива, по их мнению, позволяют судить и о личности преступника, так как именно в них в большей мере выражена ее общественная опасность. Таким образом ученые отвергали идею «клеймения» личности человека. Вот как об этом пишет Ю.И. Бытко: «Оценивая по-новому, с позиции приоритета общечеловеческих ценностей институт особо опасного рецидивиста в предшествующем законодательстве, будучи воплощением теории опасного состояния, носил дискриминационный характер, поэтому отказ от него в УК РФ 1996 г. означает стремление законодателя построить уголовное законодательство на новых концептуальных основах»¹⁷.

Однако, на наш взгляд, теорию опасного состояния ни в коей мере нельзя было применить к признанию лица особо опасным рецидивистом по УК РСФСР 1960 года, так как он привлекался к уголовной ответственности не за опасное состояние личности, а за реализованную общественную опасность в совершении конкретных преступлений. Пункты 1–4 статьи 24¹ перечисляли составы преступлений, совершение которых влекло признание лица особо опасным рецидивистом. Не совершив эти преступления и не повторив их, лицо никак не могло быть признано особо опасным рецидивистом. Общественная опасность личности преступника также проявлялась в конкретных общественно опасных деяниях и в этом смысле степень опасности совершенного деяния свидетельствовала о степени опасности совершившего его лица. К тому же признание особо опасным рецидивистом при наличии формальных признаков (совершении преступлений, указанных в ст. 24¹) являлось прерогативой суда: он мог признать его таковым, а мог и нет. При признании – он должен был учесть личность виновного, степень общественной опасности совершенных преступлений, их мотивы, степень осуществления преступных намерений, степень и характер участия в совершении преступления и другие обстоятельства дела (например, как долго преступник пробыл на свободе, как вел себя, как работал, что толкнуло его на преступление и т.п.). Решение суда должно быть мотивировано в приговоре (ч. 2 ст. 24¹).

Таким образом, по УК РСФСР 1960 года при подобной процедуре определения особо опасного рецидивиста допускалась экономия уголовной репрессии: суд подходил к решению этого вопроса не автоматически, исходя из наличия совокупности составов преступлений, а избирательно, скрупулезно взвешивая как объективные, так и субъективные обстоятельства дела. Новый же УК, предусматривая особо опасный рецидив, «стыдливо» умалчивал об особо опасном рецидивисте; он просто убрал эту центральную фигуру преступного мира со страниц уголовного закона, но особый режим для него сохранил¹⁸.

Как известно, статья 68 УК РФ полностью изменена Федеральным законом № 161-ФЗ от 8 декабря 2003 года. Законодатель значительно гуманизировал правила назначения наказания рецидивистам, что шло в разрез с традициями российского законодательства, устанавливающими более строгие правила. На страницах юридической печати учеными и практиками уже замечено, что подобное отношение законодателя к оценке общественной опасности рецидива выглядит чересчур либеральным и неоправданным. Это коснулось, в частности, опасного и особо опасного рецидива преступлений.

Во-первых, в измененных нормах данной статьи зафиксирован уравнительный подход при определении минимального срока наказания независимо от вида рецидива, что противоречит элементарной логике, принципу справедливости и индивидуализации наказания.

Во-вторых, законодатель не подкрепляет опасный рецидив более строгой ответственностью по сравнению с «простым» рецидивом. К тому же и вид режима исправительного учреждения определяется для осужденных один и тот же. В то же время ответственность при особо опасном рецидиве подкрепляется лишь более строгим видом исправительной колонии (особого режима) и возможностью назначения тюремного режима. Учитывая это обстоятельство, Федеральный закон № 161-ФЗ от 8 декабря 2003 года предусмотрел раздельное содержание лиц, совершивших преступление при опасном рецидиве, от других осужденных, отбывающих наказание в колониях строгого режима. Логично было бы также изменить в пункт «г» статьи 78 Уголовно-исполнительного кодекса РФ с одной трети на половину срока, по истечении которого осужденные при опасном рецидиве преступлений могли бы переводиться в колонию-поселение. Нельзя их уравнивать с лицами, совершившими преступления при рецидиве как с позиции принципа справедливости, так и в связи с тем, что они нуждаются в более длительном сроке испытания и исправления.

В-третьих, законодатель снизил границу минимального срока наказания с одной второй до одной третьей части максимального срока наибо-

лее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление при любом виде рецидива преступлений.

В-четвертых, при любом виде рецидива, если судом установлены смягчающие обстоятельства, срок наказания может быть назначен менее одной трети части максимального срока наиболее строгого вида наказания (в пределах санкции статьи), а при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных статьями 64 УК, может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление. Эта норма выравнивает основания смягчения наказания рецидивистам и впервые судимым.

В-пятых, согласно изменениям и дополнениям, внесенным в УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 года, при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести (п. «а» ч. 4 ст. 18 УК). Такая новация закона не отвечает принципу справедливости, способствует формированию и увеличению профессиональных преступников. Представим себе, что человек постоянно совершает кражи (ч. 1 ст. 158 УК), причем, используя специальные, только ему известные способы, он не понесет за это усиленное наказание.

В особенности такая законодательная новелла не достигает предупредительного эффекта в отношении лиц, преступная деятельность которых примитивизирована, направлена на удовлетворение потребностей в еде, жилье, спиртных напитках и т.п. Они не работают и часто не имеют определенного места жительства. Это привычные преступники, которые не могут решать свои проблемы законным путем. Совершая многократное повторение преступлений и систематически посещая места лишения свободы, занимаясь, по сути, криминальным промыслом, они не несут за это наказание.

Однако особую проблему составляют те, кто постоянно совершают так называемые системообразующие (однородные) преступления. Как подчеркивают ученые, именно они составляют «элиту» уголовного мира, являясь, как правило, профессиональными преступниками, носителями криминальной идеологии и субкультуры¹⁹.

В связи с изложенным, на наш взгляд, последовательно продолжающуюся преступную деятельность, систематическое повторение преступлений небольшой тяжести (три раза и более) следует признавать разновидностью опасного рецидива преступлений.

Таким образом, подводя итог, отметим следующее:

а) с первых нормативных актов русского государства законодатель, обращая внимание на многократный рецидив преступлений, усиливал за него ответственность по сравнению с простым рецидивом;

б) постепенно законодатель обособил многократный рецидив преступлений, определив его как «опасный» и «особо опасный»;

в) в начальный период развития государственности на Руси усиление ответственности за многократный рецидив преступлений, как правило в виде смертной казни связывалось с понятием «неисправимости» преступника за совершение им преступления в третий и более раз, а затем постепенно стала преследоваться цель предупреждения новых преступлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Памятники русского права. – Вып. 2. – М. : Госюриздат, 1953. – С. 303.
- ² Памятники русского права. – Вып. 3. – М. : Госюриздат, 1957. – С. 192.
- ³ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. – Т. 2. – М. : Юридическая литература, 1985. – С. 69.
- ⁴ Памятники русского права. – Вып. 6. – М. : Госюриздат, 1957. – С. 414.
- ⁵ Российское законодательство X–XX веков. – Т. 2. – С. 226.
- ⁶ Памятники русского права. – Вып. 7. – М. : Госюриздат, 1963. – С. 401.
- ⁷ См. там же. – С. 458.
- ⁸ См.: Российское законодательство X–XX веков. – Т. 4. – М. : Юридическая литература, 1996. – С. 329.
- ⁹ Там же. – С. 330–391.
- ¹⁰ Там же. – С. 361.
- ¹¹ Там же. – Т. 6. – С. 196.
- ¹² Там же. – С. 200.
- ¹³ Там же. – Т. 9. – С. 290–291.
- ¹⁴ Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 1. – С. 19. (См. об этом: Российское законодательство X–XX веков. – Т. 9. – С. 260.)
- ¹⁵ Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. / под ред. О.И. Чистякова. – М., 1997. – С. 72–110.
- ¹⁶ Отечественное законодательство XI–XX веков : пособие для семинаров. – Ч. 2 : XX в. / под ред. О.И. Чистякова. – М. : Юрист, 2000. – С. 110.
- ¹⁷ Бытко, Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве. История и современность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998. – С. 17.
- ¹⁸ См.: Петропавловский, В. Нужна не гуманизация наказания, а нормализация условий содержания заключительных // Российская юстиция. – 2002. – № 10. – С. 44.
- ¹⁹ См.: Побегайло, Э.Ф. Современная криминологическая ситуация и кризис российской современной политики // Российский криминологический взгляд. – 2005. – № 1. – С. 30; Игнатов, А.Н. Некоторые аспекты реформирования уголовного законодательства // Журнал российского права. – 2003. – № 9. – С. 25; Корецкий, Д.А. Идеологические проблемы борьбы с преступностью // Законность. – 2004. – № 5. – С. 3.

Н.С. Артемьев, Е.Г. Полищук

**ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

В настоящее время учеными-криминологами и практическими работниками правоохранительных органов повышенное внимание уделяется проблеме изучения личности и поведения жертв преступлений, их роли в зарождении и развитии криминальной ситуации, а также использования полученных знаний для выработки эффективных мер предупреждения преступности.

Традиционно преступник позиционируется как главное действующее лицо преступления, но отнюдь не единственное. В механизмах конкретных посягательств криминологически значимо проявляются не только преступники – причинители вреда, но и их жертвы. Другими словами, для получения объективных сведений о состоянии преступности, необходимо оценивать ее качественные и количественные показатели как с криминологических, так и с виктимологических позиций.

Набор определенных личностных качеств (естественных, генетически обусловленных или приобретенных в процессе социализации), поведение, ролевой статус, образ жизни обуславливают возможность причинения их носителям (при наступлении определенной ситуации) физического, морального вреда либо материального ущерба. Совокупность обозначенных индивидуально-поведенческих факторов и свойств представляет собой так называемую индивидуальную виктимность личности.

Действительно, каждому человеку присущи те или иные психофизиологические особенности, для него типично попадание в определенные ситуативные обстоятельства, делающие его в большей или меньшей степени уязвимым. Он потенциально, а при неблагоприятном стечении обстоятельств и реально виктимен.

В свою очередь изучение свойств жертв преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, их поведения, предшествовавшего совершению противоправного акта, значительно расширяет возможности профилактики и борьбы с данной формой преступной агрессии.

Сложность исследования характера и степени выраженности личностных качеств пострадавших от внутрисемейных преступлений требует разработки типологии подобных жертв, что позволит выявить формы виктимного поведения, характерные для рассматриваемой группы преступных посягательств.

В совокупности поведение потерпевших от преступлений в сфере семейно-бытовых отношений можно классифицировать:

- как положительное,
- нейтральное,
- некритичное,
- негативное.

Положительное поведение характеризуется как в полной мере согласующееся с нормами действующего законодательства и общепринятыми в социуме моральными ценностями, ориентированное на пресечение или недопущение возникновения (развития) внутрисемейного конфликта, но строго в рамках правовых предписаний.

Нейтральное поведение предполагает поведение, не выходящее за пределы правовых и нравственных ограничений и в то же время не связанное с оказанием сопротивления семейному преступнику в силу различных причин объективного и субъективного характера. Выделение данного вида поведения во многом условно, и, как справедливо отмечает Д.В. Ривман, «строго говоря, не нейтрально, поскольку не мешает преступнику. Однако оно не создает каких-либо дополнительных условий и не повышает виктимности индивида от уровня средней»¹.

Некритичное поведение отличается отсутствием либо недостаточным осмыслением происходящего, пренебрежительным отношением к собственной безопасности, неспособностью здраво оценить внутрисемейную конфликтную ситуацию и своевременно принять должные меры по ее нейтрализации, что в конечном итоге приводит к созданию самой жертвой «благоприятных» условий для совершения преступного акта.

Негативное поведение заключается в проявлении различных форм агрессии (нападение, оскорбление, издевательство и др.) в отношении правонарушителя или других членов семьи. Жертва ведет себя агрессивно, грубо, аморально либо противоправно.

Изучение социально-психологических аспектов поведения жертв семейно-бытовых преступлений позволяет найти новые научные подходы для исследования проблемы формирования мотивационной направленности поступков потерпевших от внутрисемейных посягательств. В этой связи предлагаем выделять следующие типы жертв преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, в зависимости от особенностей их поведения.

Итак, нам представляется, что положительному варианту поведения соответствует жертва двух типов:

- активная жертва,
- инициативная жертва.

Активная жертва. Потерпевшие данного типа, как правило, достаточно образованны, интеллектуальны, имеют высокий уровень нравственной культуры, отличаются сложившейся стойкой установкой на соблюдение правовых запретов и ограничений, нетерпимы к различным формам проявления агрессии и антиобщественного поведения в семье, что является поводом для обращения внутрисемейного насилия в их сторону.

Наиболее распространенные мотивы подобного поведения – правильная критика в адрес правонарушителя, желание пресечь пьянство, оскорбления, унижения, иное аморальное поведение в семье; защита других членов семьи от насилия/нападения, исходящего от преступника и т.д.

Для потерпевших рассматриваемого типа характерны требовательность, решимость, смелость.

Инициативная жертва. Уровень правовой грамотности жертв этого типа чаще всего выходит за рамки «бытовых» знаний, для нее свойственна высокая степень морально-этического, общекультурного развития, в том числе культуры общения с другими людьми. Несмотря на то, что поведение жертвы во всех отношениях безупречно и согласуется с требованиями существующего правопорядка, она вовлекается в механизм преступного посягательства в качестве «главной» жертвы семейного правонарушителя. Другими словами, поведение потерпевшего обращает на него преступные действия причинителя вреда непосредственно либо вместо защищаемого им другого члена семьи.

Важно отметить, что имеющее место со стороны потерпевшего противодействие преступнику осуществляется в рамках механизмов, предусмотренных законом: путем обращения в правоохранительные органы, вышестоящие административные инстанции или в суд с исковым заявлением, например, об устранении препятствия в пользовании жилым помещением, иной собственностью, о принудительном выселении виновного либо обмене занимаемой им жилой площади и т.д.

Таким образом, жертвы данного типа отличаются обостренным чувством справедливости, моральной устойчивостью, рассудительностью, потребностью в защите своих нарушенных прав и восстановлении прав других членов семьи.

Что касается нейтрального поведения, то в разных вариациях оно присуще следующим типам жертв внутрисемейных преступлений, именуемых нами:

- жертва обстоятельств;
- мешающая жертва;
- пассивная жертва.

Жертва обстоятельств. Потерпевшие этого типа в целом позиционируются как морально устойчивые, добропорядочные, законопослушные граждане, поведение которых не вносит никакого вклада в механизм рассматриваемых преступлений, а внутрисемейная агрессия обращается на них вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств.

Другими словами, преступное посягательство в отношении жертвы совершается впервые вопреки ее общей социально-положительной направленности под влиянием конфликтной ситуации, возникшей не по ее вине и не вытекающей из ее предшествующего поведения.

Мешающая жертва. В данном случае основной причиной виктимизации выделяемого нами типа жертв семейно-бытовых преступлений является сам факт существования потерпевшего либо его поведение, хотя и безупречное с точки зрения права и морали, но выступающее препятствием на пути удовлетворения каких-либо субъективных потребностей преступника. К числу таковых следует отнести: стремление семейного правонарушителя улучшить свое материальное положение путем присвоения имущества, на которое он не имел законных оснований, обрести независимость, личную свободу, добиться семейного благополучия, уклониться от выполнения обязанностей по отношению к другим членам семьи (престарелые или больные родители, дети, супруг/супруга).

Следует заметить, что нередко жертва даже не осознает, что в силу определенных причин является обременительной для реализации преимущественно субъективно понимаемых преступником интересов.

Пассивная жертва. Поведение данного типа жертв характеризуется тем, что оно, хотя непосредственно и не провоцирует возникновение криминальной ситуации, но в силу непротиводействия семейному преступнику, создает благоприятную почву для продолжения противоправных действий со стороны причинителя вреда.

В зависимости от того, по каким причинам жертва не оказывает активного сопротивления семейному правонарушителю, предлагаем различать:

- объективно пассивную жертву;
- условно-виновную жертву.

Отличительной особенностью потерпевших первого подтипа служит то, что они не имеют практической, а чаще всего просто физической возможности предвидеть и предотвратить грозящую им опасность. Это объясняется прежде всего состоянием здоровья жертв внутрисемейной агрессии, особенностями их физической конструкции, наличием психических аномалий, злоупотреблением спиртными напитками, наркотическими средствами и пр.

Таким образом, повышенной степенью виктимности применительно к рассматриваемому подтипу жертв семейно-бытовых преступлений об-

ладают несовершеннолетние, лица преклонного возраста (старики, инвалиды), женщины, лица с отклонениями в психическом развитии.

Так, по данным исследования, проведенного И.А. Морчевым, каждое шестое (16,9 процента) внутрисемейное насильственное преступление было совершено в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Каждый седьмой (14,8 процента) потерпевший страдал различного рода тяжелыми заболеваниями, не относящимися к разряду психических. Почти у каждого пятого (18,3 процента) изученного лица была выявлена та или иная психическая аномалия. Среди всех жертв указанных преступлений больные хроническим алкоголизмом составили 12,0 процентов, психопатией – 4,2 процента, шизофренией – 1,4 процента, наркоманией – 0,7 процента².

Названные категории лиц изначально предрасположены стать жертвами преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, с одной стороны, в силу своих конституционных, поведенческих, психологических особенностей, а с другой – вследствие желания правонарушителя утвердить свой авторитет в семье, стремления главенствовать и властвовать над другими, зависимыми от него членами.

Для потерпевших, относящихся к подтипу объективно пассивных жертв, свойствен низкий уровень правосознания, робость, внушаемость, подверженность постороннему влиянию, заниженная самооценка, отсутствие адекватного видения ситуации.

Условно-виновная жертва способна, а главное, в состоянии самостоятельно или путем обращения в правоохранительные органы оказать сопротивление семейному преступнику, однако не делает этого в силу различных причин: нежелания разрушить семью, лишить детей родителя, «выносить сор из избы»; незначительности причиненного вреда; надежды на примирение, на то, что правонарушитель изменит свое поведение, исправится, образумится; безрезультатности имевшего место обращения в компетентные органы; неверия в возможность в принципе что-либо изменить; из-за стыда, страха перед угрозами или мстостью со стороны причинителя вреда; невыгодности привлечения правонарушителя к ответственности, разрыва с ним семейных отношений по соображениям материального порядка.

Потерпевшие рассматриваемого подтипа отличаются, как правило, терпимостью, трусостью, неспособностью/нежеланием изменить ситуацию, боязнью перемен, стыдливостью, скрытностью, корыстью, излишним или ложно понимаемым чувством сострадания, жалости, моральной и психологической зависимостью.

Некритичное поведение характерно для двух типов жертв семейно-бытовых преступлений, условно обозначенных нами:

- как легкомысленная жертва;
- небрежная жертва.

Разница между потерпевшими здесь заключается в следующем.

Легкомысленная жертва осознает, что ее поведение с определенной степенью вероятности способно спровоцировать предполагаемого преступника на проявление агрессии, но рассчитывает без достаточных к тому оснований самонадеянно избежать негативных для себя последствий.

Небрежная жертва изначально не понимает, что ее поведение может привести к возникновению криминальной ситуации, в то время как и возраст, и степень развития, и предыдущий жизненный опыт позволяют потерпевшему предвидеть реакцию правонарушителя на свои поступки, высказывания.

Потерпевшим рассматриваемых типов присущи распушенность, легкомыслие, неумение предвидеть последствия своих действий, ветреность, несдержанность, эгоистичность, эмоциональность.

Как показывает практика, криминальное насилие обращается отнюдь не только на жертв с положительным или неосмотрительным поведением, не столь уж редко пострадавшие от преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, не уступают в негативном поведении правонарушителям, а иногда и сами ведут себя преступно.

Как отмечает в своих исследованиях А.Н. Ильяшенко, большинство опрошенных преступников (56,2 процента) указало, что перед совершением ими преступления потерпевший вел себя агрессивно, грубо. Причем 26 процентов отметили, что потерпевший оскорблял, унижал их или других членов семьи; 11 процентов – угрожал убийством, причинением телесных повреждений; 9,6 процента – наносил легкие удары (пощечины и т.п.), причинял физическую боль (щипал, выкручивал руки, сдавливал различные части тела); 5,5 процента – запрещал, ограничивал пользование имуществом, жилым помещением; 4,1 процента – ограничивал свободу³.

В этом смысле считаем необходимым различать жертв двух типов:

- провоцирующая жертва;
- агрессивная жертва.

Провоцирующая жертва характеризуется поведением, нацеленным на создание провокации, конфликтной ситуации. В зависимости от того, с помощью чего они достигают желаемого результата, какие средства для этого используют, предлагаем потерпевших рассматриваемого типа подразделять на два подтипа: аморальная и скандальная жертва.

Аморальная жертва. Провоцирующее поведение лиц данного подтипа характеризуется стойкой антиобщественной направленностью, мо-

рально-бытовой распущенностью, в том числе отсутствием нравственно-этической избирательности в сфере интимных отношений. Аморальные жертвы несдержанны, вспыльчивы, излишне эмоциональны, неуравновешенны, заносчивы, пренебрежительно относятся к нормам права и морали, семейным ценностям.

Скандальная жертва. В данном случае катализатором преступного посягательства выступают систематические придирки, нравоучения, демонстрация недовольства, выяснения отношений между потенциальным правонарушителем и жертвой, возникающие по инициативе последней и перерастающие во внутрисемейные скандалы.

В этом отношении показательно признание одной из потерпевших: «Я не могу взять всю вину за происшедшее на себя, но во многих случаях, чтобы избежать побоев, мне просто следовало прикусить язык. Я сама доводила мужа до такого состояния, пока он не набрасывался на меня с кулаками»⁴.

Потерпевшие рассматриваемого подтипа обидчивы, раздражительны, высокомерны, обладают обостренным чувством превосходства над окружающими, мелочны, мнительны, эмоционально неустойчивы.

Таким образом, поведение провоцирующей жертвы заключается в нарушении норм морали, неуважительном отношении к семейным традициям, но не сопряжено с физическим насилием или угрозой его применения.

Агрессивная жертва в отличие от провоцирующей непосредственно своим поведением создает конфликтную ситуацию, связанную с нарушением требований действующего законодательства в отношении предполагаемого преступника или других членов семьи.

Если в действиях потерпевшего допущено нарушение норм семейного, жилищного, гражданского, административного и других отраслей права (кроме уголовного), следует говорить о правонарушающей жертве.

Если же имело место нарушение уголовного закона (от нанесения побоев до убийства), то есть поведение, сопровождающееся физическим насилием или угрозой его применения в адрес причинителя вреда, других членов семьи, то налицо преступная жертва.

Для потерпевших, относящихся к типу агрессивной жертвы, в той или иной степени характерен культ грубой физической силы, лживость, злопамятность, черствость, хитрость, агрессивность, жестокость, циничность, мстительность.

Виктимное поведение провоцирующих и агрессивных жертв в совокупности занимает ведущее место в структуре внутрисемейной преступ-

ности по криминогенной значимости, а сами жертвы играют решающую роль в механизме семейно-бытовых преступлений.

Преступность – нежелательный, но закономерный продукт общества, своеобразная патология, которую нельзя полностью исключить, но в известной степени можно и нужно контролировать путем позитивного воздействия на потенциальных и реальных жертв, с тем чтобы корректировать их поведение, сделать его при определенных обстоятельствах фактором противодействия преступлениям. Это действенный путь совершенствования профилактической работы по предупреждению преступных посягательств. Однако он имеет перспективу только при условии, что существуют типические личностные качества жертв, обуславливающие их потенциальную уязвимость. В этой связи нами было предложено собственное видение вопросов типологии жертв семейно-бытовых преступлений.

Вместе с тем следует признать, что на сегодняшний день уровень знаний о природе преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, недостаточен, что предопределяет необходимость проведения дальнейших исследований особенностей личности и поведения жертв этих преступлений, а также факторов, порождающих семейные конфликты и способствующих их перерастанию в различные варианты преступного поведения.

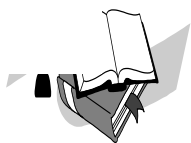
ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Ривман, Д.В. Криминальная виктимология. – СПб. : Питер, 2002. – С. 69.

² См.: Морчев, И.А. Виктимологические аспекты предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений // Российский следователь. – 2006. – № 11.

³ См.: Ильяшенко, А.Н. Основные черты насильственной преступности в семье // Социологические исследования. – 2003. – № 4.

⁴ Цит. по: Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб., 2001. – С. 315–316.

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

О.В. Никитин

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ОРНАМЕНТ В «СЛОВАХ И ДЕЛАХ ГОСУДАРЕВЫХ»

В истории русской письменной культуры XVI–XVII столетия занимают очень важное положение, так как в данный период происходило формирование основ системы национального языка и его стилей. Даже в рамках деловой разновидности уже тогда не было единства в способах

и средствах выражения элементов утилитарной традиции, которая охватывала практически все сферы общественной деятельности. Происходила централизация управленческого аппарата, его укрупнение и реорганизация. Рост документооборота также способствовал не только развитию жанров, но и формировал «деловой» вкус эпохи.

Необходимо подчеркнуть, что в отмеченный период старый приказный язык уже действовал как слаженный механизм, имевший и вырабатывавший свои установки и распространявший их далеко за пределы административно-правовой области. Вместе с ним росли и развивались функции деловой письменности, чьи нормы складывались на основе московской приказной традиции. Судебники XV–XVI веков и Соборное уложение 1649 года упрочили положение делового языка, притягивая к нему имевшиеся диалектные разновидности и заставляя их подчиняться московским правилам. Это привело к некоторой унификации в сфере «делового» строительства и закрепило его нормы. Хотя, заметим, местные элементы в региональной деловой письменности и микрожанры продолжали существовать вплоть до конца XVIII века, но они уже не играли существенной роли в формировании традиции «подьяческого наречия», хотя и привнесли в нее колоритные детали¹. Можно согласиться с мнением С.И. Ожегова, высказавшего в своих лекциях такое суждение: «В Московской Руси деловой язык значительно расширил свои функции, он стал деловым *устным* (здесь и далее курсив наш. – О. Н.) языком. Начиная с XIV в. нам известно много грамот московских князей. Деловой язык был широко распространен по территории Московской Руси (Сибирь, Архангельск, Астрахань). Ясно, что были и *местные* особенности, но эти отклонения от государственного языка *незначительны*. Государственный деловой язык унифицируется, причем это происходило не самотеком. Указ Алексея Михайловича о том, как нужно писать имена в челобитях, допускает известные отступления в орфографии имен и прозвищ. Это требовало единства в написании. Московский деловой язык расширяет границы своего применения с XVI в., применяясь в описании путешествий, в частной переписке, переписке Ивана Грозного, Уложении 1649 г., *как бы вытесняя книжно-литературный язык*»².

Таким образом, деловой язык в XVI–XVII столетиях получает статус общегосударственного средства письменного общения и, благодаря своим широким функциональным возможностям, влияет на ментальность.

Человеческий фактор в деловой письменности занимает одно из ведущих мест. Автор как создатель такого текста становится центральной фигурой «приказного» общения. Появившиеся азбуковники и иные нецерковные книги дают навыки светского делового этикета, обучают правилам гражданского поведения. Большое значение приобретает торговля.

Возникает театр. Усложняется вся система социокультурных и общественных связей, требующих иного, более современного выражения своих потребностей.

Деловая письменность – и это одно из ее основных достоинств – легко адаптируется к внешним факторам воздействия и обслуживает в той или иной степени зарождавшиеся традиции.

Из огромного количества утилитарных текстов большое место занимают документы, связанные с тяжбными (следственными) делами. Это говорит и об активной роли региональной судебной канцелярской системы, и о том, что она воспринимала московские традиции и вела активную письменную работу по узаконению новых установок, получивших со временем свои словесные стандарты.

Трафаретность приказной словесности в таких делах позволяла видеть в ее структуре как общие компоненты, так и вычленять индивидуальное творчество. Но в официальном документе не всегда можно обнаружить авторский след, так как традиция требовала определенной схемы. Выходить за ее пределы можно было лишь в особых случаях, например, когда разбирались процессы, связанные с посягательством на жизнь царя и его окружения. Такие случаи тщательно выведывались и фиксировались, а участники подобных «сговоров» объявлялись государевыми преступниками.

Была разработана целая делопроизводная система, сконцентрированная на фиксации и исследовании именно этой области правонарушений. Подобные источники были опубликованы и открыты для научного анализа довольно поздно, в 1910-е годы, историком Н. Новомбергским и получили название «Слова и дела государевы». Ученый отобрал многочисленные процессуальные дела до издания Соборного уложения царя Алексея Михайловича (том 1) по XVII век включительно (том 2). Эта подборка оказалась ценным источником по истории общественных отношений в то далекое время. Но язык данных текстов и сопутствующая орнаментика до сих пор не получили достаточно четкого освещения. Только работы Б. А. Ларина³, а позднее С. С. Волкова⁴ и некоторых других ученых обратили внимание на лингвистическую сторону проблемы. Самое важное, что можно обнаружить в этих текстах, – элементы подлинного речетворчества, обиходно-деловой речи, разговорного языка и просторечия, которые внушительной струей вошли в стандартизированные формы деловых документов.

Их внешние рамки трафаретны и выдержаны в традициях приказной словесности того времени. Нами выделены типичные выражения письменной утилитарной речи в записях «Слов и дел государевых». По своему словесному выражению они могут относиться и к другим жанрам деловой культуры. Как правило, это зачины и концовки таких документов.

Зачины

«Г. ц. и в. к. М. Ф. в. Р. холопъ твой Володька Татищевъ да подьячишка Посничка Обрютинъ *челомъ бьютъ*»⁵; «Г. ц. и в. к. М. Ф. в. Р. холопъ твой Тимошка Поливановъ *челомъ бьетъ*. Нынѣшняго г., 124 г. марта въ 7 д. извѣщаль тебѣ г... боровскій казакъ Познячко Семеновъ на боровскаго жъ на отставленнаго казака на Андрюшку, прозвище «На Ходу», а ко мнѣ, х. твоему, челобитную принесъ, а въ челобитной его пишеть...» (С. 2). В зачине грамоты, посылаемой от имени государя, использовались архаические формы языка церковного происхождения (*писал еси*), обслуживавшие другой трафарет. В таких случаях приказной орнамент приобретал официально-деловую тональность, и по составу языковых показателей можно было легко определить, каково происхождение текста: местное, уже испытывавшее к тому времени заметное влияние московских норм деловой письменности, или центральное, вышедшее из стен «государевых разрядов». Приведем образец последнего типа: «Отъ царя... въ Лухъ Ивану Лукьяновичу Опухтину. *Писаль еси* къ намъ нынѣшняго 124 г. апреля въ 6 д...» (С. 6).

Концовки

«*И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ*, и вы бѣ про казака про Ивашка Яковлева къ намъ отписали, въ какомъ онъ длѣл нынѣ въ тюрмѣ сидеть, и сколь давно посаженъ, и какое на него наше длѣло извѣщали, и съ пытки, что говорилъ. *Писанъ на Москвѣ* лѣта 7124 декабря въ 31 день» (С. 3); «*И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ*, и ты бѣ казака Ивашка, вынявъ изъ тюрмы въ воровствѣ, велѣлъ дать на крѣпкую поруку съ записью, что ему впредь воровскихъ словъ неговорить и не воровать. *Писанъ на Москвѣ* лѣта 7124 марта въ – день» (С. 4).

Данные материалы в обилии отражают «деловые» характеристики текста прежде всего своими словесными рядами, находящимися в традиционном поле «подьяческого наречия». В этих многочисленных фрагментах мы обнаруживаем повторяющиеся выражения письменного делового обихода: как общие, свойственные всей утилитарной словесности, так и индивидуальные «приказные» решения, вышедшие из-под пера конкретного писца. Эта колоритная палитра языковых средств очень часто не ограничивается введением в канву документа специфического «делового» слова-термина, чаще – это именно словесные ряды, которые могли и включать в свой состав такие профессионализмы, и избегать их. Но и в том,

и в другом случае словесное выражение подчинено нормам «государственного» слога, который проходил апробацию на страницах многочисленных актовых памятников. Систему письменных средств утилитарной словесности того времени иллюстрируют следующие «деловые» синтагмы:

...*сидѣть* де онъ, Иванъ, *на бесѣдѣ* у Божоявленскаго попа у Ивана... (С. 1).

...*сказали по* Ивановой *сказкѣ* Забусова тѣ жѣ рѣчи... (С. 1).

...а *животы*, г., его переписавъ, *запечатали до твоего г. указа* (С. 1).

...и съ кѣмъ у него про *то было умышленье*... (С. 2).

...про то бѣ онъ *сказаль правду* (С. 2).

И они сказали, *по твоему г... крестному ѡчлованью*... (С. 2).

...противъ его Познячковы *извѣтной челобитной* спрашиваль... (С. 2).

...*допрашиваль стороннихъ людей*... (С. 2).

...велѣли *поставить передъ собою* и спрашивали || порознь (С. 2–3).

...про то бѣ *сказаль правду*, не затѣяль и не покрыть ни по комъ (С. 3).

...*билъ челомъ намъ о своей бѣдности и о провѣзжей грамотѣ* проводить въ Суздаль брата своего больного (С. 3).

...велѣли его, Ивашка Яковлева, въ нашемъ дѣлѣ взять и вкинуть въ тюрьму, а изъ тюрьмы вынявъ, *пытали накрѣпко* (С. 3).

...а велѣно казака Ивашко Яковлева *бить по торгомъ кнутомъ нещадно*, а бивъ посадить въ тюрьму до г. указа (С. 4).

...*разспросныя рѣчи за своею рукою* (С. 4).

...велѣть дать *на крѣпкія поруки* съ записми до твоего г. указа (С. 4).

...*были* они *на бесѣдѣ* въ дер. Моршѣ у мордвина у Кечатка, у Гордѣева сына, прозвище Углова (С. 7).

...подалъ *извѣтную челобитную*... (С. 8).

...и *сторонихъ ссылочныхъ людей* прислали къ г., къ Москвѣ (С. 8).

А *обыскные люди* въ обыскахъ говорили... (С. 9).

...въ то число *на бесѣдѣ былъ* и то *про себя сказаль*... (С. 10).

...*дать на крѣпкую поруку* съ срокомъ... (С. 12).

...тотъ Ивашка съ кореньемъ *въ приводѣ* былъ (С. 13).

...велѣлъ *держать* по прежнему *за приставомъ* до твоего государева указа (С. 14).

...*въ разспросѣ* сказалъ и съ || *пытки говорить*... (С. 138–139).

...*вздиль* я, х. т., *для сыску* въ Муромскій уѣздъ... (С. 139).

...*царскую оборону учинить* (С. 226).

...учали бранить и *похваляться смертнымъ убойствомъ* (С. 226).

...*учинили* всякихъ чиновъ людямъ *заказъ крѣпкій*, чтобъ, того вора по примѣтамъ поймавъ, и привели въ городѣхъ... (С. 231).

...не прошелъ и не прокрался *никоторыми мѣрами* (С. 232).

...а велѣтъ *сыскать всѣми людьми*... (С. 378).

Как видно из представленных словесных рядов, все они имеют ярко выраженную «деловую» ориентацию. Она выявляется с помощью использования знаковых лексем приказного языка (*учинили*, *бить челомъ* и др.), слов, иллюстрирующих детали следственного процесса, и терминов, применяемых в таких случаях (*жить*, *правда*, *извѣтная челобитная*, *сторонние люди*, *ссылочные люди* и др.), оригинальных оборотов утилитарной словесности, прикрепленных к данному тематическому контексту (*то было умышленье*; *бить по торгомъ кнутомъ нещадно*; *похваляться смертнымъ убойствомъ* и др.).

Нами установлено, что по составу терминологической системы делового языка тексты следственных материалов неоднородны: они могут использовать как исконные профессиональные наименования (*посул*), существующие с древнейших времен и получившие реализацию в документах XVII века («А Григорій де Масловъ отъ того у тѣхъ людей емлетъ *посуль* и за то де изъ Литвы литовскіе люди пишутъ въ своихъ листахъ государево имя не по пригожу» (С. 9), так и новые, возникшие в эпоху конца XVI – первой половины XVII столетия. Последняя группа терминов – лексика, связанная с названиями документов, – отглагольные образования с суффиксом *-к*: *записка*, *отписка*, *справка*, *сказка*, *явка*. Можно согласиться с мнением С.С. Волкова, считавшего, что «если бессуффиксные отглагольные имена существительные входят в терминологию делопроизводства после приобретения ими конкретно-предметных значений, то указанные выше отглагольные существительные... являются терминами делопроизводства как в значении отвлеченного глагольного действия, так и в развившемся на его основе конкретно-предметном значении» (С. 152).

К новообразованиям того же периода, зафиксированным в «расспросных речах», относятся именные существительные *грамотка, волокита, перечень*. Очень богат терминологический ряд, связанный с процессуальными действиями (*расспрось, допрось*), наименованиями лиц, связанных по роду деятельности с судебной практикой (*сыщикъ*), названиями учреждений (*татинная тюрьма*). Приведем типичные образцы текстов:

«...посадили въ *татинную тюрьму*» (С. 15).

«...про твое государево слово въ *допросъ* сказалъ: есть де за нимъ, Ивашкомъ, твое государево царственное великое слово, только де въ Галичъ не скажу, скажу де на Москвѣ...» (С. 227).

«И тотъ, г., Зинька въ *допросъ* мнѣ, х. т., сказалъ, что де, г., онъ, Зинька, съ нимъ, Ивашкомъ, ни про какое твое государево слово не говаривалъ, тѣмъ де его, Зиньку, онъ, Ивашко, клеплеть» (С. 227).

«...*сыщикъ* Иванъ Шастовъ-Полтевъ поймалъ вѣдуна съ кореньемъ, Ивашкомъ зовуть...» (С. 13).

Мы отмечаем в следственных делах выражения письменного юридического языка Московской Руси, составившие терминологический аппарат административно-правовой сферы деятельности: (*по*)*ставить съ очей на очи*; *передъ собою поставить*. Данные обороты закрепились в следственном обиходе и воспроизводились в нем как устойчивые единицы языка:

«...велѣно стрѣльца Игошку Максимова || съ казакомъ съ Иваномъ Яковлевымъ *поставить съ очей на очи*. И стрѣлецъ Игошка Максимовъ съ казакомъ съ Ивашкомъ Яковлевымъ *съ очей на очи ставленъ*. И казакъ Ивашко Яковлевъ сказалъ, что онъ передъ государемъ виноватъ, такое слово говорилъ не съ умышленья, напився пьянь» (С. 3–4).

«И апрѣля, г., въ 7 д. я, х. твой, того Митьку *передъ собою поставиль*...» (С. 4).

«И я, х. твой, того жъ часу тѣхъ людей велѣлъ *поставить передъ собою* и разспрашивалъ по твоему государеву... крестному цѣлованью» (С. 4).

«Помѣта: писать – разспросить *съ очей на очи*, что говорили» (С. 4).

«И в. кн. Михаилъ Ѳедоровичъ Барятинскій, *поставя передъ собою* въ съѣзжей избѣ Андрюшку Дубенца...» (С. 10).

«...*поставя съ очей на очи*, про то непригожее слово разспросиль и сыскаль всякими людьми накрѣпко...» (С. 11).

«...про то коренье сыскать всякими сыски накрѣпко, и до кого дой- деть разспрашивать подлинно, и *ставить съ очей на очи*, а сыскавъ накрѣпко, отписать къ себѣ, г., и сыскъ прислать» (С. 14).

Выражение *с очей на очи*, по данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», фиксируется в деловых документах с 1551 года и означает «лицом к лицу; в присутствии обеих сторон; на очной ставке»⁵. *Поставить передъ собой* не отмечается в этом источнике. Оно имеет сходное значение «поставить рядом с собой (во время допроса)». Заслуживает внимания тот факт, что первое выражение включило в свой состав лексе- му *очи*, употреблявшуюся отдельно и вне контекста в высоком стиле книжной речи. В таком сочетании эта лексема приобрела иной, профес- сионально-юридический, смысл.

При изучении следственных материалов мы обратили внимание на особенности употребления глаголов, синонимическая окраска которых очень обширна: *говориль*, *сказаль* (нейтральная), *извѣщаль* (официально- деловая), *лаяль* (грубо-просторечная). Интересным фактом в этой цепочке глаголов нам представляется использование элементов высокого стиля для речевой характеристики, например: «Игнашка Шетунъ въ разспросѣ сказаль: про вора де я Тушинскаго не говориваль, ***а говориль де я и вели- чаль***: «дай Господи г. ц. и в. к. М. Ѡ. в. Р. здоровъ былъ, а нынче де сми- ряеть воровъ бояринъ кн. Дмитрій Михайловичъ Пожарскій». А про за- водъ, и про ссылку, и про воровство, и про всякое умышленье ни съ кѣмъ не бываль да и прежде того отъ меня никакого воровства не бывало» (С. 13). В данном контексте совмещено два значения глагола: общее (*го- ворить*) и единичное (*величать*). Последнее толкуется как «называть ко- го-н. почтительными словами»⁶ и не отмечено в словарях как принад- лежность следственного делового обихода. Но в отдельных, авторских, случаях такие словесные проявления могут иметь место.

Специфической особенностью «Слов и дел государевых» был их со- став, который почти всегда включал так называемые «расспросные речи». Таким образом, документ представлял собой комплексную текстовую структуру. Записи участников процессов фиксировались с помощью пись- менной передачи прямой речи, но она, по мнению Б.А. Ларина, «лишь в очень редких случаях может быть сочтена за точную запись, тем более что никаких отступлений от выученной орфографии и грамматики дьяки при этой записи не допускали»⁷. Как правило, прямая речь – это

ответные пункты на вопросы, оглашаемые в следственном «эксперименте» – допросе. Они были неперменной частью технического механизма «делового» института судебной власти, но впервые заявили о себе как естественный компонент приказной письменной культуры. Большое количество «Слов и дел государевых» дает разнообразные типы высказываний и речевых характеристик, имеющих подчеркнuto разговорный характер. Но заметим, что подлинная окраска прямой речи во многих случаях нивелировалась, уподоблялась текстовому стандарту, поэтому «безграмотных» (диалектных) элементов в ней все же не так много. Прежде чем записать такую речь, ее обрабатывали средствами приказной словесности и тем снижали для современных исследователей ее истинное «разговорное» лицо. Но и те эпизоды, которые мы выделили из фрагментов «распросных речей», очень необычны с точки зрения отхода от традиционного делового протокола (общая схема была единой, а ее реализация в каждом случае носила индивидуальный характер). Приведем образцы таких фраз:

«...сталъ де, г., онъ, Иванъ, говорить: *«да споди де здоровъ былъ г. ц. и в. к. М. Ф. в. Р. на многія лѣта»*. И тотъ де Сенька въ ту пору учалъ говорить воровскія слова: *«здоровъ бѣ де былъ царь Дмитрій»* (С. 1).

«И говорилъ Иванъ Забусовъ: *«нынѣ де у насъ, Божьею милостію, г. ц. и в. к. М. Ф. в. Р.»*. И Семень де въ тѣ поры молылъ: *«нѣтъ де, здоровъ бѣ де былъ царь Дмитрій. И язъ за то воровское слово того Семена ударилъ*. Вдовый попъ Тимошей сказалъ: слышалъ де я, говорилъ Семень Телятникъ, сидя на бесѣдѣ у Богоявленскаго попа Ивана, воровскія слова: *«былъ здоровъ царь Дмитрій»*. И язъ его, Семена, за то ударилъ. Чернецъ Кирило сказалъ: сидѣлъ де я на бесѣдѣ у Богоявленскаго попа у Ивана и молылъ воровскія слова Сенька: *«здоровъ бѣ де былъ царь Дмитрій»* (С. 1).

«...онъ, Ивашко, пилъ съ нимъ, Игошкою, на кабацѣ и говорилъ Ивашко Яковлевъ Игошкѣ: *«которому де ты государю служиши»*. И Игошка де молылъ, что у насъ одинъ государь царь Михаилъ Федоровичъ» (С. 3).

«И какъ пришель стрѣлецъ Оська къ мужику къ Федькѣ, и тотъ Федька учалъ стрѣльца лаять съ воеводы: *«намъ де и государь сталъ пуще Лисовскаго, и Лисовскій де мнѣ головы такъ не снялъ, какъ государь»* (С. 6).

«Того жъ часа сталъ передъ Иваномъ ст. кн. Василья Семеновича Куракина кр. Милютка Кузнецъ. Иванъ того Милютки спрошалъ по г... крестному цѣлованью: *что ты про государя говорилъ, пьючи на кабацкѣ?* И тотъ Милютка заперся, не сказавъ ничего: *«Про государя де не говаривалъ неподобнаго слова ничего, тѣмъ меня поклепалъ»* (С. 6).

«...вышедъ де изъ двора тотъ мужикъ Федька, и учалъ его, Осипка, и воеводѣ лаять матерны и говорилъ: *«мнѣ де и князь великій сталъ пуще Лисовскаго, животы де всѣ взять»* (С. 7).

«...сыщикъ Иванъ Шастовъ-Полтевъ поймалъ вѣдуна съ кореньемъ, Ивашкомъ зовутъ, а кой человекъ и чей словеть, того не вѣдаетъ, и велѣлъ де ему то коренье въ губной избѣ съхъсть, и говорилъ де ему: *не умрешь-ли*. И тотъ де Ивашка сыщику сказалъ: *хотя де умру, чтожь дѣлать*. И того де коренья не хлѣ и у сыщика де у Ивана Шастова-Полтева откупилъся, далъ 2 р., и онъ его отпустилъ» (С. 13).

«И тотъ де Нехорошій въ тое пору молыль про тебя в. г. св. Ф. Н. и. М. и в. Р. непригожее слово: *«язъ де на патріарха плюю»* (С. 16).

«...ставъ у пытки, мнѣ, х. т., сказалъ: про твое государево дѣло говорилъ де тюремный же сидѣлецъ, въ тюрьмѣ сидѣчи, галичанинъ, посадскій человекъ, Зиновейко Родіоновъ сынъ Чекеневъ: *«какъ де былъ на Москвѣ князь Семень Сотыевъ-Урусовъ въ комнатныхъ, и онъ де отца твоего г. блаженныя памяти в. г. ц. и в. к. М. Ф. в. Р. въ кствѣ окормилъ»* (С. 228).

«И учалъ де, г., тотъ стрѣлецъ Ивашку Кочурбанову говорить: *«поставь де свои ворота, а то де ворота государевы»*. И тотъ де, г., Ивашка молвилъ: *«недорогъ де ты и съ государемъ»*. И я, х. т., того Ивашка велѣлъ передъ собою поставить, и про такое слово разспрашивалъ. И тотъ Ивашка въ разспросѣ сказалъ, что онъ былъ пьянъ, ничего про тебя, г., такого слова не говаривалъ» (С. 417).

Представленные выше эпизоды «допросных речей» свидетельствуют о том, какой социолингвистический смысл придавался имени *государь* в Московской Руси и насколько серьезно относились к таким вопросам судебные инстанции. С языковой точки зрения эти образцы прорывают традиционное поле деловой письменности иной, пока еще не совсем вы-

разительной линией: элементы «подьяческого наречия» пересекаются с колоритными фрагментами обиходно-разговорной и просторечной стилистики. Стандартные показатели утилитарной словесности нарушаются включением вопросительных и восклицательных предложений, состоявших из реплик участников следственного дела. Если вектор унификации языковых средств деловой письменности по данным материалам очевиден, то они же отражают и другую тенденцию – отсутствие в тот период единых норм разговорного языка Московской Руси, общенародный характер которого только складывался и представлял длительный и противоречивый процесс.

Другая особенность фрагментов с прямой речью заключается в том, что один и тот же вопрос задавался разным участникам – свидетелям, истцу, потерпевшему, которые по-своему интерпретировали происшедшие события. Таким образом, могли отличаться и средства языковой коммуникации, зафиксированные в изучаемых актах. Б. А. Ларин в этом случае очень верно подметил: «Они дают ряд подобозначных или только созвучных, но весьма разнозначных разговорных формул»⁸. В этом ключе показательны следующие фрагменты одного и того же следственного дела:

«Иванъ того Митьку спрошалъ по г... крестному цѣлованью: *быль ты вчера на кабацѣ, что ты про государя слышалъ неподобное слово?*

Митька сказалъ по г... крестному цѣлованью: сидѣли де мы на кабацѣ, сидѣли де со мною Никольскій кр. Тихоновы пустыни Никонко Обросимовъ, да Луховскіе посадскіе люди Лука Гавриловъ, да Ивашка Коробовъ, а пѣлъ пѣсню Веселой Пифанко про царицу Настасью Романовну, и язъ де, Митька, молвилъ такъ: та государыня была благовѣрна. И сидячи де тутъ кн. Василья Семеновича Куракина кр. Милютка Кузнецъ сказалъ: *«что де нынѣшніе цари»?* И тотъ де Никонъ, да Лука, да Ивашко, да Веселой Пифанко то слово слышали, что де про государя говорилъ неподобное слово, и язъ де имъ то слово запослушилъ» (С. 5).

«Того жъ часа сталь передъ Иваномъ Веселой Пифанко и Иванъ его спрошалъ по г... крестному цѣлованью: *быль ты вчера на кабацѣ и что слышалъ?* И тотъ Пифанко Веселой сказалъ Ивану по г... крестному цѣлованью: былъ де на кабацѣ и слышалъ де то говорилъ кн. Васильевъ Семеновича Куракина кр. Милютка Кузнецъ неподобное слово про государя: *«намъ де тѣ цари нонѣ не подобны»* (С. 5).

«И говорилъ де тотъ Милютка, что *намъ цари не подобны*, а про нынѣшняго де государя не слыхаль» (С. 5).

«Того жъ часа сталъ передъ Иваномъ Луховской посадскій человекъ Лучка Гавриловъ. Иванъ того Лучки спрошалъ по г... крестному цѣлованью. А въ разспросѣ Ивану тотъ Лучка сказалъ по г... крестному цѣлованью: пилъ де на кабакаѣ пиво тотъ Милютка и разошло де ся у того Дмитрія съ тѣмъ Милютою про пѣсню и молвилъ де такъ тотъ Милютка: *«Дмитрій! пей де пиво, а про цари де намъ теперь говорить не надобно»* (С. 5).

Материалы следственных дел фиксируют также элементы разных письменных традиций. Это тем более примечательно, что их деловая схема все более унифицировалась и ее развитие было сконцентрировано на тех структурных компонентах языка, которые расширяли семантический облик текста в его делопроизводных функциях. Но и здесь индивидуальное проявление речевых средств могло иметь место и фиксировалось писцами, например:

«...а сижу де я въ Бѣлевѣ въ тюрьмѣ, *жить свой мучу въ напраснинѣ* пятый годъ, а сердоболя де у меня такого нѣтъ, кому де обо мнѣ, объ моей бѣдности г. бить челомъ о сыску и о свободѣ, и я де, съ бѣдности умысля, затѣялъ за собою государево слово для того, чтобъ де г. велѣлъ меня взять къ Москвѣ, а кому де, г., приказалъ про свое государево дѣло меня разспросить и мнѣ де было бить челомъ г., что сижу де я въ темницѣ, *жить свой мучу не въ дѣлѣ*, и чтобъ де г. пожаловалъ меня, велѣлъ про меня сыскать, про мое воровство городомъ Мценскомъ, *люба де смерть была или жить, одинъ бы де конецъ былъ*, а больше де за мною тѣхъ рѣчей нѣтъ, а государева дѣла за мною нѣтъ и ни на кого не вѣдаю, и не слыхаль ни отъ кого, и писать де самому государева дѣла не чѣмъ, oprично де за мною того никакихъ рѣчей нѣтъ» (С. 9).

Здесь мы наблюдаем и элементы обиходно-деловой словесности, окруженные типичным приказным формуляром (*жить свой мучу въ напраснинѣ*), и образец литературно обработанной деловой речи, введенной в контекст челобитной и выделяющейся своим орнаментом в таком

консервативном жанре (*люба де смерть была или животъ, одинъ бы де конецъ былъ*).

В других документах мы также встречаем показательные эпизоды авторской деловой практики, отражающей и местные традиции «подьячского наречия», и правила московских приказов, например:

«...и говорилъ ему Григорій, что приказано ему на гостинѣ дворѣ, и онъ де Григорій *корыстуется* одинъ, а его де Савинковыхъ воротъ не знаетъ и ничего къ нему не приносить. И онъ де, Григорій Масловъ, говорилъ, что ему на гостинномъ дворѣ *корыстоваться* нечѣмъ и посуловъ къ нему посылать нечего. И за то де подьячій Савинко, побранясь съ нимъ, *взвелъ государево слово*, будто онъ, Григорій Масловъ, торгуетъ государевымъ именемъ да будто и сторговаль» (С. 8).

«...а сказалъ: *являль де топеро* Луховской посадскій человекъ Митька Васильевъ сынъ Оголихинъ на кабацѣ многимъ посадскимъ людямъ, что говорилъ на кабацѣ князя Васильевъ крестьянинъ Семеновича Куракина Милютка Алексеевъ сынъ Кузнецъ про государя неподобное слово, а за то де, г., тотъ Митька Оголихинъ ко мнѣ, х. твоему, не пошелъ, являль, что было поздно да и пьянь былъ» (С. 4).

«...приказалъ сотскимъ... *беречи до утра, покамѣста тѣ люди просятъся*» (С. 5).

«...и почали де подьячїе у него, Ивашка, бумаги просить, и *увидѣли въ подпояскѣ узелокъ завязанъ*, и велѣли ему развязать. И въ томъ де узелкѣ завязанъ у него корень, а не вѣдаетъ онъ, Пашка, какой. И сыщикъ де разбойныхъ дѣлъ Иванъ Шестовъ-Полтевъ велѣлъ тому мужику Ивашки половину кореня съѣсть. И какъ де тотъ мужикъ съѣлъ, *и ему ничего не подѣлалось*. А другую половину того кореня, запечатавъ, положилъ въ казну и писалъ къ тебѣ, г., а того Ивашку Круговаго посадилъ въ тюрьму до твоего г. указа» (С. 14).

«...тотъ колодникъ, г., Герасимка Труфоновъ изъ за пристава *утекъ безвѣстно*» (С. 11).

«И говорилъ, г., передо мною, х. т., онъ, Павликъ, Якушку Щурову: ты де вѣдомый воръ, напередъ сего въ воровствѣ не по однажды пойманъ

быль и по дважды де государево слово сказываль, и тѣмъ де отъ воровства своего свобоженъ былъ, а нынѣ де покравъ лавку государевымъ жѣ дѣломъ отъ воровства своего *опростаться*» (С. 14).

«...потому что *почаялся* онъ, Якушко, что его пошлетъ съ тѣмъ къ Москвѣ» (С. 14).

«...приложа руку къ челобитной, и учаль имъ, мѣрскимъ людямъ, *лаять матерны и съ челобитною*, и тое ихъ челобитную бросиль по столу, а въ той де челобитной насъ, в. г., имя написано» (С. 44).

«А я, х. твой, грамотѣ не умѣючи, *учаль* де, г. съ того Ивашка въ пропѣхъ тотъ черкашенинъ Гаврилка *зипунъ снимать*, и тотъ де Ивашка говорилъ: дай де господи здоровъ былъ, ты г. ц. и в. к. М. Ф. в. Р. и отецъ твой государевъ в. г. с. п. Ф. Н. М. и в. Р. не велятъ воровать. И тотъ де, г., Гаврилко *отца твоего государева изляль*» (С. 45).

«...поималъ меня, х. т., безъ поличнаго и безъ язычной молки, и посадилъ меня въ тюрьму занапрасно, *стакався съ ельчаны*, дѣтьми боярскими, Денисомъ Шиловымъ съ товарищемъ» (С. 139).

«А сказавъ, велѣлъ бы его у приказныя избы бить батоги нещадно, чтобъ ему впредь неповадно было пить до пьяна и инымъ такъ воровать, *съ || пьяныхъ глазъ наши дѣла затѣвать*. А учиня ему наказанье, его свободилъ» (С. 225–226).

«...шелъ де онъ, Федька, мимо Галицкое опальной тюрьмы и его де, Фѣдку, *вскликалъ* тюремный сидѣлецъ Ивашко Ивановъ, а, *вскликавъ*, велѣлъ въ сѣзжей избѣ мнѣ, х. т., ему Фѣдкѣ, извѣститъ, что де за нимъ, Ивашкомъ, есть твое государево слово» (С. 227).

«Да тюремный же сидѣлецъ ок. кн. Ивана Васильевича Хилкова кр. Афонька Михайловъ сынъ, прозвище Собинка, въ разспросѣ сказали: была де у тюремныхъ сидѣльцевъ у Зиньки Чекенева съ Ивашкомъ Ивановымъ *межь собою поговорка* и Ивашко де спросилъ его, Зиньки: за что де кн. Семень Сатыевъ-Урусовъ съ Москвы въ опалу сосланъ? И Зиновейко де ему, Ивашку, молвилъ такое слово: сосланъ де онъ за то, что де онъ, кн. Семень, блаженной памяти г. ц. и в. к. М. Ф. *въ третьей кствѣ окормилъ*. То де я слово слышалъ» (С. 228).

«И Ивашка Кочурбановъ въ разспросѣ сказалъ: сентября де въ 15 д. въ другомъ часу ночи шель онъ съ посаду отъ Никитскаго попа отъ Стефана со владычнымъ подь дьякомъ съ Маркомъ Львовымъ и толкнулъ въ городовыя ворота кулакомъ: «есть ли воротникъ»? И въ тѣ поры де никто не откликнулся, и, выскоча де изъ караульной избы, невѣдомо кто, и *его лаяль матерны всякою лаею*; а онъ де, Ивашка, и не помнитъ ничего, былъ по грѣху пьянъ» (С. 418).

Отмеченные эпизоды приказного следственного обихода иллюстрируют разную степень терминологической и лексико-семантической направленности языковых средств: «специальный» контекст, требующий буквального следования деловой схеме, использует клишированные компоненты, принятые в целом в официальной письменности; в тех случаях, когда коммуникативно-ситуативный план занимает ведущее положение (в прямой речи, в описании фактов происшествия), он создает свои речевые средства и включает их в «подьяческое наречие». Отсюда экспрессивная насыщенность текста бывает разной. Ее носителями являются лексические единицы, выходящие за традиционный деловой концепт и реализующиеся в системе словесных единиц другого информационного поля, ср.: *лаяль матерны и съ челобитною и отца твоего государева излаяль* (здесь очевидна просторечная репрезентация языковых элементов, показывающая высокую степень негативной перцепции); *стакався съ ельчаны; въ третьей ѣствѣ окормилъ* (в подобных выражениях содержится нейтральная коннотация факта). Такие примеры в обилии фиксировались в «Словах и делах государевых» и во многом содействовали поиску деловой употребительной нормы. Как видно из приведенных текстов, и те, и другие компоненты были допустимы даже в официальных посланиях и для данного жанра не являлись чем-то необычным. Использование элементов «подлой» речи, по выражению А.Н. Толстого, имело функциональную мотивацию: традиции московской приказной школы требовали записывать дела о «государевом деле» «слово в слово» и тем инициировали введение в содержательную канву пестрой гаммы речевых средств, впервые с такой ясностью отразивших живые голоса далекой эпохи. Этим своим качеством данные документы отличаются от многочисленных актов того времени⁹.

Представляется целесообразным, кроме описания общих речевых характеристик этих документов, проанализировать отдельные дела. Хотя они и создавались по заданной схеме, все же имеют весьма своеобразные

детали текста, который в каждом случае раскрывался своими индивидуальными особенностями.

Разнообразный и богатый речевыми фактами словесный орнамент «Слов и дел государевых», отражающих противоречивые жизненные события, выявляется в конкретных ситуативно-коммуникативных эпизодах, где на первый план выходит народно-разговорная стихия. Таково, в частности, дело «Об освобождении из тюрьмы рязанца сына боярского Федота Короваева, посаженного туда без вины и сказавшего государево дело ложно с целью избавиться тюремной нужи». Оно показывает интересный социальный прецедент, когда «государево дело» объявлялось с целью протеста и защиты собственных прав. И единственный способ избежать «нужи» – фальсификация фактов. Все это подвергалось тщательному анализу и разбирательству со стороны судебных органов.

Этот образец следственного документа примечателен и собственно текстологическими и лингвистическими характеристиками. В нем участвуют разные стороны (заклученный боярин, тюремные сидельцы, свидетели, царь), которые по-своему реагируют на происшедшее событие и выражают в словесной форме свое отношение к нему. Мы наблюдаем здесь, таким образом, целый комплекс коммуникативных средств, подчиненных раскрытию конкретной ситуации и оформленных по единой схеме тяжбенного делопроизводства. Но в ней, как и в любой стандартной деловой формуле, могут быть изменения и отклонения от письменного трафарета, которые и составляют то ценное в языковом отношении, на что следует обратить внимание.

Традиционный зачин имеет цель ввести читателя в ситуативный ряд и сообщает факты. Деловое описание как прием документирования информации сопровождается применением известных приказных клише:

«Въ нынѣшнемъ во 154 г. февраля въ 6 д. писалъ къ г. ц. и в. к. А. М. в. Р. изъ Переславля Рязанскаго Дмитрій Овцынъ, сказывали де ему тюремные сидѣльцы, рязанецъ, с. б., Федотка Короваевъ да б. Н. И. Романова Скопина городка казаки Бориско Воротниковъ Кривой да Захарко Лопаткинъ, что за ними государево дѣло; а ему они того государева дѣла не скажутъ, а скажутъ де они про то государево дѣло на Москвѣ. И февраля въ 26 д. послана г. грамота въ Переславль Рязанскій къ Дмитрію Овцыну, а велѣно тюремныхъ сидѣльцевъ, рязанца, с. б., Федотка Короваева, и Бориска Кривого, и Захарка Лопаткина про государево дѣло разспросить ему, Дмитрію. А будетъ не скажетъ, и ему тѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ

велѣно пытать. А что они въ разспросѣ и съ пытки скажутъ, и въ какомъ дѣлѣ, и сколь давно въ тюрьму посажены, и ему велѣно *отписать къ государю*. И марта въ 21 д. писалъ къ г. изъ Переславля Рязанскаго Дмитрій Овцынъ, что онъ тюремныхъ сидѣльцевъ Федотка Караваяева, и Бориска Кривого, и Захарка Лопаткина про *государево дѣло* разспрашивалъ, и они ему про *государево дѣло* не пытаны не сказали, и онъ ихъ по г. указу велѣлъ пытать» (С. 540).

Каждый тематический блок дела содержит комплекс следственных мероприятий, получивших разработку на основе гражданских судебных законов. В частности, здесь «тюремные сидельцы» «не пытаны не сказали», поэтому велено их «по государеву указу» пытать. Среди отмеченных элементов делового письменного обихода мы фиксируем и целые синтагмы, как правило фигурирующие в начале и конце документа, и отдельные сочетания (*государево дѣло*), и одиночные лексемы в типичных для приказного контекста грамматических формах (*въ разспросѣ, съ пытки*).

Наибольший интерес представляют сами допросы (пытки) и как факт социокультурной юридической традиции, и как своеобразный языковой эксперимент. Именно в «Словах и делах государевых» эта часть текста играет самую функционально значимую роль: на ее документировании основывается судебное решение и выносится окончательный вердикт. С точки зрения текстового пространства такой компонент является необходимым звеном в цепи структурного построения словесного материала и своей формой подтверждает подлинность совершаемого действия. Следовательно, и речевая оболочка такого текста меняет свою окраску: от официального «представления» дела – к реальному коммуникативному процессу. См. далее:

«А съ пытки рязанецъ, с. б., Федотка Короваевъ сказалъ: въ нынѣшнемъ во 154 г. на масленой недѣлѣ говорилъ въ тюрьмѣ тюремный же сидѣлецъ Іевлевъ кр. Протасьева Ивашко Яковлевъ, что онъ *на государево дѣло плюнетъ*; а къ какой де рѣчи Ивашко Яковлевъ то слово молвилъ, и онъ, Федотка, того не слыхалъ» (С. 540).

Этот процесс предполагал запись речи участников следствия «слово в слово» или ее передачу косвенными конструкциями, но с сохранением общего смысла и манеры словесного выражения. Такая задача ставилась

писцу, который оформлял настоящие акты по заданному трафарету. В данную схему входил и перцептивный элемент: воспроизведение подлинной речи говорящего, воспринимаемой участниками процесса, с отображением индивидуальных особенностей «поведенческой тактики»:

«А Ивашко Яковлевъ въ разспросѣ сказалъ: *пиль де онъ на масляной недѣлѣ 2 дни и вопьянѣ де молвилъ онъ, Ивашко, то невѣжливое слово; а къ какой рѣчи то слово молвилъ, и онъ, Ивашко, того самъ не помнитъ, и въ той де его винѣ государь воленъ*. А въ тюрьму Федотка Караваевъ посаженъ въ прошломъ во 153 г. въ Оспожинѣ постъ, приѣхалъ де онъ, Федотка, въ Переславль Рязанскій государю крестъ цѣловать, и его де у крестнаго цѣлованья изымали губные старосты Григорій Колеминъ да Дмитрій Смагинъ, и сказали ему, что *велѣно его по язычной молкѣ посадить въ тюрьму*; а по чьей де *язычной молкѣ*, и въ какомъ дѣлѣ, того де ему не сказали; и съ тѣхъ де мѣсть сидитъ въ тюрьмѣ, и г. бы его пожаловалъ, велѣлъ ему свой г. указъ учинить» (С. 541).

В таких эпизодах фиксируется событийная сторона допроса (*пиль де онъ на масляной недѣлѣ 2 дни...*), а фигурирующие дополнительные обстоятельства показывают причину следственного действия: *велѣно его по язычной молкѣ посадить въ тюрьму...* Заметим, что речь обвиняемого при ее письменной атрибуции получает «деловую» обработку: меняется семантический облик текста, который приобретает нетрадиционные для реальной ситуации детали. В этом отношении заслуживает внимания выражение *и вопьянѣ де молвилъ онъ*, показывающее разные возможности семантико-стилистической адаптации разговорных элементов. Ср.: «...такое слово || въ караульной избѣ *молвилъ спроста пьянѣ...*» (С. 15–16); «...онъ *молвилъ* про г. непристойное слово *съ простоумья*, а не умысломъ...» (С. 141). Указанный глагол употреблен писцом в одном из вторичных значений: *молвить* – это не просто «говорить, сказать», а «наговаривать на кого-л.»¹⁰. Здесь старинная книжная семантика слова получила практическую реализацию в деловом контексте. Заметим, что в современном литературном языке архаический оттенок вышел из употребления: *молвить* фиксируется только как «сказать, проговорить что-л.» с пометой «народно-поэтическое»¹¹. В данном контексте выделяем

еще один показательный элемент делового письма, имевший хождение и в обиходной речи: *по язычной молкѣ*. Это выражение означает «донос, свидетельское показание» и фиксируется как устойчивый оборот приказной письменности с конца XVI века. Лексема *молка* (*молвка*) в древнерусских деловых текстах трактуется так: «оговор, обвинение»¹². В сочетании с прилагательным *язычный* (от слова *язык*¹³) данное выражение получает терминологический смысл и в такой семантической оболочке воспроизводится в утилитарной словесности иногда с иным текстовым сопровождением. Ср. другие фрагменты следственных материалов XVII века: «...губный староста Иванъ Бехтѣвъ поималъ меня, х. т., *безъ поличнаго и безъ язычной молки*, и посадилъ меня въ тюрьму занапрасно, стакався съ ельчаны, дѣтми боярскими, Денисомъ Шиловымъ съ товарищемъ. И я, х. т., сидѣлъ въ тюрьмѣ и помиралъ голодною смертью годъ. И тотъ г., губный староста Иванъ Бехтѣвъ хотѣлъ меня пытать *безъ поличнаго и безъ язычной молки*, по челобитью тѣхъ моихъ недрузей...» (С. 139).

Таким образом, устойчивый терминологический аппарат юридического языка тоже неотъемлемая часть текстов допросных речей, в схеме воспроизведения которых словесный материал приобретает специальный, профессиональный облик судебного-правового документа. Это подтверждается дальнейшими действиями следствия, зафиксированными после пытки другого участника данного процесса, сообщившего дополнительную информацию:

«Бориско Воротниковъ Кривой въ разспросѣ и пытки сказалъ: въ прошломъ де во 152 г. ѣздилъ онъ въ Касимовскій уѣздъ для своего дѣла, и заѣхалъ въ село Наташенъе по знакомству къ татарину Гришкѣ Синѣву, и видѣлъ, что тотъ татаринъ Гришка Синѣвъ дѣлаетъ укладныя деньги, и продаетъ за серебряныя деньги, и продаетъ де за рубль по гривнѣ и больше. А ему, Бориску, тотъ татаринъ Гришка Синѣвъ укладныхъ денегъ далъ рубли съ 2, а у него, Бориска, взялъ за рубль по 5 алтынѣ. То де за нимъ, за Борискомъ, и государево дѣло, а иного никакого дѣла нѣтъ. А въ тюрьму онъ, Бориско, посаженъ въ прошломъ во 153 г. *по язычной молкѣ* Рязанскаго архіепископа кр. Федотка Михѣва въ разбойномъ дѣлѣ» (С. 541).

Стоит отметить, что каждый допрос представляет собой новый тематический блок дела, но с повторяющимися текстовыми элементами, обрамляющими конкретный фрагмент. Первый его компонент – наименование лица (как правило, даются имя и фамилия и дополнительно, если есть, прозвище: *Бориско Воротниковъ Кривой*), сословная принадлежность которого фиксируется в начале следственного действия (*казак*). Имена представителей низших ступеней социальной лестницы, кроме того, получают суффиксальную атрибуцию: уменьшительно-ласкательный аффикс *-к-* (*Захарко Лопаткинъ, съ Ивашкомъ Фроловымъ*). Следующий компонент – наименование следственного мероприятия (допрос, пытка):

...въ разпросѣ и съ пытки сказалъ... Затем помещается изложение речи, то есть происходит словесная фиксация событийной стороны (объяснение причин и обстоятельств случившегося). Завершается блок объявлением официального лица, инициировавшего следствие: «А въ тюрьму онъ, Бориско, посаженъ въ прошломъ во 153 г. по язычной молкѣ *Рязанскаго архієпископа кр. Федотка Михѣва...*», «А въ тюрьму онъ, Захарко, посаженъ въ прошломъ во 152 г. по язычной молкѣ *тюремнаго-жъ сидѣльца Гришки Скопинскаго...*», с типичной формулярной концовкой: «...въ разбойномъ дѣлѣ». Ср. аналогичный эпизод далее по тексту (цифрами указаны выделенные нами части):

«(1) *Захарко Лопаткинъ* (2) *въ разпросѣ и съ пытки сказалъ*: (3) тому де нынѣ четвертый годъ издиль онъ б. П. И. Романова съ кр. съ Ивашкомъ Фроловымъ въ Мещору въ Гускую волость купить суконъ и рогожъ, и въ той де Гуской волости стояли они въ дер. Ташкинѣ у кр. у Васьки; и какъ де поѣхали они отъ того Васьки съ двора, и на дорогѣ де показалъ ему товарищъ его Ивашко Фроловъ мѣдныхъ денегъ рублей съ 10; а сказалъ ему тотъ Ивашко, купилъ де онъ, Ивашко, мѣдныя деньги у того кр. у Васьки, у котораго они на дворѣ стояли; а по чему за рубль серебряныхъ денегъ давалъ, того де ему, Захарку, онъ, Ивашко, не сказалъ. То де онъ, Захарко, государево дѣло и вѣдаетъ, а иного никакого дѣла нѣтъ. (4) А въ тюрьму онъ, Захарко, посаженъ въ прошломъ во 152 г. по язычной молкѣ *тюремнаго-жъ сидѣльца Гришки Скопинскаго въ разбойномъ дѣлѣ*» (С. 541).

В состав следственного дела включались и другие компоненты: челобитная «тюремного сидельца», указ царя. Каждый из них интересен ха-

рактором речевых средств и их письменной фиксацией в деловом контексте. Заметим, что при общей схеме такого документа они обслуживают разные информационные блоки: челобитная выражает типичные черты этого жанра приказной словесности и менее официальна в представлении речевой характеристики; она использует как традиционный набор «ритуальных» формул, так и элементы народно-разговорного языка; ответ государя содержит только констатирующую клаузулу, оформленную средствами деловой архаики, представляющую собой государственный слог; она не допускает стилистических и лексических отклонений. Проанализируем эти части подробнее.

«Ц. г. и в. к. А. М. в. Р. *бьетъ челомъ х. т.* изъ темницы заключенный рязанецъ Федотко Васильевъ сынъ Короваевъ. Въ прошломъ, г., во 153 г. прихаль я, *х. т.*, въ Переславль Рязанскій тебѣ г., креста цѣловать и губные старосты Григорій Колеминъ да Дмитрій Смагинъ, взяли меня, *х. т.*, отъ крестнаго цѣлованья и посадили въ тюрьму безъ поличнаго и безъ язычной молки для своей бездѣльной корысти, а истца мнѣ, *х. т.*, и по ся мѣста никого нѣтъ. Сижу напрасно, помираю нужною, голодною смертию. И въ нынѣшнемъ, г., во 154 г., сидѣчи въ тюрьмѣ, *сказаль за собою твое государево слово*, и о томъ в. Дмитрій Овцынъ писалъ къ тебѣ, г., къ Москвѣ въ Разрядъ. И супротивъ той отписки изъ Разряду прислана твоя *г. грамота*, а велѣно меня въ твоемъ *государевѣ словѣ* распросить. И я, *х. т.*, супротивъ твоей *г. грамоты* спрашиванъ; а *твоего г. указу* мнѣ, *х. т.*, нѣтъ, сижу внапраснѣ, безъ вины, помираю нужною, голодною смертию. И я, *х. т.*, *билъ челомъ* тебѣ, г., о указѣ и думные, г., дьяки Иванъ Гавреневъ да Михайло Волошениновъ, дѣла и отписки слушавъ, сказали, что въ томъ твоемъ *государевѣ дѣлѣ* я, *х. т.*, оправдался и дѣла до меня нѣтъ: а губные старосты отказали, что до меня имъ никакого дѣла нѣтъ. *Милосердый г., пожалуй меня, х. своего*, заключеннаго, *вели, г.*, мнѣ дать свою *г. грамоту* изъ Разряда и *вели, г.*, меня свободить, чтобъ || мнѣ, *х. т.*, сидѣчи въ тюрьмѣ, съ стыда и съ голоду не помереть. *Ц., г., смилуйся, пожалуй*» (С. 541–542).

Мы отмечаем в данном фрагменте типичные образцы делового трафарета челобитных, характеризующие традиционный письменный приказ-

ный обиход: *бьетъ челом, х[олопъ] т[вой], сказалъ... государево слово, г[осударева] грамота, твоего г[осударева] указу.*

Автор использует устойчивое выражение, применявшееся как в утилитарной словесности, так и в произведениях художественной литературы (...и *по ся мѣста* (=до сих пор) *никого нѣтъ*) и закрепившееся в архаичной форме. Ср. такой фрагмент из древнерусской повести XVII века: «Ой еси, Сухан Дамантьевич! Ты славен в Киеве велик богатырь, а *по ся мест* не ведаешь, ужь тому девятой день, как перевозитца через быстрой Непр царь Азбук Товруевичъ»¹⁴. В изучаемом деле указанное выражение встречается в двух видах: простом (как в примере выше по тексту) и составном: ...и *съ тѣхъ де мѣстъ онъ, Ѳедотка, и по ся мѣста сидитъ и помираетъ голодомъ...* (С. 542). Последний вариант, по-видимому, был распространен реже и не отмечается в таком составе в «Словаре русского языка XI–XVII вв.».

Другой особенностью текста являются клишированные обращения, применяемые в утилитарной стилистике как схематическое средство поведенческой тактики: *Милосердый г., пожалуй меня, х. своего...; ...вели, г[осударь]...; Ц., г., смилуйся, пожалуй.* В таких случаях употребляются формы повелительного наклонения глаголов. При обработке текста сохранена личная мотивация письма, подтвержденная использованием местоимения я.

Нами зафиксированы и менее устойчивые компоненты делового орнамента, применяемые как дополнительное описательное средство. Они отражают полуофициальные тенденции в языке челобитных: *для своей бездѣльной корысти, сижу внапраснѣ; помираю нужною, голодную смертью; дѣла до меня нѣтъ.* Очевиден их обиходно-разговорный характер.

Показательным элементом живой языковой традиции является употребление исконно русских глагольных форм в сочетаниях типа *сидѣчи въ тюрьмѣ.*

Для челобитных характерно введение в содержательную структуру слов-титолов, обозначающих лицо и его социокультурную принадлежность. В нашем контексте это *губные старосты, думные дѣяки.* Документ содержит и лексические средства, имеющие юридическую семантику (*полличное, язычная молка, истец, указ*), а также наименования государственных учреждений (*Разряд*).

Таким образом, анализируемый фрагмент представляет собой определенный набор традиционных языковых средств «подьяческого наречия», подчиненных заданной деловой схеме, но и имеющих индивидуальное проявление в контексте. Несомненна некоторая профессиональная стилистическая обработка материала и унификация приемов словесного выра-

жения. Насыщенность терминами и лексемами из области государственно-правовых отношений и судебная ориентация текста позволяют выделить в нем опорные фигуры, на основе которых формируется жанр челобитной и по образцу которых создается тип словесного полотна. Но все они функционируют в русле гражданских письменных традиций. В целом рассмотренные компоненты данного текста отражают и реальную языковую ситуацию того времени, показывая устойчивость утилитарной нормы, ее закреплённость за конкретным жанром и в то же время способность воспринимать и адаптировать в деловом контексте неоднородные речевые средства. Трафаретность позволяет вмешиваться в приказную схему народно-разговорным, книжным и обиходно-деловым «ритуалам», вводимым с функциональной целью, и уживаться с ними в одном контексте.

Следующая далее вторая челобитная содержит краткий пересказ событийной линии и в текстовом отношении почти идентична первой. Она включает тот же набор речевых средств, но повествование ведётся от третьего лица:

«И г. ц. и в. к. А. М. в. Р. бьетъ челомъ рязанецъ Федотко Короваевъ, а сказал: въ прошломъ де во 153 г. пріѣхаль онъ, Федотка, изъ дер. своей въ Переславль Рязанскій крестъ цѣловать г., и губные старосты Григорій Колеминъ да Дмитрій Смагинъ для своей корысти отъ крестнаго цѣлованья его, Федотка, взяли, и посадили въ тюрьму; и онъ де, Федотка, не перетрѣпя тюремныя нужи, сказалъ за собою государево дѣло, и съ тѣхъ де мѣсть онъ, Федотка, и по ся мѣста сидить и помираеть голодомъ, а истца де ему никого нѣтъ. И г. бы его, Федотка, пожаловаль, велѣль его изъ тюрьмы свободить» (С. 542).

Другой тип – заключительная часть следствия, представленная «пометой» государя и царской «грамотой». Она выдержана в стилистике официально-делового письма с краткими резюме и выделяется двумя показателями:

а) оборотами речи, принятыми в писцовой традиции: *государь пожаловал, выпустить съ порукою*;

б) устаревшими книжными формами: употребление глагольного перфекта (*писаль еси*)¹⁵, указательного местоимения *ся*, древней формы творительного падежа множественного числа (*съ иными нашими дѣлы*).

Здесь же фиксируется следующая любопытная социокультурная деталь судебного делопроизводства: «разпросныя и пыточныя рѣчи» присы-

лались для принятия решения в Москву, о чем на место подавалась отписка: «И намъ то вѣдомо».

В этой же части мы обнаруживаем и фактическое изменение одной формулы приказного языка: если в предыдущих документах везде фигурировало *государево дѣло*, то здесь оно названо по-другому: *наше дѣло*.

Наконец, финальная часть документа заканчивается письменным оборотом, который являлся текстовой клаузулой документов государственного значения: «Писанъ на Москвѣ лѣта 7155 октября въ 20 д.».

Приведем конец этого дела:

«Помѣта: 155 г. октября въ 20 д. *государь пожаловалъ*: буде до него разбойное или татиное дѣло не дошло и истца ему никого нѣтъ, велѣлъ его изъ *тюрьмы выпустить съ порукою*.

Отъ ц. и в. к. А. М. в. Р. въ Переславль Рязанскій в. нашему Дмитрію Михайловичу Овцыну. Въ прошломъ въ 154 г. *писалъ еси* къ намъ и прислалъ разпросныя и пыточныя рѣчи тюремного сидѣльца, рязанца, с. б., Федотка Караваева, что онъ сказалъ на Іевлева кр. Протасьева на Ивашка Яковлева *наше дѣло*. И намъ то вѣдомо.

И какъ къ тебѣ *ся* наша грамота придетъ, а до того будетъ Федотка разбойное и татиное дѣло не дошло, и исца ему никого нѣтъ, и ты бѣ его, Федотка, изъ тюрьмы *выпустилъ съ порукою*. Да о томъ къ намъ отписалъ *съ иными нашими дѣлы*. Писанъ на Москвѣ лѣта 7155 октября въ 20 д.» (С. 542).

Итак, рассмотренный нами фрагмент из «Слов и дел государевых» можно квалифицировать как типичный образец приказной схемы с ее формальными, текстовыми и языковыми элементами, служащими для обеспечения «словесного ритуала» следственного процесса особо важного государственного значения. Но мы не наблюдаем абсолютной стандартизации трафаретов, которые допускали варьирование внутри системы «подьяческого наречия», а в ряде примеров и контаминацию со смежными языковыми фигурами.

Но это не единственный образец такого типа документов, состав и структура которых во многом зависели от событийной стороны вопроса, методов его практического разрешения и способностей самого писца как главного творителя искусства делового слога¹⁶. В иных случаях нейтральный деловой «сюжет» окрашен более экспрессивными средства-

ми и отражает другие стороны социальной жизни, получившие своеобразную детализацию в контексте письменного разбирательства.

Предметом расспросных речей могли быть не только изветы на царя, но и другие случаи, в частности, произнесение непристойных слов, которые также квалифицировались как отклонение от общественных правил и карались институтом судебной власти.

В одном таком деле «О наказании батогоми за ложный извет в государевом слове» говорится:

«Г. ц. и в. к. А. М. в. Р. х. твой Ивашка Колтовский челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, г., во 156 г. іюня въ 23 д. пришелъ ко мнѣ, х. т., въ съзжую избу курченинъ, с. б., Григорій Мальцовъ, а сказалъ за собою твое государево слово, что будто говорилъ *непристойное слово* черненинъ, с. б., Яковъ Романовъ. И я, х. т., того с. б. Якова Романова противъ Григорьевы сказки Мальцева велѣлъ сыскать, и о томъ его разспрашивалъ, и которые, г., *такое непристойное слово противъ ихъ сказокъ слышали*, велѣлъ, разспрося, записать, и тѣ, г., ихъ разспросныя рѣчи...» (С. 542).

Допрос содержит изложение объявленных «государевых слов». Пересказ оформляется как перечисление событий, состоящее из отдельных однородных конструкций, включающих в свой строй глаголы прошедшего времени:

«156 г. іюня въ 23 д. *пришелъ* въ съзжую избу къ в. къ Ивану Михайловичу Колтовскому черненинъ, с. б., Григорій Мальцовъ, а *сказалъ* за собою государево слово: *цѣловалъ* де онъ государю крестъ, что слыша про него, г., не молчать; *почелъ* де черненинъ, с. б., Яковъ Романовъ у брата его родного у Іева Мальцева избу раскрывать, а *сказалъ* де ему, что тотъ Яковъ тое избу *купилъ* у Іевлевой жены, а тотъ де Іевъ посланъ на г. службу на вѣчное житѣе въ Новый Царевъ-Алексеевъ городъ; и онъ де тому Якову *почелъ говорить* про тое Іевлеву избу: Іевлевымъ де помѣстѣемъ г. *пожаловалъ* его, Григорья. И тотъ де Яковъ *молвилъ*: «у насъ де и на Черни государь». И онъ де, про такое слово слыша, *извѣстилъ*; а *слышали* де такое слово, что тотъ Яковъ *говорилъ*, Аксенова жена Филатова Арина да Ермолова жена Мальцева Анна: «у насъ де и на Черни государь» (С. 542).

Именно глагольная часть в данных текстах играет особую роль, поскольку подчеркивает действие как способ ведения следствия. Заметим, что такое семантическое преимущество указанной части речи над осталь-

ными преобладает и в других частях документа. Глаголы здесь употреблены не в книжных устаревших формах, а записаны с речи реальных участников дела и составлены в цепочку для удобства логического восприятия текста. В этом есть и формулярная черта: деловой документ, особенно тот, что связан с каким-то следствием, всегда мобилизует наиболее активную, действенную часть словарного запаса для передачи информации. Наиболее часто употребляются глаголы *пришелъ, сказалъ, почель говорить, молвить, слышали*.

Следующий текстовый блок содержит *расспрос* – составную часть такого типа приказных документов, на которых основывается следствие. Как правило, эта часть даже в передаче писцами стандартных элементов делового языка включает и некоторые народно-разговорные черты, которые обнаруживаются прежде всего в прямой речи или в ее обработке (косвенной речи):

«Того жъ числа сказалъ въ разспросѣ черненинъ, с. б., Яковъ Романовъ: *купилъ де онъ у Іевлевой жены Мальцева избу, и тое де избу почель раскрывать, и пришедъ де къ нему къ той избѣ Григорій Мальцовъ, и той избы ему возить не велить, почель де ему тотъ Григорій говорить: «меня де Іевлевымъ помѣстьемъ г. пожаловалъ и хоромами»*. И онъ де почель ему, Григорью, говорить: *«есть-ли у него на то Іевлево помѣстье г. грамота?»* И тотъ де Григорій молвить: *«воленъ де въ томъ государь»*. И онъ де такое слово молвить тому Григорью: *«до государя де далеко, государь живетъ на Москвѣ, а на Черни де есть по г. указу начальникъ воевода»*. А такого де онъ слова не говаривалъ, что *«у насъ на Черни государь»*. То де слышали, что онъ говорилъ, Аксенова жена Филатова Ирина, да Ермолова жена, да Іевлева жена Мальцовыхъ, что *«есть у насъ на Черни по г. указу начальникъ воевода»* (С. 543).

Приметами разговорного обихода в этом фрагменте является употребление бытовой лексики (*изба, хоромы*), а также опрощенные выражения деловой речи, которые начинают активно проникать в утилитарную словесность (*до государя де далеко, государь живетъ на Москвѣ...*). Их нельзя относить в полной мере к живым компонентам устной речи. При составлении дела они подвергались соответствующей стилистической и языковой обработке, но не трансформировались полностью. Выразительный контекст допросных речей требовал точной передачи слова, поэтому устные сообщения корректировались, сокращались, из них вычленялось основное тематическое ядро, которое оформлялось как фрагмент устного расспроса. В последнем также отмечаются устойчивые выраже-

ния делового языка: *государева грамота, по государеву указу, государь пожаловал*. Можно полагать, что они бытовали в устном общении во время судебного разбирательства: какое-то количество официальных трафаретов было известно широким слоям населения. К тому же допрос обычно строился из «вопросных пунктов», на которые необходимо было отвечать по «уставу». Таким образом, фиксация в тексте элементов деловой речи есть не только факт письменного документирования «подьяческого наречия», но и свидетельство того, что оно находилось в обычной речевой практике населения, которое знало приемы юридического этикета и владело традиционным «деловым» орнаментом как специальным средством в профессиональной среде и т. д.

Для расспросных речей, таким образом, применяется специфическая схема подачи текста. В частности, используется так называемый вводный глагол, который «находится вне прямой речи, характеризует определенную сторону передаваемой речи, указывает на ее тип»¹⁷. В эту группу входят глаголы говорения (*говорить, молвить, сказать, сказывать, допросить, спрашивать, спросить, бранить* и т. д.), например:

«И тотъ де Яковъ *сказаль*: «я де избу купиль, а ты де коли привезешь на то помѣстье г. грамоту и на хоромы?» А такого де слова Яковъ не говариваль, что «у насъ на Черни государь есть». То де тотъ Яковъ *молвилъ*: «по г. де указу на Черни указъ есть у начальника» (С. 543).

Разную степень действия подчеркивают полузнаменательные слова, сочетающиеся с такими глаголами и образующие вместе с ними составную конструкцию типа *почать говорить, стать говорить, учать говорить* и т. п.:

«...и тотъ де Нехорошій *учаль говорить*: попь де кого блюдется, къ тому попередъ ходить, а насъ де не блюдется, надобно де попу плѣшь разбить. И того де, г., попа брать родной церковный дьячекъ Ивашка, прозвище Лапотъ, *почаль* де ему, Нехорошему, *говорить*: волень де Богъ да г. в. св. Ф. Н., а попа не бить» (С. 16).

Отметим, что подобные вводные компоненты обладали заметной экспрессией, выраженной в лексеме с основным номинативным значением. Например, выразительность достигалась за счет употребления просторечных или бранных слов. Ср. такие контексты:

«Ц. г. и в. к. М. Ф. в. Р. бѣть челомъ и извѣщаетъ х. твой боровскій козачишка Познячко Семеновъ. Въ нынѣшнемъ, г., во 124 г. въ великій постъ, на 4-й недѣлѣ, во вторникъ, шель я, х. твой, мимо Боровскаго ряду,

а на дороге҃ стался со мною Андрей Хода пьянь и учаль меня лаять и бранить, и, бранясь, учаль говорить неподобныя слова про тебя, г... и я, х. твой, слышавъ про тебя, г., неподобное слово, извѣщаль воеводѣ. Милосердый государь, пожалуй меня, х. своего, вели мое челобитье записать. Ц., г., смилуйся» (С. 2).

«И казакъ Познячко Семеновъ сказалъ: встрѣтилъ онъ того казака Андрюшку Ходу на торгу пьянаго, и тотъ казакъ Андрюшка его, Познячку, ударилъ, и почаль его лаять матерны, и съ тѣмъ, кому онъ служить, а слышали де у него то слово боровской пушкаръ Ромашка Ждановъ, да Пафнутьева монастыря служба Фораоновъ» (С. 3).

Заметим, что экспрессивная семантика этих глагольных компонентов была очень разнообразной: *лаять*, *бранить*, *лаять матерны*. В последнем случае она потребовала дополнения, видимо, для выделения характеристики речевого поведения. Можно согласиться с мнением М. Шмюккер-Брелер о том, что «в соответствии с семантикой вводящих глаголов здесь может идти речь об объекте, показывающем результат действия речи. Внимание слушателя (читателя) направляется на содержание высказывания, подчеркивающего результат акта речи»¹⁸.

Указанные эпизоды позволяют нам говорить о том, что практически все словесное полотно «Слов и дел государевых» – и прямая речь, и косвенная – могло содержать неофициальные языковые формулы «бытового» трафарета, живой речи, которые естественно входили в ткань документальной «деловой прозы» и были частью судебной письменной традиции.

Лингвистическая ценность рассмотренных документов несомненна. Судя по их составу и формальным показателям, мы можем определенно сказать, что разговорная стихия прочно входит в ядро подобных текстов как знаковый компонент утилитарной традиции, которая в свою очередь и таким образом расширяла семантико-стилистический потенциал делового текста. Он не являлся раз и навсегда созданным трафаретом и впитывал живые элементы из народной речи, которые участвовали в создании деловых текстов, придавая им колоритный языковой и стилистический рисунок.

Другим важным показателем «Слов и дел государевых» и документов исследуемого периода – и это их отличительная особенность – стало обширное включение в делопроизводную канву прямой и косвенной речи, что раньше не практиковалось. Здесь эти компоненты стали неотъемлемыми деталями приказной словесности, которая принимала все более демократический, светский характер. Утилитарная казуистика в наших ма-

териалах пересекалась с некодифицированной стихией, иногда смешивалась с ней. Таким образом, происходил процесс формирования гражданских основ национального языка.

Еще одной чертой следственных документов XVI–XVII веков стало их ярко выраженное эмоциональное поле, проявлявшееся в использовании перцептивных языковых средств. В таких случаях в целом стилистически нейтральный контекст прерывался экспрессивными речевыми блоками, сознательно вводимыми писцами для создания эффекта реального действия. Именно с этого периода можно говорить о том, что официально-деловая письменность не представляла собой однородной стилистической поверхности, на ее основе происходили столкновение и отбор речевых средств разной ориентации. А применение и постоянная фиксация эмоциональных элементов словесного общения свидетельствуют о существовании традиции в формировании этого жанра, которая почти одновременно с ним и схожим образом будет проявляться и в других образцах «подьяческого наречия» (например, в посольской переписке, вестях). Таким образом, ситуативно-коммуникативный фактор являлся ведущим компонентом делового общения. И официальные, и полуофициальные, и частные приказные документы с этого периода начинают вводить в структуру текстов такие «перцепторы», которые приближают традиционную утилитарность к художественной экспрессии литературных произведений. Происходит активный процесс контаминации языковых средств, которые уже не являются только собственностью какого-то заданного текста и смело экспериментируют с ними в разных письменных ситуациях.

Вместе с тем мы отмечаем в исследованных делах трафаретные формулы и текстовые клише, свойственные вообще приказной традиции в Московской Руси. Их внешняя оболочка почти не менялась веками и воспроизводилась в «Словах и делах государевых» по аналогии с другими текстами.

Языковые данные настоящих материалов сообщают и новые сведения об институте судебной власти и некоторых юридических правилах, существовавших на Руси в отношении «государевых» преступников. В этой связи они подробно описывают следственные традиции и их письменный обиход, а главное, они позволяют достаточно объективно определить нормы «делового» строительства текстов, сформированных уже на основе сложившейся четкой административной системы, диктовавшей и правила ведения «языковой игры».

В целом «Слова и дела государевы» очень выразительно свидетельствуют о возросшей роли деловой письменности в процессе формирования национального языка и ее новых функциональных возможностях, которые в данных текстах получили апробацию. По этим материалам за-

метна и общая тенденция в развитии «подьяческого наречия», сводившаяся к утверждению его позиций в разных отраслях общественной и культурной деятельности государства как независимой системы речевых средств, обслуживавшей юридически-правовые вопросы и существовавшей в едином языковом пространстве гражданской утилитарной словесности. Ее развитие заметно опережает другую систему – книжную, и приспособляется к новым условиям, в которых происходит значительная дифференциация и укрупнение жанров и сближение их репрезентативных частей с народно-разговорной стихией. Последняя в значительной степени и станет движущей силой деловой письменности как эволюционирующей категории словесного творчества. Только в живых, реально существовавших в практике бытового общения языковых компонентах можно было найти рецепты дальнейшего функционирования всей деловой системы. Наши источники убедительно показывают, что это направление в развитии речевых средств утилитарного слога выдвинуло его на одну из первых позиций в процессе литературно-языкового строительства и дало толчок новым тенденциям в жанрово-типологическом и стилистическом оформлении текстов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. высказывание Б.А. Ларина о специфике языковых отношений в системе деловой письменности в этот период: «В Московских приказах тоже постепенно, лишь с XV–XVI вв., по мере усиления централизации административной системы, создается единство административной терминологии и фразеологии, единство основных норм языка деловой письменности. Но и здесь единообразие языковой формы деловой письменности соответствует только *единому языку приказного сословия* (здесь и далее курсив наш. – О. Н.), а не единству общенародного языка... То, что исследователи называют теперь областными элементами в деловом языке, как нельзя яснее показывает *различие между нормализованным языком Московских приказов и речью дьяков и подьячих из местных жителей в «земских избах» на периферии государства*» (Ларин, Б.А. Разговорный язык Московской Руси // История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы) : учебное пособие для студентов пед. ин-тов / сост. Б.Л. Богородский, Н.А. Мещерский. – М. : Просвещение, 1977. – С. 170).

² Архив РАН. Ф. 1516. – Оп. 1. – Ед. хр. – № 40.

³ См.: Ларин, Б.А. Указ. соч.

⁴ См.: Волков, С.С. Развитие административно-деловой терминологии в начале XVII века (по документам «Слова и дела») // Начальный этап формирования русского национального языка. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1961. – С. 152. Далее отсылки на данное издание даются в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1987. – Вып. 12. – С. 329.

⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975. – Вып. 2. – С. 69.

⁷ Ларин, Б.А. Указ. соч. – С. 171.

⁸ Там же.

⁹ Ср. суждение С.С. Волкова: «...язык этих судебных актов отражает гораздо шире живой общенародный язык XVII в., чем подавляющее большинство памятников письменности этой эпохи». (Волков, С.С. Развитие административно-деловой терминологии... – С. 139.)

¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1982. – Вып. 9. – С. 240.

¹¹ Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под. ред. Д.Н. Ушакова. – М. : Советская энциклопедия, 1938. – Т. 2. – С. 246.

¹² Словарь русского языка XI–XVII вв. – С. 241.

¹³ Первоначальная семантика слова *язык* – «пленник туземец, который может сообщить сведения о неприятеле». Оно также встречается и в древнейших юридических памятниках в значении «свидетельское показание» (Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – Т. 3. – Стб. 1649).

¹⁴ Цит. по: Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 9. – С. 116–117.

¹⁵ Заметим, что единичные вкрапления церковно-славянских грамматических форм могут быть не только в официальных («царских») грамотах, но и в записях «допросных речей» на местах. Это происходило чаще всего потому, что еще действовали очень сильные письменные книжные традиции. Б.А. Ларин считал, что «крестьянское повествование не содержит полного отражения... живой речи из-за боязни подьячего получить взыскание за малограмотность от царских дьяков, которые будут читать свиток». Приведем образец книжной обработки записи следственного процесса: «Того жъ часа сталь передъ Иваномъ Ивашко Коробовъ. Иванъ того Ивашка спрошалъ по г... крестному цѣлованью. И тотъ Ивашко Ивану въ разспросѣ сказалъ по г... крестному цѣлованью: пиль де я пиво съ тѣмъ Милютою и съ Дмитріемъ на кабацѣ, пивъ де пиво да отъ нихъ прочь пошелъ, а того де *есми* промежъ ими не *слыхалъ* ничего, лишь де *есми слышалъ*, что являлъ Дмитрій на того Милютку, || что-де говорить тотъ Милютка про государя неподобное слово» (С. 5–6). Примечательно, что книжная оболочка фигурирует в *бытовом* контексте, еще больше контрастируя с деловыми формами выражения.

¹⁶ В идеале целостный анализ текста возможен только при комплексном сравнительно-историческом изучении словесного материала и тогда, когда мы принимаем во внимание сознательные и «бессознательные» (Д.С. Лихачев) изменения текста как проявление «индивидуальности писца» (Дерягин, В.Я. Варьирование языковых средств в текстах деловой письменности (важные денежные отписи XVI–XVII вв.) // Источники по истории русского языка. – М. : Наука, 1976. – С. 5).

¹⁷ Шмюккер-Брелер, М. Передача прямой речи в деловых текстах XVII в. (по материалам архива Пожарских) // История русского языка и лингвистическое источниковедение. – М. : Наука, 1987. – С. 252.

¹⁸ Там же.

О.А. Скрыбина

ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ КАК КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Изобретение письма, письменной речи, письменного языка открыло для человечества возможности для общения, минуя время и пространство, что в свою очередь способствовало развитию самого человека. Навечно закреплен в поговорках смысл письменной речи: «Verba volant – scripta manent» – «Слова летают – надписи остаются» (лат.), «Что написано пером – не вырубишь топором» (рус.).

Письменная речь как средство общения и способ существования и воплощения мысли и чувства изучалась многими отечественными лингвистами, психологами и методистами (Я.К. Грот, И.А. Бодуэн де Куртене, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, Д.Н. Ушаков, М.Н. Петерсон, М.В. Ушаков, В.В. Виноградов, А.Н. Гвоздев, А.Б. Шапиро, М.В. Панов, Д.Н. Богоявленский, А.Р. Лурия, Н.И. Жинкин, А.Н. Соколов, Н.С. Рождественский, А.А. Леонтьев, В.Ф. Иванова, А.И. Моисеев и др.).

«Без письма язык оставался бы лишь мгновенным орудием сообщения. Одно письмо придает прочность летучему слову, побеждает пространство и время. Письмо – необходимое дополнение языка, сильнейший рычаг общезнания, знания... Без него немислима ни достоверная история, ни наука»¹.

В приведенной цитате отчетливо прослеживается мысль Я.К. Грота относительно потенциальных возможностей письменной речи – быть «сильнейшим рычагом общезнания, знания», развития познавательных способностей. Психолог Л.С. Выготский называл письменную речь «алгеброй речи», стремясь подчеркнуть сложность усвоения данного вида речевой деятельности, с одной стороны, а с другой – подчеркивал ее значение в истории развития человечества и его способностей к осознанной и намеренной деятельности, способностей к самоуправлению и самоорганизации собственной речи.

В процессе исследования указанной проблемы мы будем анализировать лингвистические, психолингвистические концепции и данные когнитивной лингвистики относительно письменной речи, стремясь найти нечто новое в давно известном, такое, что можно использовать как потенциал для формирования текстовых умений и практической грамотности, во-первых, а во-вторых, открыть новое о письменной речи, учитывая сокровенное и ранее неизвестное методике правописания, – психологические аспекты развертывания данного вида деятельности, ее психологическую «ткань» и факторы, определяющие ее успешность, с тем чтобы соединить новое знание об объекте – письменной речи – с новым знанием о познавательных и коммуникативных ее компонентах для решения актуальных задач методики преподавания русского языка как родного, для соединения в процессе преподавания его двух линий развития – интеллектуального и речевого.

Лингвистическое понимание письменной речи складывалось в контексте противопоставления языка – речи, а письменной речи – устной. Так, известный лингвист В.Ф. Иванова пишет об устной и письменной речи как о двух формах проявления одного и того же языка, но отмечает существующие между ними различия: «Устная речь – это речь звучащая, она предполагает слушание... Письменная речь – это речь, фиксированная постоянно зрительно воспринимаемыми знаками на бумаге, камне, металле, дереве, коже, ткани или других материалах»². С письмом, как пишет В.Ф. Иванова, человеческая мысль, человеческие знания приобрели долговечность. Даже изобретение телефона, радио, звукозаписи далеко не полностью снимают временное и пространственное ограничение устной речи.

Многие ученые рассматривают письменную речь как транслятор культуры. По мнению чешского лингвиста Ч. Лоукотка, без письма не было бы культуры, оно тесно связано с цивилизацией; письмо является ее неотъемлемой частью, так как благодаря ему сохраняются для будущего мысли и достижения человека, плоды настоящего. Письму мы обязаны и сравнительно быстрой эволюцией человечества. Недаром слово «неграмотный» стало синонимом слова и понятия «необразованный». Письменная речь, как считает Н.С. Рождественский, не является зеркальным отражением устной, звучащей речи, не тождественна ей. Их отношения профессор Н.И. Жинкин выразил термином «комплиментарность».

В.Ф. Иванова актуализирует значение письма как орудия культуры и источника развития личности: «Исследования последних лет показывают, что речевой аппарат человека в целом значительно быстрее может изменять свое состояние, чем его слуховой аппарат, который регистрирует изменение звучаний, следующих один за другим в количестве не более 16–20 в секунду. Медленность процесса слушания определяется и тем, что звучащая речь протекает в определенное время, звуки не могут наслаиваться один на другой. На письме же уже все сказано, и только от читающего зависит темп его движения по тексту...»³. Она подчеркивает, что определенное соотношение между письменной и устной формами речи устанавливается на основе национального алфавита в виде правил правописания. Условность письма и его конвенциональность поддерживают единообразие письма, что обеспечивает успешную реализацию коммуникативных намерений пишущего.

Что известно о письменной речи современным психолингвистам и представителям когнитивной лингвистики? Что нового известно об объекте методики правописания и ее субъекте?

Общепринятым является понимание того, что язык есть знаковая система, а письменная речь – это «код кода» (Н.И. Жинкин), что письмен-

ный текст – это «превращенная форма знаковой деятельности» (Е.Ф. Тарасов), что язык в действии и сознание в действии реализуются в тексте с помощью графической системы как вторичной знаковой системы. В связи с этим возникает вопрос: в какой степени письменная речь как знаковая деятельность может повлиять на развитие личности в целом?

Постулаты современной когнитивной лингвистики и психолингвистики в определенной степени способны объяснить то, как функционирует языковая система и ее компоненты в речевой деятельности личности, какие внутренние деятельности оказались, как пишет психолингвист Е.Ф. Тарасов, «сжатыми» в тексте. В своих концепциях когнитологи постулируют «примат когнитивного», полагая, что в широком плане именно когнитивные структуры (память, внимание, мышление, воображение) определяют функционирование любых компонентов языковой системы, а также сами аспекты функционирования грамматических категорий, синтаксических преобразований, стилей и регистров речи (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский). Ключевым в когнитивной парадигме является положение, согласно которому объяснение определяется экспликацией связей языкового выражения со структурами знаний и процедурами их обработки (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский).

В ходе исследования проблемы мы должны ответить на вопрос, почему правописные (текстоформирующие) умения являются когнитивно-коммуникативными, а значит способными влиять на развитие самой личности.

Данные современной когнитивной лингвистики дают веские основания для того, чтобы рассматривать правописные умения не отдельно от речевой деятельности, а с учетом ее процессуального развертывания, поскольку они не могут существовать вне письменного текста, являются его важнейшим компонентом в силу своего функционального назначения – оформлять сформулированную мысль, претворять, воплощать ее в рождающемся слове. Будучи связанными с выбранной формой, в которой нашла свое отражение сформированная мысль, они в то же время связаны и с мыслью. Следовательно, вся цепочка движения мысли к слову (письменному, то есть к тексту) замыкается на графическом воспроизведении смысла, поэтому графический компонент текста является его «квантом», содержащим свойства целого текста (А.П. Кирьянов, В.К. Радзиховская).

Грамотное письмо, согласно концепциям современных психолингвистов, – это функционально скоординированное мысле-рече-языковое действие, следовательно, правописные умения (в единстве орфографических и пунктуационных), как и вся текстовая деятельность, по сути являются когнитивно-коммуникативными, а не просто речевыми умениями: в них в свое-образной знаковой форме отражена способность личности владеть

нормами поведения, «обобщенными способами действия», как называл эти умения выдающийся психолог А.Н. Леонтьев⁴. Обратим внимание на то, что правописные умения представляют собой лишь часть сложнейшего комплекса обобщенных способов создавать текст, где большая часть принадлежит психологической «ткани» действий, то есть их психологическому сопровождению.

Остановимся подробнее на психологической «ткани» текстоформирующих умений. Опираясь на данные современной психолингвистики и когнитивной лингвистики, можно констатировать следующее:

Первое: согласно концепциям известных психолингвистов (А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя, Л.В. Сахарный, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, В.Я. Шабес и др.), текстовая деятельность (письменная речь) представляет собой самосогласованное взаимодействие когнитивного и коммуникативного потенциалов личности; из этого следует, что оформление текста (правописные умения, текстоформирующие) не является отдельным, изолированным этапом, а осуществляется на основе самосогласованного взаимодействия когнитивного и коммуникативного уровней языковой личности.

Второе: правописные умения как текстоформирующие являются структурно и функционально значимой частью текста, причем скоординированы с мысле-рече-языковой деятельностью в целом.

Третье: успешность оформления текста графическими средствами зависит от развития способности личности воспринимать текст и его единицы на семантическом уровне, ибо письмо, по мнению М.М. Разумовской, не представляет собой подражательное рисование, поскольку единицей чтения и письма является прежде всего слово и его способность нести смысл.

Дальнейшее развитие мысли о «семантичности» правописания можно связать с представлениями когнитивной лингвистики о наличии у пишущего и говорящего (как личности) языкового и когнитивного уровней сознания. Языковое сознание – это вербальный уровень, который формируется за счет значений слов национального языка, но значения принадлежат не лексемам, а именно сознанию личности (Ю.Н. Караулов, В.М. Никитин, А.Н. Крюков). Когнитивный уровень – это смысловой уровень сознания, который представлен умениями как обобщенными образами действия, то есть это знание целесообразной деятельности, поскольку некоторые наши знания о мире неотъемлемы от языковой формы, в которой они воплощены. Но какая это часть или какой тип знаний – до сих пор известно плохо.

Психолингвисты отмечают, что целостность всего высказывания задается на смысловом уровне сознания (когнитивном) как психический «образ результата», а представление о цели является установкой на нарече-

ние, когда есть осознание чего-то, требующего наречения. Успешно сформированные правописные умения (орфографические и пунктуационные) обеспечивают возможность воплощения «образа результата». Как обобщенные способы отражения действительности в текстовой деятельности, они связаны не только с коммуникативным фондом личности, но и с когнитивным уровнем сознания, поскольку в правописных (текстоформирующих) действиях участвуют когнитивные процессы, а когнитивные процессы – это «процессы познания и оформления в языке выражения мыслей и чувств»⁵.

Таким образом, можно констатировать, опираясь на данные психолингвистики о текстовой деятельности, что правописные умения как текстоформирующие являются когнитивно-коммуникативными: коммуникативными – по своему функциональному значению и по связи с языковой формой; когнитивными – по участию в них когнитивных процессов (познавательных, мыслительных), то есть когнитивность – это, собственно, процессуальность данного аспекта действия и наличие внутренних механизмов, которые обеспечивают осуществление коммуникативного намерения, в их числе: постановка цели, предуготовленность к выбору написания, сознательный или интуитивный выбор, контроль выбора и коррекция его.

На этом основании можно предположить, что формирование осознанных правописных умений как системы, функционально сориентированной на участие в создании текста, способно повлиять на развитие когнитивного (смыслового) уровня сознания личности, а подготовка к текстовой деятельности, сама текстовая деятельность, анализ ее результатов и коррекция недостаточно сформированных компонентов, семантизация и систематизация графических способов действий могут стать условием для организации развивающего обучения, ибо источник развития есть сама деятельность⁶.

Осуществляя деятельность, отмечает А.Н. Леонтьев, индивид овладевает разными ее структурами, вследствие чего развивается и смысловой уровень его сознания.

Почему обучение письменной речи способно развить личность школьника?

В поисках ответа на поставленный вопрос мы обращаемся к анализу концепций психолингвиста Р.М. Фрумкиной и когнитолога М.В. Никитина.

«Речь оформляет знание, – констатирует Р.М. Фрумкина, – во многом она его и обеспечивает, а не только фиксирует и транслирует»⁷. Действительно, создавая текст (с учетом всех его компонентов), школьник систематизирует обобщенные способы отражения действительности, к которым А.Н. Леонтьев относил не только слово с его объективным значением, но и умения и нормы поведения.

Согласно данным современной психолингвистики, письменная речь является источником развития письменной речи, поскольку она представляет собой знаковую деятельность.

В концепции Р.М. Фрумкиной приводятся доказательства того, что знаковая деятельность является не только своеобразной опорой для интеллектуальной и речевой деятельности, но и служит источником их развития, поскольку процесс овладения родным языком есть постепенный процесс овладения знаковыми операциями, что подчеркивает зависимость результатов в развитии речи от того, насколько успешно ребенок владеет знаковыми операциями, а знаковые операции, в свою очередь, детерминируют развитие интеллектуальных способностей:

«Мы знаем, что фундаментальные интеллектуальные операции: сравнение, отождествление, выделение объекта как отдельной сущности из множества ему подобных – базируются на операциях со знаками»⁸. Многолетние наблюдения профессора Р.М. Фрумкиной за патологиями в речевом развитии детей привели ее к выводу о наличии парадоксальной ситуации: с одной стороны, учеными и практиками накоплены огромные массивы наблюдений, относящихся к процессам становления детского интеллекта, а с другой – нет теории, которую можно было бы, например, назвать «общей теорией» знаковой поддержки получения и накопления знаний, нет даже полного согласия относительно того, в какой мере знаковая поддержка является абсолютной и единственной прерогативой естественного языка. Существование разногласий в данном вопросе вызвано тем, что в отечественной науке большее распространение получило представление о роли «вербального мышления», в то время как сам термин предполагает возможность другого мышления, то есть невербального. «Разве мы знаем, где кончается первое и начинается второе или наоборот?» – задает вопрос Р.М. Фрумкина, признавая возможность невербального мышления, и доказывает, что развитие речи (в обычной для здорового человека модальности или в жестовой, что характерно для глухих) обеспечивает знаковую поддержку интеллектуальных операций, а задержка в речевом развитии ведет к недостаточной поддержке интеллекта⁹.

Итак, установлено, что процесс развития речи является источником развития интеллекта, а условием для успешного взаимодействия названных процессов, посредником должна стать развитая знаковая система, поскольку, как отмечает Р.М. Фрумкина, «полноценное формирование интеллекта возможно лишь на базе какой-либо развитой знаковой системы, естественная знаковая поддержка, знаковое опосредование, обеспечивает развитие когнитивных процессов»¹⁰. Таким образом, Р.М. Фрумкина рассматривает естественный язык как знаковую поддержку для развития интел-

лекта. Эту позицию поддерживает и другой исследователь – А.К. Звонкин, который отмечает, что «значки» обретают для детей осмысленность тогда, когда они интерпретируются ими как значки для слов.

На основании данных психолингвистики можно констатировать, что естественный язык как знаковая система служит мощной поддержкой для формирования абстрактных понятий. Поэтому задержки и нарушения речевого развития независимо от их генезиса неизбежно ведут к нарушениям развития интеллекта. Поскольку абстрагирующая деятельность сознания опирается на способность личности владеть языком как знаковой системой, то, следовательно, возможности для развития возрастают тогда, когда личность овладевает вторичной знаковой системой, «кодом кода», то есть письменной речью.

На этом основании следует подчеркнуть, что и обучение правописанию как операциям со знаками, с помощью которых оформляется мысль в тексте, способно развить школьника:

– во-первых, поскольку в основе письменного оформления текста актуализируется не одна, а две знаковые системы: устный (естественный) язык и искусственный (письменный) язык, а значит ученик постоянно осуществляет переход с одного кода на другой, опираясь на универсальный предметный код (УПК), задействуя внутреннюю речь;

– во-вторых, поскольку опознавательный этап орфографического или пунктуационного действия подразумевает активное взаимодействие языковой способности, лингвистической компетенции и когнитивных операций, на основе которых происходит выделение объекта как отдельной сущности, дифференциация, сравнение и отождествление с определенным грамматическим фактом и необходимой схемой его оформления для «упаковки смысла» (Б.С. Шварцкопф);

– в-третьих, поскольку выборочный этап и этап контроля протекают в условиях действия не с реальными объектами, а со знаками, с идеальными сущностями, которые вызывают в сознании пишущего эталоны графического оформления, вследствие чего активизируются психические процессы, сопровождающие действие, и когнитивные механизмы: антиципация, предуготовленность к выбору, выбор, сличение и сравнение с эталоном, контроль и коррекция выбранного.

Таким образом, взгляд на правописные действия (орфографические и пунктуационные) с позиций письменной речи как сознательной деятельности со знаками позволяет сделать выводы о развивающем характере данной деятельности, присущей только человеку, поскольку, как пишет петербургский когнитолог М.В. Никитин, человек в собственном смысле слова начинается с освоения важнейшей из знаковых систем – языка, а знаковое общение (речь) является существенным отличием его от

остального мира. «Использование знаков, их замышление и производство, восприятие и понимание, то есть знаковая деятельность, и главнейшая из видов деятельности – речевая деятельность, составляют характерную, сущностную особенность человека наряду и вместе с трудовой деятельностью и общественным способом существования»¹¹.

В концепции М.В. Никитина показаны различия между непосредственно-действенным и знаковым общением.

Первое: непосредственно-действенная форма общения – это способ организации общественного взаимодействия людей, незнаковое общение предполагает взаимодействие участников общих действий, например, групповые, коллективные игры, ритуалы, обряды, спортивные соревнования, художественные выставки, демонстрация мод, драки, сражения и т.п., то есть незнаковое общение низводит взаимодействие до рефлексивного поведения (М.В. Никитин).

Второе: знаковая форма общения совершается в целях побуждения к действиям, оценке и обмену информацией, то есть является способом организации общественного взаимодействия людей, поскольку всякий акт речевого общения есть вместе с тем речевое действие, поступок¹².

Будучи сущностной особенностью человека, наряду с трудовой деятельностью и общественным способом существования, знаковая деятельность позволила человеку подняться над природой и превратиться в человека разумного – *homo sapiens*.

Итак, М.В. Никитин относит к отличительным и существенным признакам человеческого бытия использование знаков и понятийно-умозаключающее сознание, причем особо подчеркивает, что при широкой трактовке в понятие знак наряду со словесными знаками, то есть знаками естественного языка, включаются знаки искусственных кодовых систем, а значит письмо, письменная речь.

Почему знаковая деятельность способна развить личность?

При узком понимании знака естественный язык не рассматривается как знаковая система, однако известный психолог Н.И. Жинкин относит естественный язык к знаковым системам, а письменную речь называет кодом кода, то есть вторичной знаковой системой. Этой позиции придерживается М.В. Никитин: «...естественный язык и его значимые единицы (словесные знаки) сравнительно со всеми прочими знаками и знаковыми системами служат первичной универсальной основой человеческого сознания»¹³. Словесные знаки – это слова, словосочетания, предложения.

В концепции М.В. Никитина как вполне очевидный факт подчеркивается принципиальная общность природы первичных словесных и вторичных искусственных знаков. Несмотря на существующие между ними различия, наряду с искусственными, признаются словесные знаки: полно-

значные слова, их сочетания друг с другом и служебными словами, фразеологические единицы, а также синтаксические единицы в порядке возрастающей сложности, поскольку всякий знак – это не менее чем значимая номинативная единица¹⁴.

Естественным признаком знака является его «интенциональность», то есть волевое общественно признанное установление, хотя бы спонтанно возникшее (М.В. Никитин), поскольку знак есть общественно признанное, намеренно установленное орудие общения мыслящих существ. Особенности знака заключаются в том, что от него не требуется быть связанным с отражаемым миром, ибо он произволен, не мотивирован связями с реальностью и природой обозначаемого. Интенциональность, как полагает ученый, есть проявление в знаке специфически человеческого качества. Для знака более важна позиция отправителя (говорящего) с его сознательным коммуникативным намерением, чем позиция адресата. Данная мысль коррелирует с постулатом Н.С. Валгиной о «двунаправленности текста» (текст – для пишущего и текст – для читающего). Письмо является вторичной знаковой системой относительно первичной системы – естественного языка, однако, несмотря на различия языка как естественной знаковой деятельности и письма как вторичной знаковой деятельности, их объединяют функциональные сущностные свойства знаковой деятельности как таковой, общая природа.

Двусторонний характер знака (билатеральность) состоит в том, что он представляет собой единство значения и его материального выражения, поскольку знак объективирует идеальный мир сознания, мир мыслей, чувств и воли в условной материальной форме. Некая вещь, становясь знаком, «в этом новом качестве изымается из своего мира и наделяется знаковой функцией – объективирует для других связываемую с ней мысль. Значение первично по отношению к знаку. Без значения нет знака», – заключает М.В. Никитин¹⁵.

Каковы отношения знака и вещного мира? Как знаковая деятельность обеспечивает возможность общения и понимания?

Эти отношения, как подчеркивает М.В. Никитин, опосредованы концептом – понятием или представлением об этой вещи, на основании чего предлагается схема: знак – значение (концепт вещи, признака, события) – вещь (признак, событие), при этом слушающий (читающий) развертывает схему слева направо, а говорящий (пишущий) – в обратном порядке. Для ответа на поставленные вопросы, для объяснения используем два понятия – «материальное тождество» и «функциональное тождество» знака. Например, слово в различных случаях употребления несколько варьируется, но при этом остается тождественным самому себе – это материальное тождество. В то же время в сознании носителей языка этому материальному

тождеству соответствует психический образ единого, одного и того же знака – это функциональное тождество.

Следовательно, понимание обеспечивается тем, что в знаке материальное (план выражения) соединено с идеальным (планом содержания) и подчиняется ему, а указанное соотнесение есть проявление бинарности (двусторонности) знака.

Итак, знаковая деятельность, будучи живым совершающимся процессом, требует актуализации двух компонентов знака: концепта – значения и десигнатора – психического образа знака, переводимого в нереализуемые артикуляционно-моторные сигналы¹⁶. Видимо, на этом основании лингвист Ф. де Соссюр писал о «психичности» знака, имея в виду соотнесение двух идеальных сторон – означаемого и означающего.

В то же время условность письма (правописания), помимо традиционности, также связана с принципом произвольности знака, опирается на изначально условный характер связи между знаком и обозначаемой им вещью.

Однако выбор знака, как подчеркивает М.В. Никитин, может быть мотивирован разными причинами, главным образом связями в сознании и знаковой системе (например, наличными моделями знакообразования, предусмотренными в знаковой системе), и возникает на их почве, что обеспечивает преемственность и непрерывность развития сознания и самой системы. Выбор материальной основы обусловлен требованием максимальной коммуникативности, поэтому в знаковых целях используются разнообразные субстанции – звуковая (акустическая), зрительно воспринимаемая (письмо), кинетическая (язык жестов), тактильная (воспринимаемая на ощупь – азбука Брайля для слепых), что обеспечивает с помощью знаков коммуникацию в максимально широком диапазоне.

Продолжая поиск развивающего потенциала письменной речи, мы исследуем ее как знаковую деятельность. Установлено, что знак не замещает денотат, а переносит его в систему речевого мышления и представляет его в этой системе, поскольку знак не замещает вещь, реалию, а служит их представителем, их аналогом в речи, то есть обозначает их, поэтому может быть определен «как условное средство намеренного выражения состояний сознания – мысли, воли, эмоций»¹⁷.

В ходе анализа концепции М.В. Никитина установлено следующее:

– во-первых, знаковая деятельность в плане филогенеза и онтогенеза – это вид сугубо человеческой деятельности, которая обеспечила прорыв человека из животного мира к *homo sapiens*;

– во-вторых, это важнейшее средство общения, неизмеримо усиливающее общественные связи;

– в-третьих, это условие качественного преобразования сознания в сознание человеческое, то есть сознание понятийное, умозаключающее.

Следовательно, знаковая коммуникация обеспечивает обмен информацией новое качество, тем самым выводит и само общение на высший уровень. Письмо как знаковая деятельность повлияло на развитие человечества в целом, а значит способно влиять и на развитие отдельной личности.

Почему письменная речь способна «поднимать» сознание личности на более высокий уровень?

Знаковая деятельность (включая письменную речь) способствует систематизации и обобщению образов-отражений действительности в сознании людей, поскольку психические отражения звука, «идеальные образы знаков становятся в мозгу центрами стабильного объединения, сопоставления, отождествления и различения других идеальных образов отражений действительности»¹⁸.

Знаковая деятельность, а значит письменная речь, способна поднять личность на высокий уровень развития, поскольку она влияет на психофизический аспект механизма становления понятий и их существования. Нервные клетки, пишет М.В. Никитин, хранят следы впечатлений однородных предметов и явлений и между ними при отсутствии языка нет организованной связи, поэтому сознание организма не может достигнуть высокой степени обобщенности и абстрактности, а поведение определяется, безусловно, рефлекторными и инстинктивными реакциями в зависимости от степени повторяемости. Противоположное наблюдается при использовании знаков, ибо акустические, зрительные и моторные образы десигнаторов хранятся связанно и становятся центрами, вокруг которых устойчиво и организованно концентрируются (понятно, не просто пространственно, а намного сложнее) нервные клетки; в них хранится акустический, моторный, зрительный или тактильный образ, они являются стержнем устойчивой концентрации и организации представления, или «песчинкой, вокруг которой растет жемчуг понятия»¹⁹.

Таким образом, владение знаком поднимает сознание на уровень обобщающего отражения действительности. Это объясняет, почему понятие связано со словом, а мысль – с языком.

Знаковая деятельность влияет на развитие человеческого сознания, благодаря появлению качественно более высокой структуры связей нейронов; в этом процессе знак оказывается необходимым посредствующим звеном между человеческим сознанием и отражаемой им действительностью.

Следовательно, индивидуальное сознание тоже способно расширить свои пределы и развить способности к абстрагирующей деятельности и способности мыслить посредством приобщения к общественному опыту, к опыту человеческой культуры благодаря письменной речи.

Итак, в нашем исследовании принята попытка интерпретировать письменную речь и текстоформирующие умения как когнитивно-коммуникативную деятельность, в которой взаимосвязаны когнитивные (мыслительные) и речевые структуры личности.

С данных позиций анализировались концепции известных лингвистов, психолингвистов и когнитологов, согласно которым письменная речь есть знаковая деятельность.

Установлено, что в основе знаковой деятельности лежит использование знаков как психических орудий, что привело к эволюции мозга человека и способствовало его психическому развитию и формированию его сознания. Знаки, используемые в речевой деятельности, – это, с одной стороны, средство воздействия общества на его членов, а с другой – средство формирования психики каждого человека²⁰.

Поскольку формирование сознания представляет собой систему взаимосвязанных психических процессов, которая постепенно складывается, уточняется и формируется, формирование сознания – это последовательное свертывание внешнего действия сначала в речевое, а потом в собственно мыслительное²¹ (Л.В. Сахарный), то, следовательно, обучение школьников письменной речи в когнитивно-коммуникативном аспекте является весьма актуальным для современной школы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грот, Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньше. – Изд. 2-е. – СПб., 1876. – С. 92.

² Иванова, В.Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. – М. : Просвещение, 1966. – С. 5.

³ Там же. – С. 9.

⁴ См.: Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1977.

⁵ Фрумкина, Р.М. Психолингвистика : учебное пособие для студентов. – М. : Академия, 2003. – С. 5.

⁶ См.: Леонтьев, А.Н. Указ. соч.

⁷ Фрумкина, Р.М. Указ. соч. – С. 143.

⁸ Там же. – С. 146–147.

⁹ Там же. – С. 146.

¹⁰ Там же.

¹¹ Никитин, М.В. Основания когнитивной семантики : учебное пособие. – СПб. : Изд-во РГПУ им. И.А. Герцена, 2003.

¹² Там же.

¹³ Там же. – С. 114.

¹⁴ См. там же. – С. 124.

¹⁵ Там же. – С. 115.

¹⁶ Там же. – С. 117.

¹⁷ Там же. – С. 122.

¹⁸ Там же. – С. 124.

¹⁹ Там же. – С. 125.

²⁰ См.: Сахарный, Л.В. К тайнам мысли и слова. – М. : Просвещение, 1983.

²¹ Там же.

А.А. Решетова

**ПАЛОМНИК, ПОСЛАННИК ИЛИ НЕГОЦИАНТ?
(ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ОСНОВЫ
«ХОЖДЕНИЯ» ВАСИЛИЯ ГАГАРЫ)**

В XVII веке на Руси возрастает интерес как к отечественной географии, так и к описаниям соседних стран, граничивших с Российским государством на востоке. Одно из свидетельств тому – «распросные речи с путешественников» на Кавказ, в Китай, Персию, Индию, Монголию и т.д. ¹ Эта тенденция позволяет рассмотреть историю создания «Хождения» Василия Гагары и его многочисленных переработок. Данный текст открывает корпус паломнической литературы XVII столетия, в полной мере отражая переходный характер эпохи. Еще в XIX веке исследователи и комментаторы называли его первым сочинением в истории после Смутного времени и в словесности после «Хождения» Трифона Коробейникова, обнаруживая в этом факте и литературную преемственность, и историко-культурологическую значимость, благодаря которым данное путешествие воспринимается как своего рода точка отсчета нового этапа в развитии путевой литературы ².

Исследовательская история «Хождения» Василия Гагары полна спорных и нерешенных вопросов, не до конца изученных проблем, круг которых, впрочем, определился практически сразу же с вхождением текста в научный обиход и постепенным обнаружением его списков. Своеобразие исторической и биографической основы, соотношение в ней реального и легендарного, атрибуция (Гагара – автор или редактор-компилятор?) и время создания, проблемные моменты его литературной истории, предполагаемое количество редакций и источников, поэтические и родовидовые особенности, обусловленные традициями и историко-культурной спецификой времени появления произведения, возможные жанровые контаминации в его рамках (паломнической и купеческой разновидности хождения, жития, бытовой повести, посольской «скаска») – все эти вопросы стали основными в работах ученых, комментаторов и издателей, которые в той или иной степени обращались к «Хождению».

Неслучайно его исследования постоянно «балансируют» на грани изучения текстологии и поэтики текста. Примечательны в этом плане работы С.О. Долгова, В.П. Адриановой-Перетц, К.-Д. Зееманна, О.А. Белобровой, И.В. Федоровой³. Их дополняют изыскания ученых-медиевистов, пытавшихся вписать данное произведение в историко-культурологический и литературно-эстетический контекст, определяющий на новом этапе потенциал и перспективы жанра паломнического путевого текста (В.В. Данилов, А.А. Морозов, Н.И. Прокофьев⁴). Та же потребность и ощущаемая значимость текста побуждала исследователей как XIX–XX веков, так и современных пополнить его анализом словарно-справочные⁵, а также обзорные и учебные издания⁶. Возможно, не всегда активное, но устойчивое внимание к этому сочинению отмечается и в более или менее пространственных статьях, и в кратких указаниях и лаконичных ссылках на факт паломничества Василия Гагары, его описание и отдельные рукописные варианты⁷. Еще одной примечательной особенностью его исследований стало неоднократное обращение к нему как к историко-географическому источнику сведений о Кавказе, Малой Азии, Сирии, Палестине и Египте – землях, которые были объектом посещения и дальнейшего повествования русского купца-паломника в 30-е годы XVII века⁸. Тем не менее, в работах, открывших для науки данное произведение и, безусловно, внесших огромный вклад в его исследование, как правило, утверждалась недостаточная изученность путевых записок Василия Гагары, в том числе с точки зрения его историко-документальной основы.

Между тем историческая основа памятника реальна и включает в себя факты, большей частью изложенные непосредственно в тексте. Именно совокупность сведений из неоднократных переделок сочинения может дать реальное представление о первом, литературно зафиксированном после Смутного времени русском посольстве в страны Ближнего Востока. Прежде всего «Хождение» сообщает о Василии Гагаре – предприимчивом купце, которого традиционно в древнерусской словесности называют автором-паломником. Отдельные путевые впечатления и факты его путешествия подтверждаются и отчасти дополняются высказываниями из грамоты Александрийского Патриарха Герасима, посланной с Гагарой русскому царю Михаилу Федоровичу⁹.

Известно, что Василий Яковлевич Гагара – «житием казанец, родом плесенин»¹⁰, то есть уроженец приволжского городка Плес¹¹. До своего путешествия он проживал в Казани, где был купцом и вел торговлю с Востоком. В частности, в начале своего «Хождения» он указывает на слугу Гараньку, которого ранее отправлял с товаром в Персию, а в 1634 году взял с собой в Палестину и Египет. Причины путеше-

ствия 1634 года, которое сложно с полным основанием назвать паломничеством, посольством или торговой поездкой, определяются в зависимости от разновидности текста. В первой редакции – это греховная жизнь, «скверное и блудное житие», и, как следствие, принятый на себя обет перед «судом Божиим» «о гресех своих блудных и скверных покаяться»; а во второй – благочестивые побуждения и стремление познать Святую землю не «мыслями», а «ногами», поскольку «слышах... о Палестинских местах»¹². Однако выбор многочисленных торговых центров и маршрутов, названных и описанных в тексте, исследователями чаще объясняется, исходя не из их принадлежности святым достопримечательностям, а из профессиональных занятий путешественника. Обзор мест посещения, специфика авторских наблюдений и впечатлений в сочинении, подход к описаниям тех или иных земель, особенности повествовательной манеры – все это показывает Гагару предпринимателем, пустившимся в далекие страны ради собственных коммерческих дел; а отдельные намеки в разных вариантах «Хождения» и догадки исследователей на их основе – полуофициальным «государевым» посланником – до сих пор, однако, остаются гипотетическим предположением, тогда как текст независимо от имеющихся разночтений в разных редакциях свидетельствует прежде всего о частных мотивах его путешествия / паломничества (подобно ранним, традиционным русским хождениям – «по обещанию» и «с товарищами»). Об этом сообщается как в начале текста, так и по его завершении: «И како пошел во Еросалим и како и грады шел и что тамо видех, то и начну сказывати отчасти» (С. 48); «И что в тамошних странах видех своима очима и достоверно слышах от сказавших мне... то помалу Богу помогающе написах от неимущего разума...» (С. 78).

Традиционно посвящая предисловие «Хождения» именно причинам своего путешествия, Гагара постоянно определяет его как «покаянное» и повествует об истории собственной жизни, тесно сплетая воедино само паломничество и то, что было до него. Это преувеличенное покаяние в грехах, значимость которого подчеркивается их явной гиперболизацией (смысла нет спорить об их реальной или мнимой природе), а также сообщение фактов, которые, безусловно, могли иметь место. Гагара раскаивается в распутной жизни, когда «сквернаго и блуднаго жития было 40 лет», описывая свои «многие скорби и печали» как его закономерный результат. Рассказывает он о неудачах в делах («судом Божиим» утонули по пути в Персию корабли с товаром), о потере состояния, «многого имения», «за окаянство», о смерти жены и принятии решения и обещании совершить паломничество во Святые земли («...во Иерусалим ити помолитися и у Гос-

подня гроба приложится, и во Иердане искупатися, и многим патриархом греческим о гресех своих блудных и скверных покаются...» (С. 2)). Далее рассказ переходит к неожиданному (но с легкостью объяснимому принятым обетом) возвращению благосостояния, причем вдвое больше утраченного («...и по обету моему Бог мне невидимо почал давати богатство: единым годом и со вторицею против того погибшаго... нажил» (С. 2)). Сюжетно развитое повествование имеет вид реально бывшей и художественно убедительной предыстории описанного далее хождения; здесь и речи нет об имеющихся у Василия Гагары заведомых «государевых» поручениях в восточные земли.

Известно, что путешествие Гагары длилось с 1634 по май 1637 год. От том, что его путевые маршруты могли быть только торговыми и ему, как купцу-негоцианту, хорошо знакомыми, в разное время писали исследователи различных специализаций: от литературоведов до историков-востоковедов («...он как казанский купец, ведший торговлю с восточными странами по Волге, отправляется знакомым ему торговым путем через Кавказ, не один, а с большой суммой денег»; «...очевидно, что свое путешествие к св. земле он использовал и для торговых дел, до Иерусалима путешествовал год, не раз отклоняясь от прямого пути»; путешествием по Закавказью Гагара «воспользовался, по-видимому... и для своих торговых операций. Он и раньше вел торговлю с Персией, вместе с собою в путешествие он взял своего приказчика, которого до этого посылал с товарами на Восток. Этими же торговыми связями Гагары с Персией объясняется и маршрут его путешествия...»¹³). Выбранный Гагарой путь через Закавказье, Малую Азию и Сирию, действительно, отличался от тех, которыми по обыкновению следовали паломники к православному Востоку, поскольку, в частности, не составлял редкости и был наиболее популярен с XVI века – через Балканский полуостров. Не случайна в связи с этим признанная значимость и неординарность описания («много любопытных и интересных наблюдений...») в части «Хождения», предваряющей рассказ о пребывании путника в палестинских землях.

По сути, в начальных фрагментах «Хождения» прочитывается указание на так называемый «торговый волжский путь», который не был безопасен, однако со второй половины XVI века становится главной торговой магистралью, связывавшей Россию с рынками Востока и соединившей государства Востока и Запада. Его придерживался и купец Гагара в начале своего путешествия: от Казани по Волге через Астрахань и на Кавказ¹⁴ (Тифлис – Ереван – Араратские горы – Ардаган – Карс – Эрзерум¹⁵). Далее он следовал по землям Малой Азии, расположенным на большой караванной дороге западного направления (Севастия¹⁶ – Кеса-

рия), вслед за тем Сирии (Алеппо (Халеб) – Амидония (Хама) – Дамаск). От Дамаска, главного сирийского города, входящего в обычный маршрут и русских торговых людей, и паломников, путешественники прошли в направлении к центру Палестины, минуя для начала северную часть палестинских земель: Галилею (Капернаум – Тивериадское море (Генисаретское озеро), маршрут проходил по его западному берегу на юг: Тивериада – Фавор – Назарет) и Самарию, от которой до Иерусалима Гагаре было два дня пути.

Очевидно, что данный маршрут большей частью не был свойствен для паломнических путешествий, а подходил для торговых и посольских, которые в ту пору нередко совмещались и были неотделимы друг от друга: посол нередко был купцом, а купец выполнял обязанности посла. К тому же основания для подобного выбора, видимо, существовали серьезные. Благодаря прежним торговым делам, такой путь (в основном его составляли большие караванные маршруты), действительно, мог быть хорошо известен Гагаре и, скорее всего, именно ими и был вызван. Или же, напротив, как считает С. Арешян, «после разорения он искал новые сухопутные пути на Восток»¹⁷. В любом случае не исключен тот факт, что казанский купец, объявляя себя паломником, не чуждался вести торговлю в привлекательных для русского негодянта землях, так как дорога до Иерусалима в общей сложности заняла у него более года. Передвигаясь столь медленно от пункта к пункту, он заходил иногда в города, расположенные совсем не по пути, явно отклоняясь от традиционно сложившегося маршрута с какой-либо целью, не объясненной в сочинении. Тем более, что в землях, которые он проходил, всегда было много товара, пользовавшегося спросом на Руси. В Грузии, например, это шелк-сырец, бархат, шелковые ткани, парча и т.п., где в свою очередь большую популярность имели русские товары: сукно, соболий мех, медь, олово, моржовый клык и т.п. Русско-грузинские отношения, завязавшиеся еще в XV веке, несмотря на постоянные осложнения в политической, финансовой и военной обстановке, значительно оживляются в начале XVII столетия, переживая очередной подъем и порождая ряд посольств, направлявшихся из Грузии в Москву и ответных – из Московского государства в Грузию¹⁸. В связи с этим на Руси особую значимость приобретают всевозможные сообщения о закавказских землях экономического, политического, географического и культурного характера, поскольку «без такой предварительной информации нельзя было и думать о прочном обосновании на Кавказе» и в целях получения которой использовался любой удобный случай¹⁹.

На этом фоне проходит и путешествие Василия Гагары. Сложившиеся политические условия и реальные обстоятельства впоследствии вызвали

к жизни и само «Хождение», по крайней мере фрагмент о Закавказье. Грузии посвящено самое щедрое на подробности, толковое по проникательности, полное личной наблюдательности автора описание в части сочинения, обращенной к землям, которыми путешественник следовал, направляясь к Палестине. Впрочем, как видно по тексту, посещение Гагарой Тифлиса не имело официального статуса и прошло незаметно для городских и церковных властей²⁰. По предположению М.А. Полиевктова, вероятнее всего, остановился Гагара «в каком-либо средней руки караван-сараяе», что не помешало ему, однако, с большим тщанием и знанием дела осмотреть местные достопримечательности – тифлиские укрепления и тайники, серные бани, совершить экскурсию в Мцхет, а впоследствии все это описать в своем сочинении²¹.

Каковы бы ни были изначальные и основные причины путешествия купца Василия, текст обеих редакций показывает, что в Иерусалим он направлялся с намерением исполнить обет – покаяться во Святой земле в своих грехах и получить отпущение и благословение от восточных патриархов. Возможно, в связи с этим часть «Хождения», посвященная Иерусалиму и его ближним и дальним окрестностям, заполнена рассказом о палестинских встречах и трапезах, расспросах о московских делах и другим сюжетно оформленным повествовательным материалом, а не только и даже не столько описаниями святых достопримечательностей по традиционным паломническим схемам. В Иерусалиме, «бывшем целью покаянного хождения Гагары», по уверениям отдельных исследователей, Василий пробыл три дня. Скоротечность пребывания в главном городе Палестины, столь не типичная для паломника, скорее была вызвана дальнейшими планами купца-путешественника и отсутствием Патриарха Иерусалимской церкви Феофана, к которому Василий стремился попасть прежде всего и которого, как свидетельствует текст, так и не дождался – тот «был в Волоской земли для милостыни» (С. 8).

Тем не менее, на Патриаршем дворе Гагару приняли с почестями: ему одному была отведена «особная полата», со «тщанием» «потчивали» его «всяким овощем и питием». Специально «к вечерне» того же дня в Иерусалим был вызван Вифлеемский митрополит Афанасий («ради меня грешного»), который вместе «со всеми священниками и старцами греческими» сопроводил русского паломника в храм Гроба Господня, а после благословил («исподобихся его святителскаго благословения и молитвы» (С. 52–53)), расспросив, «коей веры» он «и которые земли», и «что сотворитца в Руском государстве», и призвал на трапезу – «хлеба есть», во время которой «честь велию воздаша». Перед трапезой дьякон совершил обряд омовения ног Гагаре и слуге его Гараньке, «по насыщении трапез-

нем митрополит Афонасей пил чаши заздравных про царское многолетне здравье, и про царицу, и про их благородных чад, и про патриаршеское душевное спасение», а после трапезы в «полату на покой» Гагаре митрополит «присла... с питием и со овощием многим» (С. 57).

Этот сюжетный фрагмент «Хождения» чаще всего привлекает внимание в качестве аргумента за официальный или полуофициальный статус русского путешественника по восточным землям («...и меня многогрешнаго милости ради Господа Бога и Пречистые Его Матери и ради царского имени Российского государства паче инех утешают и берегут» (С. 52))²². Вторая редакция произведения передает эмоции Василия Гагары по поводу того, что его при патриаршем дворе принимают за государева посланника (таковых на востоке от Московского государства давно не видали и объяснимо в связи с этим упоминание Трифона Коробейникова): «...меня почаяли, что де приехал от Государя посланником с какими з дарами или с милостынею...» (С. 52). Примечательна также специфика расспросов митрополита: «о соборной и апостольской церкви», «о монастырех», «о вере, како де стоит нерушима и непоколебима и от безбожных иноверных язык королевского и крымского царя не во изгнании ли», «все ли в мире и в тишине и во благоденствии пребывают», а также «о здравии государя царя и великого князя Михаила Федоровича», всей царской семьи и патриарха. Таков, как правило, традиционный набор вопросов в диалоге с государевыми посланцами в ожидании обязательных ответов от них, тогда как Гагара уклончиво сообщил: «...мне третей год, как поехал из Росийския земли, и того ничего после себя не ведаю, что сотворитца в Руском государстве» (С. 54). Таким образом, возможно, что приезд купца Василия Гагары в Иерусалим был вызван не только личным побуждением, но и поручениями, которые в тексте «Хождения» он утаил, восполнив их пропуск рассказом о желании замолить во Святой земле личный грех – традиция в истории паломничества весьма прочная. В любом случае данный факт легко представить гипотетически, но документальных подтверждений этому нет до настоящего времени.

Судя по тексту «Хождения», Гагара посетил только самые известные и обязательные для поклонения достопримечательности Иерусалима, а также ближайших и дальних его окрестностей. Каждая из них знаменита именно стоящей за ней библейской историей, упоминание о которой или более подробное изложение не всегда было обязательным правилом для Гагары, однако в любом случае, ветхо- или новозаветные сюжеты подразумевались даже при беглом перечислении палестинских мест. Их описательный перечень традиционно начинается с храма Воскресения

и Гроба Господня. Именно здесь случилось с Гагарой примечательное «Божие послание» – «ноги отняло» и чудесное исцеление после покаянных молитв и «слезного рыдания». Далее в рассказе следуют: дом Давыдов и Силуамская купель; в пригороде, за градскими стенами, – Гефсимания и Елеонская (Масличная) гора с Вифанией у подножия; в отдалении от Иерусалима – Вифлеем и христианские обители в Иудейской пустыни, около Мертвого моря и по Иорданской долине Крестовоздвиженский монастырь и монастыри пророка Илии и Саввы Освященного, западнее Вифлеема – пустынь Иоанна Предтечи с селом на месте его рождения и монастырем во имя его.

Если не брать во внимание упоминание находящегося на западном берегу реки Иордан города Иерихона, непонятно почему возникшее во второй редакции при описании египетской пустыни, повествование о палестинских святынях, увиденных Гагарой во время его первого пребывания в этих землях, на этом закончено. Привычным и традиционным для «хождений» его назвать сложно, обращает на себя внимание малое количество и ограниченность посещенных святых мест. Скорее всего, все три дня русский купец жил при Патриаршем дворе в Иерусалиме, совершая поездки по его пригородам и окрестностям. Как свидетельствует текст, далее чем на «10 поприщ» от Святого града (местонахождение пустыни Иоанна Предтечи) он не отъезжал. По обыкновению, паломники стремились максимально охватить сакральное пространство Палестины своим личным посещением и молитвами – Гагара в данном случае ведет себя не как типичный «поклонник». Как следует из данной описи, знакомство его состоялось только с юго-востоком Иерусалима и в основном с южными и восточными окрестностями и удаленными палестинскими землями опять же по юго-восточному направлению, включая заиорданскую долину с пустынными монастырями. Причины такого выбора, скорее всего, заключаются в ограниченном времени нахождения в Палестине и в реальном маршруте, вызванном действительными намерениями и целями Василия Гагары, среди которых благочестивое и смиренное поклонение святыням могло оказаться далеко не на первом месте. Однако, как было указано выше, все перечисленные места притягательны в первую очередь для паломника, а не для странствующего и любопытствующего путешественника или расчетливого в торговых делах негоцианта.

Путь в Египет, куда Гагара отправился, спустя трое суток пребывания в Иерусалиме, сложно воспроизвести в конкретных подробностях, помимо того, что он был труден, «истомлен, сиречь нужен», проходил пешком и на верблюдах по суше, о нем ничего не сказано. Маршрут до «Египта», точнее Каира²³, намечен одним лишь указанием на «деревню, именем Матария, а по гречески Мария», в основном известной своей христиан-

ской предысторией, связанной с Богородицей, бежавшей с младенцем Иисусом в Египет от царя Ирода. В Египте Василий Гагара оставался несоизмеримо дольше времени, чем в палестинских землях, как более приближенно к реальности показывает вторая редакция – в течение 14 недель, с декабря 1635 по 13 марта 1636 года²⁴. Подобные временные указания вполне правдоподобны, поскольку, по подсчетам С.О. Долгова, последние недели пребывания здесь Гагары совпали со временем Велико-го поста, а за 2,5 недели до Пасхи он вновь вернулся в Иерусалим и встретил здесь Светлое воскресенье, которое в 1636 году пришлось на 17 апреля²⁵.

Содержание «Хождения» позволяет судить о том, что большей частью Гагара жил в Каире, совершая поездки по берегам Нила (Геона, по древнему названию этой реки), во время которых наблюдал поразившие его пирамиды, а также многочисленные поселения, «села и деревни града Египта», «ездил нарочно смотрети» он и «старый Египет» (так в «Хождениях» назывался Древний Вавилон), в частности коптскую церковь Пресвятой Богородицы. Не исключено, что на обратном пути в Иерусалим Василий Гагара, проехав по побережью «Чермного» (Красного) моря, посетил Синай с его знаменитым монастырем во имя святой великомученицы Екатерины²⁶. Судя по тексту, экзотика и притягательность Египта в торговом отношении привлекала русского путешественника больше палестинских земель. Его описание представлено полнее и обстоятельнее повествования о святых местах Иерусалима, отражая, насколько можно судить, реальный интерес Гагары ко всему необычному и фантастичному, что встречалось на его пути: пустыня, «море пещаное», огромное количество мечетей в Каире – «как есть лес темный» (действительно, Каир в основе своей был мусульманским городом, христианские обитатели здесь всегда были немногочисленны), пирамиды (фараоновы полаты), хлебные амбары (житницы каменные), примитивные инкубаторы и производство некоего «фирьяка», мускуса и тростникового сахара, система водоснабжения города и климат пустыни, влияющий на плодородие египетских земель, особенности флоры и фауны и своеобразие образа жизни, культуры, поведения местных жителей и т. п.

Внимание привлекает любопытное наблюдение: описывая свое пребывание в Иерусалиме, Гагара сообщал о неудачном посещении Иерусалимского Патриарха и о встречах с Вифлеемским митрополитом, однако в подробный и обстоятельный рассказ о Египте не вошло и намек на встречу с Александрийским Патриархом Герасимом, о чем известно из документального источника – просительной грамоты, помеченной 1636 годом и посланной Герасимом с Василием в Москву, к царю Михаилу Федоровичу. Именно ее перевод сопровождал тексты обеих редакций в издании

С.О. Долгова, и именно письмо этого восточного Патриарха может подтвердить или объяснить ряд фактов. Цель его написания достаточно четко обозначена в содержании: во-первых, изъявление благодарности за присланные ранее грамоты русского государя и «великолепные царственные дары», во-вторых, просьба о милостыни – денежной помощи на церковь в Пелусии, которая была бы разрушена по указу местного судьи, если бы Александрийский патриархат за нее не заплатил, попав при этом в сложное финансовое положение, и, наконец, ходатайство за «господина Василия».

Как следует из данного текста, на Патриарха Герасима лично и на «всех здешних христиан, и греков, и арабов» Гагара произвел сильное впечатление прежде всего тем, что оказался «вполне добрым христианином, преданным церкви, благочестивым и богобоязненным». Впечатлил восточного иерарха и поступок русича, о котором также нельзя узнать из «Хождения», – освобождение Василием из рабства «со многими издержками и хлопотами» некогда плененного «москвитянина, по имени Иеремия». За это и просил Герасим Михаила Федоровича оказать Гагаре «царское благоволение», особенно если он «как человек в чем-либо провинился... по неведению и небрежности» (С. 88). Данное письмо позволяет говорить о том, что в Египте Василий Гагара вряд ли был принят в качестве официального или полуофициального посланника, поскольку нет упоминания ни о грамотах, им привезенных, ни о дарах и милостях, также обычных в подобных случаях. Герасим воспринял Гагару исключительно как паломника по святым местам Востока – «...он уже совершил паломничество и снова готовится отойти на поклонение во святой град Иерусалим...» (С. 89) – и для передачи письма воспользовался его услугами только по личной инициативе. Отсюда и прошение за него перед царем в благодарность за посредническую миссию. Примечательно в этом смысле именование Василия в грамоте с позиций морально-этических, но не по социальному или профессиональному положению. Он назван «господином», «благородным москвитянином», «хорошим христианином», «благочестивым и богобоязненным», но не как прежние упомянутые «государевы люди» – «благороднейшие послы господин Иван Гаврилович и господин дьякон Сергей Матвеев» (С. 85–86). В таком статусе путешественника Патриарх не видел. Таким образом, единственный документальный источник опровергает мнение о том, что Василий Гагара, объезжая Восток или хотя бы Египет, выполнял роль и функции «государева посла»; но вместе с тем подтверждает и паломнические намерения этого купца-путешественника, и реальность пребывания Василия в египетских землях, и дважды совершенную им поездку в Иерусалим.

Во второй раз в Палестину Василий Гагара вернулся незадолго до Пасхи. Он оказался вновь в Иерусалиме 3 апреля, где остался на две недели, до пасхальных празднований. За это время он стал свидетелем и участником паломничества к реке Иордан («после Вербного Воскресения в понедельник великий на Страстной недели») и обряда омовения на месте крещения Иисуса Христа «в великий четверг» (или, по первой редакции, «на Страстной недели в среду»), а также пасхального чуда – схождения Божественного огня в храме Гроба Господня накануне Светлого воскресения и «обедни праздничной».

Вскоре после этого Гагара отправляется в обратный путь на родину. Изначально маршрут его начинается «по суху» по тому же направлению, которым следовал сюда – через северные земли Палестины, Сирии, Азии: Самария – Дамаск – Амидония (Хама), Едес (Урфу), Бречюг (Биреджик), Ербикур/Ербикер (Диарбекир). Однако в связи с турецко-персидской войной (1635–1638) путешественник, узнав о движении персидских войск Уруслан Хана против турок, не решился продолжить этот ранее запланированный, удобный и известный ему путь в сторону Персии и далее Грузии («...не посмел ити через Персицкую землю, что война была с турки» (С. 37–38) и вынужден был от него отклониться, повернув в западном направлении, через Малую Азию, Турцию, к Черному морю. Далее он миновал Анкару («Ангурю»), дошел до Кастамона, решив из Синопа, турецкого порта на южном побережье Черного моря, «морем» «йти на Кафу, мимо Азова»²⁷. Но вследствие слухов о беспокойной обстановке в Крыму, о походе Крымского хана на Русь и опасности быть ограбленным и проданным в рабство (по первой редакции, новости получил в Кастамоне от русских невольников, по второй – в «Синябе» (Синопе) от греков), Гагара предпочитает сухопутную дорогу вдоль Черноморского побережья, «скрозь Турскую землю», «близ Черного моря», мимо Царьграда (Константинополя) и в результате переправляется у Галлиполи через Дарданеллы на европейский берег Мраморного моря. Далекое исследование комментировало необычность пройденного пути и географическую широту маршрута, которым следовал купец Василий Гагара и который столь кратко был описан в его «Хождении»: «такой территории до него не охватил ни один русский путешественник по Ближнему Востоку»²⁸.

Далее он прошел через Адрианополь по землям Болгарии (город Мечин на берегу Дуная), Валахии и Молдавии. В Яссах, где, по обыкновению, останавливались иерусалимские патриархи, приезжавшие «в Волоскую землю» за милостынею, путешественник, прибыв сюда в начале 1637 года и поразившись православному облику города, задержался на

три недели, встретившись за это время с митрополитом Варлаамом (1632–1655) и приняв участие в обряде «водоосвящения» на праздник Богоявления. Выбранный в дальнейшем путь через владения Литвы не был популярен в те времена, отличаясь малодоступностью для торговых и посольских караванов; неудачен он оказался и для Василия Гагары.

Обратная дорога для Гагары была примечательна еще и множеством описанных в «Хождении» знакомств и встреч, вольных или невольных диалогов с людьми, намеренно или случайно встреченными во время столь долгого и разнообразного странствия, суть которых попыталась обобщить В.П. Адрианова-Перетц: «...Василий Гагара собирал некоторые сведения о международном положении»²⁹. И, как сообщается в «Хождении», он стремился узнавать как можно больше о ситуации в странах, которые оказывались на его пути: «где бы что проведати, какие вести», «ради царьского величества», к примеру, о взаимоотношениях между Крымом и Портой, об отношении Турции к Москве, а также о положении в княжествах на Дунае. Так, Волосский митрополит «за совет открыл, что не делаетца в которых землях», и поведал Гагаре «за столом» об основной причине перемирия «турского царя» с «волоскими князьями» – страхе Порты перед союзом христианских европейских государств, в том числе и Московского. Купец вел подобные разговоры, не будучи официальным посланником. Не исключено, что такое поведение и высказываемые им политические интересы и предпочтения могли вызвать настороженность по отношению к нему и стать причиной описанного в «Хождении» ареста путешественника в Литовских землях. В городе Виннице «сам пан Калиновский»³⁰ принял его за московского посла в Турции Афанасия Букова, которого поляки хотели поймать по его возвращении от султана³¹. Под арестом он «живот свой мучил за приставом 15 недель», до тех пор, пока не выяснилось, что в грамотах, которые Гагара вез в Москву «от патриархов и от митрополитов греческих» (С. 43), не содержится ничего «винного», то есть, видимо, касающегося отношения Москвы к Литве (или, как на то указывает вторая редакция, «покаместа государь с Москвы грамоту прислал... свободил от пана» (С. 76–77)).

Тем не менее, продвигаясь далее через Польшу, 14 апреля 1637 года Гагара достигает Киева, где встречается с архиепископом Афиногеном и Киевским митрополитом Петром Могилой и поклоняется мощам святых в «подземных пещерах» Киево-Печерского монастыря. А в конце апреля или в начале мая 1637 года благополучно возвращается в Москву. Хронология уточняется известной датой пребывания в Киеве – 14 апреля – и временем перевода грамоты, привезенной Гагарой от Александрийского Патриарха Герасима – 15 мая 1637 года. Дополнительное подтверждение правильно-

сти подобных выводов обнаружила В.П. Адрианова-Перетц в одном из списков «Хождения», финальные строки которого звучат в отличие от обеих редакций предельно конкретизирующим образом: «И пришел аз многогрешный Василий к Москве во 145 году при благоверном великом Государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всея Руси и при святейшем патриархе Иоасафе московском и всея Руси месяца мая во 12 день» (*список Б – РНБ. ОСРК (Ф. 560). Q XVII. 211. Л. 227*). Из этого исследовательница делает логичный вывод: «Таким образом, указание *списка Б* на 12 мая вполне согласуется с названными датами и может быть принято как достоверное и дополняющее биографические сведения других списков»³².

По возвращении в Россию Василий Гагара был принят в Москве и, как известно из большинства рукописных источников, уже не был отпущен на родину: «...в Казань государь на старину ехать не повеле» (С. 45). Более того, путешественник был щедро одарен государем и патриархом («учали жаловать, корм и подачи были»), а также введен в московское купечество, зачислен в «гостинную сотню» и, следовательно, официально награжден основной привилегией гостя – правом торговли с другими странами³³. Даже не будучи, как предполагается, официальным или полуофициальным посланником во время своего путешествия, подобную щедрость и милость Гагара, видимо, заслужил. Переданные от священнослужителей восточной православной церкви грамоты (Василий упоминает не одну известную в настоящее время – от Герасима Александрийского), и, скорее всего, пересказанные им в Посольском приказе сведения о землях Востока и находящихся на пути к нему, важные «вести», свидетелем которых он сам мог быть, и, возможно, текст самого «Хождения» с его неизменным многообразием и широтой материала – все это могло быть поставлено Василию Гагаре в заслугу³⁴. Именно в результате этого путешествия русская словесность позднего Средневековья обогатилась еще одним текстом путевой литературы, который вызвал интерес со стороны книжников и читателей XVII–XVIII столетий и привлек внимание исследователей начиная с XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Адрианова-Перетц, В.П. Путешествия первой половины XVII в. // История русской литературы. – М. ; Л., 1948. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 123.

² Данные утверждения не должны, однако, упрощать и схематизировать литературный процесс, достаточно сложный в столетие, переходное от Средневековья к Новому времени. Нельзя забывать и о «Слове о некоем старце», датировка которого до сих пор

точно не определена, но своеобразие которого пополнило паломническую литературу, не исключено, в ближайшее к «Хождению» Гагары время (70–80- гг. XVI в. – 1640 г.).

³ См.: Долгов, С.О. [Предисловие] // Палестинский православный сборник (ППС). – СПб., 1891. – Т. 11. – Вып. 3 /33. – С. I–XII; Адрианова-Перетц, В.П. Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары // Сборник Российской публичной библиотеки. Материалы и исследования. – Пг., 1924. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 230–247; Адрианова-Перетц, В.П. Путешествия первой половины XVII в. – С. 123–126; Белоброва, О.А. О ленинградских списках древнерусских хождений в Грузию // Русская и грузинская средневековые литературы. – Л., 1979. – С. 168–170; Федорова, И.В. Древнерусские паломнические «хождения» в библиотеке Соловецкого монастыря // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря / отв. редактор С.А. Семячко. – СПб., 2004. – С. 227–229; Seemann, K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. – Munchen : Wilhelm Fink Verlag, 1976. – S. 318–334.

⁴ См.: Данилов, В.В. О жанровых особенностях древнерусских хождений // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). – М. ; Л., 1962. – Т. 18. – С. 21–37; Морозов, А.А. Заметки о «Хождении» Василия Гагары // Ceskoslovenska rusistika. – 1969. – Т. 14. – № 4. – С. 145–150; Прокофьев, Н.И. Литература путешествий XVI–XVII вв. // Записки русских путешественников XVI–XVII вв. – М., 1988. – С. 9.

⁵ См.: Русский биографический словарь. – М., 1914. – Т. 4. – С. 53–54; Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century. Slavica Publishers. – Columbus. Ohio, 1984. P. XXXV–XXXVI, 45–46; Белоброва, О.А. Василий Гагара // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Вып. 3 : XVII в. – СПб., 1992. – Ч. 1. – С. 162–163.

⁶ См.: Иконников, В.С. Опыт русской историографии. – Киев, 1908. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 1888–1889; Пыпин, А.Н. Паломничество // Вестник Европы. – 1896. – № 8. – С. 766; Пыпин, А.Н. Путешествия // История русской литературы. – СПб., 1898. – Т. 2. – С. 233; Трубецкой, Н.С. Лекции по древнерусской литературе // История. Культура. Язык / пер. с нем. М.А. Журиной. – М., 1995. – С. 588–589; Ольшевская, Л.А. Путевая литература переходного периода / Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников // Древнерусская литература. XI–XVII в. : учебное пособие / под ред. В.И. Корвина. – М., 2003. – С. 370–371.

⁷ См.: Караулов, Г.Э. Очерки по истории русской литературы. – Одесса, 1870 (Тип. П. Францова). – Т. 1. – С. 115; Порфирьев, И. История русской словесности. – Казань, 1876–1888. – Ч. 1–2. – Ч. 1 : Древний период. – Казань, 1876. – С. 638; Хитрово, В.М. Библиографический указатель русских книг и статей о святых местах Востока, преимущественно Палестинских и Синайских. – СПб., 1876. – С. 13; Пономарев, С. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах (материалы для библиографии). – СПб., 1877 (Тип. Императорской АН). – С. 9; Строев, П.М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы // Сборник ОРЯС Императорской АН / под ред. А.Ф. Бычкова. – СПб., 1882 (Тип. Императорской АН). – Т. 29. – № 4. – С. 49; Платонов, А. Древнерусские паломники из среды духовенства и мирян // Сообщения Императорского православного палестинского общества. – СПб., 1906. – Т. 17. – Вып. 4. – С. 538; Минцлов, С.Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. – М., 1911–1912. – Вып. 1–5. – Вып. 1. – Новгород, 1911 (Губернская тип.). – С. 194; Раба, Иоель. Специфика древнерусских описаний Святой земли // Славяне и их соседи. – Вып. 5 : Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Средние века – Новое время. – М. : Наука, 1994. – С. 223.

⁸ См.: Полиевктов, М. Старый Тифлис в известиях современников / М. Полиевктов, Г. Натадзе. – Тифлис, 1929. – С. XII–XIII, 11–13; Данциг, Б.М. Из истории русских пу-

тешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси // Очерки по истории русского востоковедения. – М. : Изд-во АН СССР., 1953. – С. 219–220; Шепелев, Л.С. Культурные связи Грузии с Россией в X–XVII вв. // ТОДРЛ. – М. ; Л., 1953. – Т. 9. – С. 317; Абрамян, Г.С. О маршрутах по Армении русских путешественников XV–XVII вв. // Известия Всесоюзного географического общества. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 85. – Вып. 1. – С. 89–92; Рухадзе, Т.О. Из истории грузинско-русских литературных связей (XVI–XVIII вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тбилиси, 1962. – С. 16; Цинцадзе, Я.З. Из истории русско-грузинских взаимоотношений X–XVIII вв. / Я.З. Цинцадзе, Ш.А. Месхиа. – Тбилиси, 1958; Цинцадзе, Я.З. Сведения Василия Гагары и Арсения Суханова о Грузии XVII в. – Тбилиси, 1965. – Текст груз.

⁹ Грамота была опубликована С.О. Долговым (См.: ППС. – СПб., 1891. – Т. 11. – Вып. 3/33. – С. 85–90).

¹⁰ Две основные редакции текста были опубликованы в одном издании. Первая редакция: Житье и хождение въ Иерусалимъ и Египеть казанца Василия Яковлева Гагары // ППС. – СПб., 1891. – Т. 11. – Вып. 3/33. – С. 1–45. Вторая редакция: Списокъ. Хождение въ полестинскихъ местехъ убогаго Василия, по прозвищу Гогары // ППС. – СПб., 1891. – Т. 11. – Вып. 3/33. – С. 47–78. В дальнейшем это издание цитируется в тексте работы с указанием страниц в круглых скобках.

¹¹ Плес – город между Костромой и устьем реки Унжи – был основан в 1409 (1410) году повелением великого князя Василия Дмитриевича на правом берегу Волги, при речке Шохонке, в качестве опорного пункта на подступах к Костроме.

¹² Не совсем точно, на наш взгляд, В.П. Адрианова-Перетц замечает: «Вместо обычного у паломников мотива путешествия – побывать в местах, связанных с религиозными воспоминаниями, – Василий Гагара выдвигает чисто личный повод» (Адрианова-Перетц, В.П. Путешествия первой половины XVII в. – С. 123). Действительно имеющийся в тексте акцент на «чисто личном поводе» путешествия во второй редакции дополняется именно «мотивом... побывать в местах, связанных с религиозными воспоминаниями»: «...и прииде ми грешному мысль, еже ми тамо быти и помолитися святым местом и во Еросалим животворящему кресту Господню и гробу Владычню поклонитися и по протчим святым местом походити» (С. 48).

¹³ Данилов, В.В. О жанровых особенностях древнерусских хождений. – С. 32; Данциг, Б.М. Из истории русских путешествий... – С. 220; Полиевктов, М. Старый Тифлис в известиях современников. – С. 12.

¹⁴ К.-Д. Зеemann указал на сходство пути Василия Гагары (из Казани через Грузию) с маршрутом, которым следовал купец Федот Котов, направляясь в 1623 году в Персию; часто также в XVII веке отправлялись русские миссии на Транскавказ – по Волге через Астрахань в Тифлис.

¹⁵ Однако, исходя из такой последовательности пунктов посещения в Армении (Ереван – Араратские горы – Ардаган – Карс – Эрзерум), современные исследователи предположили, что, скорее всего, в действительности Василий Гагара не был в Ереване, зная о нем по рассказам как о довольно значительном торговом центре, каковым он и являлся к тому времени. Тем более, Ереван упоминается далеко не во всех списках «Хождения» в отличие хотя бы от Ардагана. Сомнения в данном случае вызвало то, что Гагара не пояснил, каким образом из Еревана он попал в Ардаган, миновав Карс, тогда как проехать туда можно только через Карс. В ином случае путешественник вынужден был сделать большой кружной путь на север, через Ахалкалакское плато и все для того, чтобы, проехав с юга через Кагызманское ущелье и свернув на север по непроходимым горным тропам к Ардагану, после его посещения спуститься вновь на юг к Карсу, в чем нет никакого смысла. В связи с этим можно сделать вывод, что Гагара, скорее всего, проехал

из Тбилиси в Эрзерум по кратчайшему пути: по долине Куры и через Ахалкалакское плато прямо в Ардаган, но не заезжая в Ереван, а маршрут его в наброске, к примеру, Г.С. Абрамяна должен выглядеть следующим образом: Тбилиси – по долине Куры – перевал Цкра – Цкаро – Ахалкалаки – Ардаган – Карс – Эрзерум и далее (Абрамян, Г.С. О маршрутах по Армении русских путешественников XV–XVII вв. – С. 92). Таким образом, маршрут путешественника породил цепь невыясненных вопросов, причина появления которых частично обнаруживается в жанровой специфике подобных описаний: «Эти неясности вызваны особенностями стиля изложения большинства «хожений», не позволяющим отличить маршруты, описанные со слов, от маршрутов, действительно пройденных путешественниками» (Абрамян, Г.С. О маршрутах по Армении русских путешественников XV–XVII вв. – С. 92).

¹⁶ Севастия (Сивас) – греческое поселение в восточной части Малой Азии, захваченное турками в 70-е годы XV века, расположено на одном из популярных караванных маршрутов: Султания – Тебриз – Эрзерум (Эрзурум) – Эрзинджан – Сивас – Конья. Отрезок этого пути, к примеру, в XV веке проходил Афанасий Никитин.

¹⁷ Арешян, С. Заметки русских путешественников об Армении (XIV–XVIII вв.) // Известия АН Армянской ССР. Общественные науки. – 1951. – № 3. – С. 48.

¹⁸ К примеру, в 1635 году грузинский царь через прибывшего в Москву митрополита Никифора сам предлагал союз России, а Посольский приказ тут же приступил к изучению привезенных послом данных о положении дел в Грузии, сопоставляя их с важными сведениями о русско-грузинских отношениях XVI века, хранившихся в московском архиве. Подробнее см.: Полиевктов, М. Старый Тифлис в известиях современников... – С. XII; Цинцадзе, Я.З. Из истории русско-грузинских взаимоотношений X–XVIII вв. – С. 70; Шепелева, Л.С. Культурные связи Грузии с Россией в X–XVII вв. – С. 313; и др.

¹⁹ «В посольском приказе в Москве опрашивали людей, приехавших из Закавказья, будь то послы из Грузии или просто люди, прибывшие из тех краев. Была специально разработана техника собирания такого рода сведений. С другой стороны, и для русских послов, отправлявшихся в Грузию, составлялась специальная программа – наказ» (Полиевктов, М.А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. – Тифлис, 1932). Русский посольский приказ, еще в начале XVII столетия незанятый с обстановкой, сложившейся в тот период в Восточной и Западной Грузии, всячески пытался получить информацию, прежде всего, с помощью государевых посланников. Таким образом, Москва уже к концу XVII в. располагала необходимыми ей сведениями (Шепелева, Л.С. Культурные связи Грузии с Россией в X–XVII вв. – С. 314).

²⁰ К примеру, Василий Гагара не был принят при дворе, как путешественник Шарден (XVII – начало XVIII века), русский купец не присутствовал, подобно этому знатному французскому коммерсанту и будущему агенту английской индийской компании в Голландии, на придворной свадьбе.

²¹ Полиевктов, М. Старый Тифлис в известиях современников... – С. XII.

²² На подобные предположения наводит и личность самого отсутствующего патриарха. Феофан известен прежде всего тем, что именно благодаря ему восстановились в 1619 г. прекращенные в Смутное время связи России с православным Востоком, к тому же «...с Феофаном выступила и совершенно новая сторона в сношениях иерусалимских патриархов с русским правительством, какой вовсе не было ранее при патриархах Германе и Софроние – Феофан первый из иерусалимских патриархов делается тайным русским политическим агентом в Турции, сообщаящим в Москву разные политические вести, касающиеся тогдашнего положения дел в Турции» (Каптерев, Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. – М., 1885 (Тип. Л.Ф. Снегирева). – С. 113). Факт посольства к нему был бы логичен и легко объясним.

²³ По традиции древнерусских хождений топоним «Египет» в равной степени употреблялся и в отношении государства, и в отношении его столицы.

²⁴ В первой редакции указана неверная дата – 2 года и 3 недели. Б.М. Данциг, видимо, ориентировался на нее, когда утверждал, что в Египте Гагара прожил больше 2 лет (Данциг, Б.М. Из истории русских путешествий... – С. 220).

²⁵ См.: Долгов, С.О. [Предисловие]. – С. IV.

²⁶ Долгов, С.О. указал также на посещение Гагарой Александрии. Ряд списков «Хождения», действительно, содержит упоминание этого египетского города, однако, лишь единожды в связи с легендой о златоковаче и горе, сдвинувшейся с места по молитвам его, которая пространственно приписана «Египту Александрескому» (С. 61). Арх. Леонид (Кавелин), к примеру, считал, что речь в «Слове о кузнеце...» идет о городе Каире (Леонид, арх. Иерусалим, Палестина и Святой Афон по русским памятникам XIV–XVII вв. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – М., 1871. – Кн. 1. – Отд. 2. – С. 113). Вместе с тем, памятуя о том, что египетские земли прежде всего представляли для русского купца интерес с торговой точки зрения, сомнительно предположение о поездке Гагары в сравнительно далекую и ничем не примечательную в XVII века Александрию (кроме своего месторасположения на побережье Средиземного моря), которая была сильно разрушена еще во время турецких завоеваний (1517 г.), а позднее пришла в полный упадок. Мало что добавляет к этому грамота, переданная Василием в Москве царю Михаилу Федоровичу от Александрийского Патриарха Герасима. Ее содержание ничем не указывает на то, что его встреча с патриархом и соответственно передача этого документа состоялись в Александрии: «Сюда в страны Египта пришел... господин Василий...» (С. 88), «он был в Египте, когда нас постигло это бедствие...» (С. 89), а в завершении письма идет приписка: «Писана в Египте...» (С. 90).

²⁷ Маршрут через Азов, Кафу и Константинополь, крупные торговые центры на пути, соединявший страны Европы со странами Востока, был весьма распространен с XVI в., в том числе среди русских купцов и паломников.

²⁸ Данциг, Б.М. Из истории русских путешествий... – С. 220.

²⁹ Адрианова-Перетц, В.П. Путешествия первой половины XVII в. ... – С. 126.

³⁰ Имеется в виду черниговский воевода, гетман Марцин Калиновский.

³¹ Речь идет о переводчике Польского приказа, который в начале 1636 года, действительно, был послан к турецкому султану от русского государя, возвращался же Афанасий Буков не через Польшу, а по морскому пути через Константинополь и Азов. Обстоятельный текст первой редакции «Хождения» Василия Гагары обнаруживает явную осведомленность в изложенных событиях. Подробнее об этой миссии см.: Соловьев, С.М. История России. – М., 1961. – Т. 5. – С. 214.

³² Адрианова-Перетц, В.П. Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары... – С. 233.

³³ Именно гости становились на Руси богатейшими купцами (способными в том числе приобретать земельную собственность), что выделяло их в высшую, самую привилегированную группу торгово-промышленного сословия. См.: Аксенов, А.И. Положение и судьбы гостей в кон. XVII – XVIII вв. // Проблемы отечественной истории. – М., 1973. – Ч. 1. – С. 66–87; Сурочковский, В.Е. Гости-сурожане. – М., 1945. – С. 27–35.

³⁴ За подобные заслуги чином «гостя» награждали не случайно, поскольку гости, как самая привилегированная часть в купеческой иерархии, могли не только заниматься торговлей, но и выполнять также посольские, чиновничьи и даже военные поручения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артемьев Николай Семёнович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса РГУ имени С.А. Есенина, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Агапова Наталья Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии РГУ имени С.А. Есенина.

Козлов Геннадий Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, декан факультета юриспруденции и политологии РГУ имени С.А. Есенина.

Лиферов Анатолий Петрович – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, президент РГУ имени С.А. Есенина.

Медведев Николай Павлович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Российского университета дружбы народов.

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета, лауреат конкурса Европейской академии в области гуманитарных наук.

Полищук Елена Геннадьевна – младший научный сотрудник Центра европейского права и политики РГУ имени С.А. Есенина, соискатель кафедры уголовного права и процесса РГУ имени С.А. Есенина.

Решетова Анна Анатольевна – доктор филологических наук, доцент кафедры литературы РГУ имени С.А. Есенина.

Симакова Елена Святославовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики русского языка и литературы РГУ имени С.А. Есенина.

Скрябина Ольга Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры современного русского языка РГУ имени С.А. Есенина.

Южанин Вячеслав Ефимович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса РГУ имени С.А. Есенина.

Для заметок

Научное издание

Вестник
Рязанского
государственного
университета
имени С.А. Есенина

Научный журнал

2007 • 4/17

Главный редактор *Лиферов Анатолий Петрович*

Редактор *Т.Н. Свитнева*
Технический редактор *В.В. Дмитриева*

Подписано в печать 25.11.07. Поз. № 134. Бумага офсетная. Формат 70x100 ¹/₈.
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 17,44. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 500 экз. Заказ № 114

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Отпечатано в редакционно-издательском центре РГУ имени С.А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Урицкого, 22